

АБДУЛЛА ШАИЖ

Аз 2
ст. 17

**ПИСЬМО
НЕ ДОШЛО**

АБДУЛЛА ШАИХ

ПИСЬМО НЕ ДОШЛО

Ф. Кітэпханасы
Azərbaycan EƏ Mərkəzi
KİTAPXANA
INV. № 229797

ГЯНДЖЛИК
БАКУ · 1984

Для среднего и старшего возраста

Талыбзаде Абдулла Шаик Мустафа оглы.

Ш16 Письмо не дошло. Б., Гянджлик, 1984. — 192 стр.

В книгу включены рассказы писателя и роман «Араз», в которых нашли отражение различные стороны дореволюционной азербайджанской действительности. В романе «Араз» и «Письмо не дошло» освещается быт, труд, революционная борьба азербайджанских рабочих, классовая сущность азербайджанской буржуазии.

Рассказы «Кочевье» и «Дурсун» выделяются особым вниманием писателя к людям дореволюционного азербайджанского села.

В книге освещены и такие темы как любовь к человеку труда — «Анабаджи», дружба народов — «Жить или не жить?», нравственная деградация национальной буржуазии — «Червяк».

Произведения А. Шаика интересны сегодня и с точки зрения эволюции лирико-романтического стиля в азербайджанской прозе, его роли в формировании творческого метода социалистического реализма.

Ш 4702060000
М653(12)—84 164—84

Аз1

© Гянджлик, 1984.

ПИСЬМО НЕ ДОШЛО

I

Был морозный зимний день. Резкий холод обжигал лицо. Словно облекшись в траур, небо закуталось в плотную чадру, а горы и долины затаило белесым саваном. На улицах по снежным сугробам, боязливо озираясь, прыгали вороны. Тепло одетые, хорошо обутые люди, выйдя из уютных жарко натопленных домов, беспечно ездил в санях или шли пешком. И ничего кроме удовольствия, не могли им доставить эта леденящая стужа и жестокий мороз.

Неужели все несчастья и горести жизни выпадают только на долю неимущих?

Курбан сидел в конце Шайтан-базара, около своего земляка, уличного писца муллы Ферзали, писавшего письма и прошения. Курбан совсем окоченел от холода. Придерживая одной рукой открытый ворот ветхой рубахи, а другой — отдирая драный чувак, примерзший к ноге, он говорил:

— Напиши для меня письмецо, мулла. Ведь сам знаешь, какой я тебе доход приношу. Не прошло и года, как я приехал сюда из родных мест, а уже считая с этим, заказываю тебе пятое письмо.

Муллы Ферзали потер окоченевшие от холода пальцы. Достал клочок бумаги, положил его на колени и, позевывая, спросил:

— Говори, земляк, что писать?

Курбан еще ближе подсел к мулле и, словно собираясь поведать ему какую-то тайну, зашептал:

— Во-первых, мулла, напиши от меня привет матери моих детей. Напиши, чтоб она поцеловала за меня в глазенки Анаханум и Мемиша, берегла их и делала. Потом напиши, что и я, слава аллаху, жив и здоров. Через Гулама-Рзу посылаю вам пятнадцать рублей, вышлю еще;

3

пусть ребятишки не терпят нужды ни в чем, а сам я приеду в конце весны.

Окунув перо в чернильницу, мулла принялся было строчить письмо, но чернила так загустели, что писать было нельзя. Мулла Ферзали осторожно плюнул в чернильницу, размешал и принялся писать снова.

Курбан еще плотнее запахнулся ветхим архалуком, прикрыв торчащие иглами волосы на груди и весь съжившись от пронизывающего холода, сокрушенно сказал:

— Эх, мулла-ами, к плохому человеку попал я на работу. Колодец прорыт уже больше чем на тридцать сажен. Мы просим, умоляем хозяина: «Ага, прибавь нам плату, — спускаться так глубоко нам не под силу, задыхаемся от газа». Но злодей, сын злодея, упрямится: «Будете, говорит, рыть, как прежде условились, а то не заплачу ни копейки». Трудно, мулла, зарабатывать здесь деньги. Вот у тебя завидное ремесло: напишешь за день десяток писем, прошений, пару молитв — вот и сыт. Да ниспослет тебе аллах свою милость, что еще хочешь?

Мулла Ферзали спрятал ручку и, захватив кончиками пальцев шепотку песку из выемки в стене, посыпал бумагу.

— Эх, земляк! — отвечал он. — Со стороны драка кажется забавой. Не такая уж приятная у меня работа, как это тебе кажется. Зимой и летом сиди на перекрестке и жди, когда придет заказчик. Иной раз уже в глазах начинает темнеть. А бывают дни, когда ни один человек не подходит. Так и сидишь, потирая пустое брюхо.

Мулла поплотнее закутался в свою абу¹ и принялся громко читать написанное.

Курбан весь обратился в слух, сидя с разинутым ртом, словно собираясь проглотить выходящие из уст муллы слова, и потом с заблестевшими от радости глазами, сказал:

— Мулла, напиши еще поклон Гулам-Гусейну и напиши, чтоб до моего возвращения он присматривал за ребятишками. Пусть он напишет мне, что стало с нашей золотистой коровой, и продали ли слепую кобылу. И еще напиши, что когда приеду, привезу Анаханум и Мемишу по красненькому узорчатому платочку.

¹ Аба — мужская накидка.

Дописав письмо, мулла Ферзали аккуратно сложил в конверт и, обращаясь к Курбану, спросил:

— Земляк, на чье имя послать письмо?

Курбан смущенно почесал затылок:

— Напиши, мулла, чтоб вручили матери детей Курбана.

Написав это, мулла протянул конверт Курбану.

Дрожащими от радости руками Курбан взял письмо, внимательно оглядел его и хотел было спрятать на груди, но письмо выскользнуло из его продрогших рук, и упало на землю. Быстро нагнувшись, Курбан схватил его и, осторожно очистив от мерзлой земли, бережно спрятал за пазуху.

Потом он достал из кармана кисет, вынул гривенник и вложил в руку муллы.

— Возьми, земляк. К байраму я опять приду заказать новое письмо, тебе немало еще перепадет от меня. Он зашагал, крепко прижимая к груди письмо.

Ему хотелось поскорей добраться до жилища своего земляка Гулама-Рзы, вручить ему это письмо и передать кое-что на словах.

«Счастливец этот Гулам-Рза, — думал дорогой Курбан. — Сколотил немного денег и теперь поедет повидаться со своими детьми. Как чудесно будет там через месяц! Леса, горы и холмы покроются зеленью, расцветут цветы, деревья оденутся зеленой листвою, вернуться из теплых краев ласточки, первые вестницы весны. Скворцы, жаворонки и журавли начнут вить гнезда. Всюду на полях и огородах закипит работа. Рыбаки пойдут рыбачить на реки и озера. Эх, нужда, нужда, что ты сделала со мной? Бросила на чужбину, оторвала от жены и детей».

Слезы подступили к самому горлу Курбана. На мгновение сердце его замерло, колени задрожали, и, теряя последние силы, он упал на хрустящий снег. Разбитый, изнемогший, с трудом придя в себя, Курбан приподнял голову. Перед глазами его замелькали рассекавшие шумную толпу нарядные сани, довольные, оживленные лица одетых пешеходов. Курбан окинул эту сытую, самодовольную радость взглядом, полным горечи и ненависти, и с его бескровных губ сорвался тяжелый вздох. Овладев

собой, он медленно поднялся. Поспешно сунул руку за пазуху, убедился, что письмо там, и, еще сильнее прижав его к груди, зашагал к дому своего земляка.

Дверь была заперта. Грустный и опечаленный, Курбан повернул обратно. Бродя, как помешанный, в густой толпе рабочих, он заметил вдруг другого своего земляка — Сафара. Курбан подошел к нему, поздоровался и узнал, что Гулам-Рза ушел в город.

— Как придет Гулам-Рза, — попросил Курбан Сафара, — передай ему, что я заходил. Он должен непременно повидаться со мной перед отъездом. Я хочу послать с ним письмо и деньги семье и передать кое-что на словах. Курбан пошел домой.

II

— Подлецы, негодяи! Пока колодец был неглубокий, головой был я, а хвостом они. Куда поворачивал я, туда они и шли. А теперь, когда колодец углублен, они хотят стать головой. Каждый день — мне новый ультиматум. Что ни день, то новые требования. Колодец, видите ли, глубок, там пахнет смертью... и всякий тому подобный вздор. И еще не знаю там что. Тьфу! Плевать я хотел на таких бесстыжих, бессовестных людей! Плеть, плеть, вот что вам нужно, — кричал и бесновался хозяин колодца Гаджи-Кули.

Сафар и Тариверди опорожнили поднятые из колодца ведра с песком и прежде чем снова спуститься, Тариверди сказал хозяину:

— Ай ага. Мы по-прежнему были и остаемся только хвостами, ты сам посуди, сейчас опаснее всего работать в колодце. Ведь совесть тоже хорошая вещь.

— Взгляни, — перебил Сафар товарища, указывая рукой в сторону нефтяных промыслов, — под каждой пядью, под каждой горстью этой земли, всюду, куда ни ударишь заступом, наткнешься на кости рабочих. Ото всюду слышатся их стоны. А тем, кто живет в этих роскошных высоких домах...

— Ну и подышайте себе, — прерывая Сафара, закричал Гаджи-Кули, топнув ногой. — Вы думаете, деньги наживаются легко? Вы рискуете жизнью, а мы — золотом.

— Сафар, ай Сафар, — дергал Курбан канат из скважины.

Сафар и Тариверди бросились к колодцу. Они, свесившись, заглянули в глубь колодца, но вдруг оглушительный грохот взорвавшегося газа заставил их в ужасе отпрянуть.

— Да простит сам аллах. И Курбан тоже погиб, — взволнованно прошептали они.

Гаджи-Кули, точно не слыша этих слов, опасно подошел к колодцу и осторожно склонился над ним. Глаза его загорелись радостью. Счастливая улыбка заиграла на губах.

— Выход нефти открыт, теперь она забьет, — крикнул он в диком восторге.

— Гаджи, а как же тело Курбана? — с напускным равнодушием спросил Тариверди. — Так оно и останется в колодце?

Слова эти оторвали Гаджи-Кули от радужных мыслей. Он широко раскрыл глаза. Достав из кошелька две двадцатипятирублевки, он процедил сквозь зубы:

— Тот, кто вытащит труп, получит пятьдесят рублей. Тариверди подошел к колодцу и, увидев поднимающуюся, kloкочущую нефть, сказал:

— Бедный Курбан, ты сам своими руками вырыл себе могилу.

Гаджи протянул им асигнации.

— Возьмите, пусть эти пятьдесят рублей будут вашими, разделите их между собой, но смотрите, — про это никому ни слова.

— Ага, — спросил Сафар, — а как быть с одеждой?

Гаджи, опустив руку ему на плечо, ответил:

— Заройте ее где-нибудь поблизости.

Когда Сафар и Тариверди, собрав одежду, встряхнули ее, на землю упал конверт. На конверте было написано: «Вручить матери детей Курбана».

Сафар и Тариверди сокрушенно разглядывали конверт.

— Бедняга Курбан, письмо не дошло, — вздохнув, горестно прошептали они.

ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?!

I

Была темная ночь поздней весны. Тучи громоздились друг на друга. Глубокий мрак окутал все вокруг. Кура, разделяющая Тифлис на две части, билась о прибрежные камни, катясь стремительно и бурно.

Было далеко за полночь. Огни в домах погасли. На нижнем берегу Куры в маленьком оконце тускло светила лампа. Там, за этим окном, томимый бессонницей человек не находил себе места. Устремив взгляд в одну точку, он все думал и думал и никак не мог уснуть. Глубокие вздохи разрывали ему грудь. Две горячие слезы скатились по его щекам. Губы его невольно прошептали: «Лавка моя ограблена, все товары унесены... Целая куча детей... Старик-отец... Что же мне теперь делать?.. Если б только я мог занять немного денег», — пронеслось в его голове. Он обхватил руками колени.

— Ну, и времена настали... Стоит человеку упасть, как люди стараются растоптать его, никто не протянет руку помощи, — и он снова опустил голову на подушку. Веки его сомкнулись. Лицо застыло в жалкой растерянности. Прерывисто дыша, он опять не мог уснуть — горькие мысли одолевали его. Они глубокой болью отзывались в сердце. Словно разрубив, наконец, узел, все туже стягивавший его, он вскочил с постели. В глазах его сверкнул луч надежды. Накинув пальто на плечи, он принялся расхаживать по комнате. «Наш сосед, Аванес — мой старый друг и кум, — сказал он про себя. — Если я расскажу ему о своей горе, то сумею одолжить немного денег. А потом найду, как прокормить семью». Надежда и радость озарили его лицо. Но этот проблеск радости мгновенно погас. Широко раскрыв глаза, он прошептал в страхе:

«А если не даст? — Через минуту, подняв голову, он добавил прерывающимся голосом. — Тогда остается одно — покончить с собой». — Охваченный этими мыслями, он снова лег и, наконец, забылся тревожным сном.

Утром когда он открыл глаза, солнце взошло, освещив

землю своими теплыми лучами. Они слепили его глаза, воспаленные и покрасневшие от страданий и бессонницы. Он быстро спустился с кровати, умылся, оделся, чтобы идти к своему куму, Аванесу. У порога он вдруг остановился, словно пригвожденный.

«Нет, хотя Аванес мой близкий друг, я к нему не пойду» — решил он и снова задумался. В дверь постучали. Аслан открыл дверь.

Пришедший оказался самим Аванесом.

— Аслан, что ты думаешь делать?

— Пока ничего не придумал.

— Сколько денег надобно тебе, чтоб закупить товар для лавки?

Опустив голову, Аслан молчал. Аванес снова спросил о том же.

— Если б я мог занять триста рублей сроком на шесть месяцев... — начал Аслан.

— Я принес как раз триста рублей, — прервал его Аванес, чтоб дать их тебе. — И он протянул деньги Аслану.

Как Аслан и Аванес были старыми друзьями, так и жены их Марал и Асмик были близкими приятельницами. Их семьи постоянно виделись, и радости и горести одной семьи всегда разделяла вторая.

У Аслана был старый дядя, брат его отца. Дома все любили и уважали его. Марал днем и ночью не отходила от этого доброго старика, заботливо ухаживая за ним. Старика звали Баба. Этот бедняга-старик забывал обо всех своих печалях, называя Аслана сыном, а Марал дочерью. Аванес очень любил поговорить со стариком и часто приходил к нему.

Но вот однажды Баба тяжело заболел. Позвали врача, никакое лечение, никакие лекарства не помогли. Все в доме опечалились. Аванес и Асмик ежедневно навещали Бабу. Через неделю Баба скончался. Носилки с телом Бабы понесли на своих плечах Аслан и Аванес.

Аслан похоронил дядю со всеми почестями. На седьмой день по обычаю, справляли поминки. Пришедшие почтить память старика поели, попили и ушли. В доме, кроме Аванеса и Асмик, никого из посторонних не осталось. Асмик двигалась медленно и тяжело, и Марал сказала:

— Асмик-баджи, желаю тебе счастливых родов. Ждать их уж недолго. Дай бог тебе сына. Вы нам ближе, чем брат и сестра.

— Марал-баджи, для такого человека, как Баба-киши, и жизни не жалко, — сказал Аванес и потом обратился к Аслану:

— Аслан, если у меня родится сын, я назову его Баба, что ты скажешь?

— А что сказать, он будет светочем обоих наших домов.

Через несколько дней у Аванеса родился сын. Марал, как родная сестра, ходила за роженицей, смотрела за ее детьми, готовила обед, мыла, чистила, убирала. Мальчика называли Бабой. Действительно, ребенок стал любимцем и радостью обеих семей.

II

Был январь. Снежные хлопья, словно лепестки белых цветков, кружились в воздухе. Армяне, расколов скывавший Куру толстый лед, и совершив обряд крещения, с пением направившись к находившейся за мостом церкви. Когда начало процессии было уже у самой церкви, а хвост в конце моста, послышался страшный грохот. На мосту поднялась невообразимая суматоха. Однако люди, толпящиеся вокруг, не могли понять, что это был за шум и грохот и наседали друг на друга, пытаясь хотя бы на одну минуту скорее проникнуть в церковь. Увы! Кто мог подумать, что цовый мост не выдержит и одного дня. Инженер, строивший мост, поспешил.

В одну минуту сотни людей, хватаясь друг за друга, погрузились в ледяную воду. Воздух сотрясали крики ужаса. Люди столпились на берегу. Некоторые глядели издали, другие спешили помочь близким. Аслан тоже оказался среди зрителей. Он стоял на самом берегу реки. Вдруг он увидел, что Аванес из последних сил цепляется за обломок бревна. Мог ли Аслан остаться на месте? Сбросив с себя одежду, он мгновенно поспешил к Аванесу. С невероятным трудом он вытащил его на берег и принес домой. Едва придя в себя, Аванес сказал Аслану:

— Аслан, веками мы братья, хоть вера у нас и разная. Ты поступил как настоящий брат. Спасти человеку

жизнь, значит подарить ее. До конца своей жизни я не забуду этого.

Аслан глубоко вздохнул и оглядел своего друга.

— Не я спас тебя, а ты сам. Год тому назад и меня судьба придавила. Я потерял голову и уже решил покончить с собой. И спас меня ты. Если бы тогда не спас меня ты, а сегодня тебя я, мы оба распрощались бы с жизнью.

Только наша дружба спасла нас.

КОЧЕВЬЕ

абрезжил рассвет, обещавший прекрасное майское утро, когда мать разбудила меня. — Вставай, сынок, собирайся на эйлаг, — и она, обхватив мою голову руками, повторила:

— Вставай, сынок. Все, кроме тебя, поднялись. И арба наша у ворот.

Я тотчас вскочил и быстро оделся. Наскоро проглотив чашку чая, перескакивая через ступеньки, спустился по лестнице. Запряженная быками арба стоит у наших ворот. Аробщик Салман-киши, не спеша, степенно, по всем правилам, укладывал наши вещи в арбу. Сейчас мы тронемся в путь — какая радость. Вся наша семья уже собралась у арбы. Мы берем с собой и мою кошку Мэрмар и мою большую пеструю курочку-хохлатку, вместе с цыплятами, спрятанными в корзину. Как же мне не радоваться? Все мы забрались на арбу, и Салман-киши сел на козлы. Арба тронулась.

Отец мой ехал верхом рядом с арбой. Мы проезжали по большим, широким улицам города. Мимо проплывали знакомые высокие дома, широкие окна, блестящие витрины магазинов...

Когда мы выехали из города, на востоке разгоралось

золотисто-багряное пламя, окрашивавшее облака, гро-
моздившиеся на горизонте, подобно горной гряде.

Мы оставляли позади душные пыльные улицы города. Арба наша ехала по дороге, с обеих сторон обсаженной высокими деревьями, за ними разбросаны были огороды и пашни.

Азербайджан... До чего ж хороша природа моей от-
чизны! От дуновения утреннего ветерка шелестит листва, волнуются молодые всходы и травка на полях и лугах, изумрудным ковром покрывающие холмы и долины. Звонко щебечут укрывшиеся в зеленой листве птички. Кругом, насколько хватает глаз — зеленеющие холмы, до-
лины, овраги. За каждым поворотом — новый вид, один прекраснее другого. По мере того, как мы поднимаемся по ущелью, обрывистые склоны которого поросли тер-
новником, воздух становится свежее и чище — дышится легче и привольней.

Запах горной мяты и чебреца опьянял нас.

Горам впереди не было конца и края. Словно обняв-
шись, они стоят, тесно прильнув друг к другу. Мы пере-
валиваем через высоченный хребет, а навстречу нам
встает другой, еще более высокий. Одолев и его, мы вы-
ехали на равнину — пастоящее царство цветов, — об-
рамленную густым лесом, дикими скалами и обрывисты-
ми ущельями. Вдали, у подножия высокой горы, видне-
лось кочевье — десяток алачыгов¹.

Наконец-то мы приехали! Я не мог усидеть на месте.

Высочила огромная овчарка и злобно залаяла на нас.

ВСТРЕЧА

Когда мы подъехали к алачыгам, нас окружили дети и несколько пожилых женщин и мужчин. Старик, подо-
шедший первым, приветствовал нас. Его толстые отвис-
лые губы расплылись в улыбке, вокруг маленьких глаз
лучились морщины. Опираясь на свою сучковатую палку,
он сказал:

— Добро пожаловать! Мы вас ждали еще вчера.

— Спасибо, Керим-баба! Не вчера так сегодня, — от-
ветил отец.

¹ Алачыг — войлочная палатка.

Подшли женщины и поздоровались с матерью. Отец, любивший пошутить со стариками, смеясь, ска-
зал Керим-бабе:

— Ну, что, Керим-баба, как ладишь с Айрым-кызы?

Керим-баба ответил:

— Да как! Недаром сам называешь ее Айрым-кызы¹! Ладим, как кошка с собакой!

Тучная женщина низкого роста, лет пятидесяти, подо-
шла к отцу. Рот и подбородок ее были закрыты платком.

Ответив на ее приветствие, отец мой шутливо за-
метил:

— Посмотри-ка, Айрым-кызы, не успели мы приехать, а Керим-баба уже жалуется на тебя.

— А пусть его жалуется, сколько хочет. Испокон веку мужчины жалуется на женщин, мы привыкли к этому. Мужчины никак не могут примириться с нами! — отвеча-
ла Айрым-кызы, улыбаясь узкими карими глазами.

НАШ АЛАЧЫГ

Арба наша остановилась у войлочного алачыга. Мы вошли в него. Мгновенно женщины и дети окружили нас.

Расцеловав мать, женщины завязали с ней оживлен-
ный разговор.

Дети, сверкая белыми, как жемчуг, зубами, всячески старались дать понять, что хотят поиграть и порезвиться со мной. Я был застенчив и робок и стоял, прильнув к ма-
тери. Отец, сидя неподалеку от алачыга, на разостлан-
ном паласе, говорил о чем-то с Керим-бабой.

День был знойный. В алачыге было полно народу, можно было задохнуться от тяжелого запаха войлока, вызывающего головную боль. К счастью, это длилось не долго. Снаружи послышался суровый окрик Керим-бабы:

— Не мучайте и не томите гостей, дайте им отдохнуть с дфюги.

Пришедшие начали постепенно расходиться. Немно-
го погодя для нас приготовили завтрак. Усевшись на па-
ласе вокруг узорчатой скатерти, мы досыта поели свеже-
го хлеба с маслом, каймаком² и кислым молоком.

¹ Айрым-кызы — дочь айрымцев, живущих в Кировабад-
ском районе, отличающихся воинственностью, отчаягой.

² Каймак — сливки.

Поев, отец окликнул Керим-бабу:

— Послушай, Керим, заготовил ли ты колья для алачыга?

— Не понимаю, — ответил хладнокровно Керим-баба, — почему все ученые люди так нетерпеливы?

— Время идет. К вечеру алачыг обязательно должен быть готов, — ответил отец.

— Тебе какое дело? Ты к вечеру требуй от меня готовый алачыг. Да разве это работа для меня? Колья готовы еще со вчерашнего дня.

— Ну, ну, ты не очень-то хвастайся! Насилу уговорила вчера тебя наломать веток, а не то ты, верно, и до сих пор не двинулся бы с места, — осадил его Айрым-кызы.

Все вокруг рассмеялись. Отец с Керим-бабой отправились ставить алачыг. Он должен был стоять немного поодаль от кочевья, на облюбованном заранее, живописном месте. Вскоре алачыг был готов. Через час мы перешли к себе.

МОИ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

Мало-помалу я подружился с жившими на кочевье ребятами. Каждое утро, едва допив свой чай с молоком, я выбегал из алачыга и вместе с ними шел ловить соловьев, собирать грибы, землянику или удить рыбу.

Среди камней в ущелье бурлил мощный источник, образуя кипящий водоем. Из-под каждого камня, из-под каждого деревца сочилась вода. Мы расширяли отверстие, огораживали образовавшуюся яму булыжниками и получался маленький родничок. Каждый назвал устроенный им родник своим именем. Бывало, я целые дни проводил один в этом сказочном ущелье, не уставая любоваться чудесными цветами, источниками, зеленью...

Иногда мы отправлялись в лес искать птичьи гнезда. Не могу найти слов, чтобы передать, как я любил маленьких птенчиков, эти беспомощные, крохотные создания.

Находя птенчиков, я бывал вне себя от радости. И сколько ни убеждали меня отец и мать: «Пожалей бедняжек, сынок, не держи ты их в неволе» — настойчивыми просьбами я наконец добился, что мне разрешили держать их в клетке, сплетенной из прутьев орешника.

Привезенные из города цыплята оперились и подросли, теперь уж можно было отличить петушков от курочек.

Алачыг наш стоял на открытой лужайке, окаймленной густым кустарником, цыплята копошились, выскивая червячков и кузнечиков или отдыхали под кустами.

Надо было видеть их, когда я, взяв пригоршню зерен подзывал цыплят: цып-цып-цып. словно солдаты на штурм, они бросались ко мне. Я прятал руки за спину, а они, склонив набок головки, заглядывали мне в лицо.

Меня бесконечно трогали эти робко-выжидательные взгляды. Я рассыпал наземь зажатые в кулачок зерна, и цыплята, толкаясь и ударяя друг друга клювами, наперебой спешили подобрать их.

Неподалеку от нашего алачыга я соорудил для них небольшой курятник. Из опасения, как бы лисицы или шакалы не утащили их ночью, я закрывал на ночь вход в курятник большим камнем.

МОИ ДНИ И ВЕЧЕРА

Утра и вечера на кочевье были полны для меня несказанной прелести. По вечерам, когда стада овец и баранов повбравивали к кочевью, от блеяния и крика звон стоял в ушах. А эти вечера, приносящие живительную прохладу, аромат горных цветов и свежескошенной травы на лугах, раскинувшие свои кроны деревья! Запах утренней сырости, гул водопадов в ущельях, птичий гомон, блеяние овец, мычание коров, ржание коней, лай собак — все это придавало кочевью неповторимое своеобразие.

Безмолвная природа, только что казавшаяся мертвой, оживала, и тогда все вокруг преображалось. Захватив палку для защиты от собак, я шел к кочевью.

Чтоб не подпустить ягнят к маткам, которых еще не успели подонть, их не выпускали из загона. Я забирался туда и вдоволь играл и возился с маленькими резвыми ягнятами.

Когда дойка кончалась, загон открывали, и овцы бежали навстречу своим малышам. Найдя своих матерей, ягнята, расставив ножки и тряся курдючками жадно принимались сосать. И снова вокруг наставала тишина, изредка прерываемая голосами чабанов, ворчанием собак и плачем детей.

Мне нравились чабаны, и немало времени я проводил с ними. Меня привлекала их простая вольная жизнь. Нередко я задавал себе вопрос: «Так ли уж плохо быть чабаном среди этих зеленых холмов и синих гор?»

Нередко, взяв с собой посошок, я отправлялся вместе с чабанами. Овцы паслись по склонам холмов, а мы усаживались на пригорке.

Чабаны играли на свирелях, пели и вели долгие задушевные беседы. Один из них, по имени Орудж, особенно искусно играл на свирели. Казалось, под его игру, овцы более охотно щипали траву, а порой, наострив уши, прислушивались к переливчатым звукам.

Даже большой серый лохматый волкодав Демир начинал вертеть пушистым хвостом. Положив голову на ноги Оруджа и не сводя глаз со свирели, он то и дело повизгивал.

И я видел, какое удовольствие доставляет животным хорошее пение и музыка.

На восток от кочевья находился родник, под названием Новгалы. В полдень чабаны пригоняли сюда свои отары.

Однажды, когда стадо гнало на водопой, Орудж с вершины холма окликнул товарища:

— Ильяс! Ай, Ильяс, хочешь, вот этой дудкой я поверну стадо обратно?

— Не сумеешь! — отозвался Ильяс.

Орудж начал играть. И будто повинувшись таинственной силе, приказавшей им остановиться, отара стала. Потом овцы сразу повернули и с громким блеянием принались взбираться вверх по склону.

— Ну что, сумел? — гордо улыбаясь, спросил Орудж и погнало стадо к роднику.

КЕРИМ-БАБА

Много времени я проводил и с Керим-бабой. Это был старик лет шестидесяти, широкоплечий, коренастый, низенького роста. Его маленькие глаза все еще хранили молодой блеск. Когда Керим-баба разговаривал, они разгорались, пухлые губы всегда неизменно улыбались. В его взгляде можно было прочесть историю счастливо прошедшей жизни.

Несмотря на свой преклонный возраст, человек этот, выросший среди гор и лугов и никогда не покидавший их, был по-юношески крепок и румян. И сейчас еще можно было угадать, что в молодости это был горячий, вспыльчивый, отчаянный парень.

Да и теперь все его мысли вертелись вокруг всевозможных затей — прогулок, охоты, рыбалки.

У Керим-бабы было старинное ружье, доставшееся ему от отца. Дуло ружья было величиной с жерло маленькой пушки. Керим-баба ни на миг не расставался с ружьем, ежедневно чистил и вытирал его. Порой, спустясь в ущелье, постреливал и, если удачно, то радовался, как дитя.

Айрым-кызы, не выносившая грохота ружья, стрелявшего, как пушка, насмешливо говорила Керим-бабе:

— Да укроет земля твой стыд и совесть, не отказывайся никогда от своих дурачеств. Хорошо, что покойный отец твой оставил тебе это негодное ружьишко со сломанным курком.

Керим-баба неизменно отвечал с достоинством:

— От хорошего отца отважному сыну достаются конь и ружье, и отец оставил мне и то и другое.

Керим-баба нанимался пасти овец. У него самого были две коровы и несколько овец. Целые дни он слонялся по чужим дворам, бездельничая и пустословя. А иногда он сам ходил присмотреть за стадом, или посылал своего младшего сына Вели. Если детвора приходила собирать малину, землянику, орешки, кизил, Керим-баба был тут как тут.

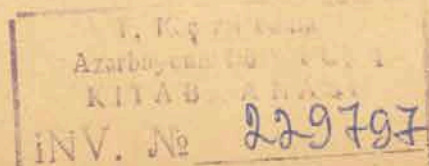
Крестьянам не нравилось, что Керим-баба бросает коров без присмотра. Но старик не обращал внимания на их недовольство, ничуть не смущаясь и не лишая себя из-за этого развлечения.

Играл он на свирели, делал свистульки и песни не сходили с его уст.

АЙРЫМ-КЫЗЫ

Айрым-кызы была невысокой, тучной женщиной, с круглым, как луна, лицом и узкими карими глазами.

Лицо этой трудолюбивой женщины было несколько грубовато, мужеподобно. И голос у нее был низкий и раскатистый.

Днем она успевала управиться и у нас и у себя в алачыге. Доила овец и коров, разводила огонь, пекла чуреки, сбивала масло.

Айрым-кызы была неумоима, никто никогда не слышал, чтобы она жаловалась на усталость.

Настоящее ее имя было Фатхи, но так как отец ее был айрымцем, то все называли ее Айрым-кызы.

Керим-баба и Айрым-кызы не сходились характерами. Выведенная из себя невозмутимым спокойствием и и ребяческими выходками Керим-бабы, а также выслушивая упреки недовольных крестьян, Айрым-кызы каждый раз отчитывала мужа, но Керим-баба не слушал ее увещаний, оставался глух ко всем наставлениям и продолжал жить в свое удовольствие.

Как-то раз женщины и дети отправились собирать землянику и малину. Мог ли Керим-баба удержаться и упустить такой случай? Узнав о том, что Керим-баба пошел с детьми, бросив коров на произвол, Айрым-кызы решила дать Керим-бабе суровый урок и, взяв сучковатую дубинку, пошла на пастбище.

В сумерки, когда с окриками и ухватками заправского чабана она погнала стадо к кочевью, все с веселым смехом высыпали поглазеть на это невиданное зрелище.

Даже сам Керим-баба прибежал полюбоваться своей женой, и, стоя в стороне, спокойно глядел на все происходящее.

Айрым-кызы, несколько не смущаясь, подгоняла дубинкой отстававших животных.

Один из крестьян смеясь сказал Керим-бабе.

— Ай, Керим, ай, Керим! Недаром ее зовут Айрым-кызы. Вот как она умеет отомстить мужчине! Право же эта женщина — богатырь, стоит любого мужчины!

Однако эти слова подействовали на Керим-бабу не больше комариного писка.

— Оно вполне понятно: у такого мужчины, как я, и жена должна быть под стать, — отвечал он зычным голосом.

ДВА ПЕХЛИВАНА¹

Солнце медленно клонилось к вершинам гор, покрытых лесами. Темнели воды.

¹ Пехливан — богатырь.

Сидя на паласе, разостланном около алачыга, мы пили чай. Керим-баба и Айрым-кызы, примостившись рядом, рассказывали о своих былых подвигах. Они безбоязненно хвастались, перебивая друг друга.

Чтобы раззадорить мужа, Айрым-кызы хлопнула его по плечу:

— Посмотрите-ка на этого непутевого. Месяцами я его в глаза не видела, а чем он был занят? Пустозвонил, шатался без толку по чужим дворам. А возвращаясь домой, нагонял на всех страх. Хоть бы удалцом был. А то даже вязанки дров из лесу не принес. А уж если и отправится за дровами, так положит несколько веток на плечо и еще издали кричит: «Айрым-кызы, ай, Айрым-кызы! Куда прикажешь сбросить эту вязанку?» Как будто притащил мне гору. А взгляните на эту вязанку, что принесла я из лесу. Вот если он сумеет принести такую, тогда скажу, что он — мужчина! Но где ему! — захлебывалась от самодовольства Айрым-кызы.

И потом вдруг спросила мужа своим грубоватым голосом:

— А помнишь, как мы сбивали масло, когда жили у Рагим-аги?

Керим-баба в ответ молча кивнул головой. Айрым-кызы, предвкушая торжество, выпрямилась и с сияющим лицом продолжала рассказывать:

— Оба мы были тогда молоды. Он служил чабаном у Рагим-аги, а я доила хозяйских коров, сбивала масло, варила сыр. Кроме него у Рагим-аги было еще пять-шесть чабанов, все молодые, здоровые, усатые детины. Как-то раз я с чабанами сбивала масло. Жена Рагим-бека Захра-ханум, стоя у входа в алачыг, следила за нашей работой. Клянусь вашей жизнью, я перешеголяла всех чабанов.

Вот и его самого я так уморила, что он, как свалился, так долго еще не мог подняться. Захра-ханум хохотала, глядя на нас и хлопала в ладоши: «Ну Керим, не очень-то бахвалься теперь, Айрым-кызы оказалась посильней пятерых мужчин!..»

Пока Айрым-кызы рассказывала все это, Керим-баба, сиротливо опустив голову, молча слушал.

Рассказы Айрым-кызы и понурый вид Керим-бабы вызвали всеобщий смех.

Тогда Керим-баба встрепенулся и, выпятив грудь, воскликнул:

— Эх, когда состаришься, так нередко приходится выслушивать такие речи. Если б я умел писать, то записал бы по порядку все подвиги моей молодости. Получилась бы большая-пребольшая книга. Но что толку похваляться? Да и можно ли говорить о храбрости женщины? Ого-го! Подоила пять-шесть овец, сбила масло, приготовила сыр и уж от гордости ее распирает так, что язык не помещается во рту. А вот теперь я расскажу, послушайте.

ОХОТА НА ТИГРА

— Всем вам отлично известно, что в наших борчалинских лесах тигры не водятся. Однако в старину водились. Лет сорок тому назад, в окрестностях нашего села появился тигр. Боясь его, никто не решался ходить в лес. Я услышал, что недалеко от нашего села он задрал трех коров. Тут я больше не мог совладать с собой и, взяв ружье, пошел, хотя стрелять в тигра и в орла не люблю: оба они — храбрецы.

Тигр находился на расстоянии одного агаджа¹ от нашего села.

Пройдя через ущелье, я стал подниматься по крутому скалистому склону, что тянулся через всю лесную чащу. Смеркалось. Чтобы не прозевать тигра, я шел, внимательно оглядываясь по сторонам. И что же я увидел? Вдали словно два факела, пылала пара глаз. Смотрю — тигр. И он заметил меня и стал злобно царапать землю лапами. Враг был передо мной, но сердце мое билось спокойно. Я двинулся на него, и вдруг он с диким ревом стал приближаться ко мне. Спрятавшись за уступом скалы, я поднял ружье. У тигра нрав благородный. Нападая, он всегда делает три прыжка и, если промахнется, то уходит, будто обиженный. На этот раз он уже дважды бросался на меня, а в третий, наверняка, должен был подмять под себя. Я поднял свое ружье и прицелился ему в грудь. Увидя это, тигр взревел так, что дрогнули леса и горы. У меня потемнело в глазах, волосы стали дыбом.

¹ Агадж — старинная мера длины, приблизительно соответствующая одной версте.

Мне почудилось, что камни, деревья и все вокруг, словно лютые тигры, бросились на меня. Я выстрелил. Зверь растянулся в нескольких шагах от меня у колючего кустарника.

Через две минуты тигр испустил дух. Я подошел к нему с чувством огромной вины. Сердце мое ежало, глаза затуманились слезами. Отбросив ружье, я опустил-ся возле него на колени и, взяв голову в руки, поцеловал его в глаза.

Когда я, сняв с хищника шкуру, вернулся домой, все соседи окружили меня.

— Был на борчалинской земле один удалец, но и его с этого дня не стало, — сказал я им.

С того дня борчалинские леса больше не знали героев. И впрямь, перевелись в наших лесах и тигры и удалцы. Где были смельчаки, храбрецы? — спросил Керим-баба, закончив свой рассказ.

ОТЕЦ КЕРИМ-БАБЫ

Керим-баба снова выпрямился.

— Отец мой тоже был заядлый охотник, — начал он. — Вот что рассказывал он мне: «Однажды отправился я охотиться на оленя. В ущелье мне удалось подстрелить самку. Я зажарил кусок мяса, поел, растянувшись на земле у родника, заснул. Проснулся. И что же вижу? Меня окружил такой густой, непроницаемый туман, что и на шаг ничего не было видно.

Я отчаялся вернуться в этот день домой и не мог определить, который час. Кто знает, сколько времени проспал я! Я не знал, что мне делать. Думал, думал, наконец, решил переночевать где-нибудь под скалой и стал подниматься в гору... Я поднимался по такому крутому склону, что выскользнул у меня из-под ног один камень, я полетел бы в пропасть и разбился бы насмерть. К тому же мрак, ни зги не видно. Тут я набрел на пещеру. Недолго думая, я вошел в нее, лег и тотчас заснул. Разбудил меня громкий храп.

— Что это? — подумал я. — Неужели тут еще есть кто-нибудь? Я присел и, шаря в темноте, нащупал хвост какого-то животного. То был тигр. Я уже не сомневался, что благородный зверь бодрствовал, когда я заглянул в

его пещеру, и принял меня как гостя. Я, конечно, взволновался, но не струсил. Мне хорошо был известен благородный нрав этого грозного хищника.

Ночь я провел с тигром. Наутро, едва начало светать, я вышел из пещеры, вернулся к тому месту, где вчера подстрелил олениху и, отрезав ляжку, тихонько бросил ее у пещеры. В то утро я опять поел шашлык из оленины и пошел к деревне. Шел я по тропинке мимо пещеры. Заглянул туда и застыл на месте. В ущелье лежал тигр, а около него вертелся волк, помахивая хвостом, как лиса. Сгорая от любопытства, я присел в сторонке и стал наблюдать за ними. Волк то прохаживался по ущелью, то поджав хвост, осторожно облизывал тигра. А тигр, сохраняя величавое спокойствие, лишь окидывал волка острым, пронзительным взглядом. Я предвидел, — продолжал рассказ отец, — что эта подлая тварь своим коварством погубит тигра. Я было прицелился в него, но потом опустил ружье. Волк еще раз прошелся по ущелью и снова начал облизывать морду и грудь тигра. Вдруг он изо всей силы вцепился в горло тигра и начал душить его. Несчастный зверь заревел так, что содрогнулись леса и горы. Пометавшись минут пять, этот прекрасный зверь обессилев затих. Удивительнее всего было то, что волк не только не выпускал горла тигра, но и сам лежал неподвижно.

В том, что тигр был мертв я не сомневался, однако неподвижность волка смущала меня. Взяв ружье, я пошел к пещере. И в самом деле, тигр лежал бездыханный. Как я ни бил прикладом волка, он не шевельнулся. Наверно, и он был мертв. Только тогда я догадался, что волк неожиданно встретился с тигром, когда тот отдыхал в ущелье, и, поняв, что ему не миновать когтей тигра, пустился на хитрость, чтобы спастись. Но в этой схватке сердце его не выдержало и он окошел. Как я ни старался но не мог разжать челюсти волка, сомкнутые в мертвой хватке.

Не видя другого выхода, я вынул свой кинжал и перебил волку зубы. Мне было досадно, что такой смелый зверь стал жертвой хитрости и коварства этого подлого трусливого животного. Но что поделаешь? Проявление коварства и измены не были каким-то новым явлением в жизни, они совершались и будут совершаться без конца.

Чтобы сохранить память об этом предательском поступке, я снял с тигра шкуру и принес ее домой».

Так говорил мой отец. Теперь шкура эта у меня, она досталась мне в наследство от отца.

СОБАКА КЫЗЫЛ

У Керим-бабы была собака, звали ее Кызыл. Ни днем, ни ночью не отходила она от нашего алачыга. Я не долюбивал собак кочевья, так как из страха перед ними и шага не мог ступить спокойно. Еще издали завидя меня, они с громким лаем набрасывались на меня. Надеюсь приручить Кызыл к себе я усердно кормил ее хлебом, и все-таки стоило ей заметить, что я выбегаю из алачыга, как она начинала хрипло лаять, омрачая мне всякое удовольствие. За это я прямо-таки возненавидел Кызыл. Однажды, когда я выходил из алачыга, Кызыл с лаем бросилась на меня. Я палкой отогнал ее. Керим-баба не раз замечал, как я дубасил Кызыл и, хотя ничего мне не говорил, но я чувствовал, что это ему не по душе. Но на сей раз, когда я ударом палки погнал собаку, он подошел ко мне.

— Не бей ее, сынок! — сказал он. — Это мой верный друг. Он сделал мне больше добра, чем иной брат. Ты видишь, она уже стара, а было время, когда из страха перед ней и птицы боялись пролетать над нашей кровлей. Мне давали за нее пятьсот рублей, но я не отдал. Каждого ее щенка я продавал за тридцать-сорок рублей. Если б ты только знал, какая это храбрая и умная собака, ты не тронул бы ее!

Керим-баба погладил собаку и потом, повернувшись ко мне, продолжал:

— Как-то осенней лунной ночью овцы паслись на холме, а я лежал, растянувшись на камне. Кругом было тихо, овцы мирно щипали траву, и я незаметно заснул. Проснулся я в кромешной тьме. Густой туман окружил меня. Схватив дубину, я начал метаться во все стороны — искать стадо, но его и след простыл. Я окликнул Кызыл, но и она не отозвалась. Всю ночь я проплутал, сам не свой от страха и тревоги. Только мысль о Кызыл подбадривала меня. Я знал, что она ни за что не бросит стадо. Уже рассвело, когда я, продолжая свои поиски, поднялся на вершину высокой горы и стал внимательно

вглядываться вниз. Все кругом было подернуто туманом.

— Кызыл, Кызыл! — крикнул я и услышал из ущелья хриплое рычание. Я бросился вниз. Сгнав стадо в расщелину скалы и стоя у дороги, Кызыл громким лаем звала меня. Я кинулся к ней. Собака, подбежав, радостно лизала мне руки. Я сразу увидел, что в ущелье валялись три мертвых волка. Это Кызыл, спасая овец от нападения, загрызла их. Я крепко обнял собаку, осыпал поцелуями ее морду и глаза. Потом я зарезал самого жирного барана и, отрезав курдюк, бросил ее Кызыл.

— Теперь ты понял, что это за собака? Это не собака, а лев, — заключил Керим-баба, лаская Кызыл.

После этого я всячески старался завоевать симпатию Кызыл, и вскоре мы стали закадычными друзьями.

СВИСТУЛЬКА

Мы с Керим-бабой сидели под грушей. Я играл камешками, собранными в ущелье, а Керим-баба, тихо посвистывая, строгал зеленую ветвь в несколько вершков длиной. Я догадался, что Керим-баба решил смастерить какую-нибудь вещичку. Я начал приставать к нему, и он, усмехнувшись в пушистые, седые усы, сказал:

— Свистульку для тебя делаю!

— А что такое свистулька? — спросил я.

— Свистулька поет, как птичка, с нею ловят соколят.

Придвинувшись к нему ближе, я не сводил глаз с его рук. В середине палочки он вырезал круг и в отверстие положил свежую травку, прикрыв ее куском коры.

— Смотри, вот свистулька! — проговорил он, радуясь точно ребенок, приложил ее к своим толстым губам и занграл. Глаза его заблестели от удовольствия.

Когда я вырвал у него свистульку, он сказал:

— Вот такими звуками приманивают соколят...

Теперь играть начал я, а Керим-баба учил меня и довольный своими познаниями бросал на меня горделивые взгляды.

— А как же ловят соколят? — спросил я.

И Керим-баба рассказал мне.

— Соколы вьют гнезда на макушках высоких деревьев, у воды. Едва успевают птенцы вылупиться, как их родители, напившись крови убитых ими птиц, прилетают в гнездо и поят его своих птенцов. Когда птенцы немного

подрастут, сокол выщипывает у убитой птицы перья и, прополоскав ее в воде, разрывает на куски и кормит птенцов, а когда они, оперясь, начинают летать, сокол у самого гнезда выпускает вдруг из когтей схваченную добычу. Только та, почувствовав себя на свободе, собирается взлететь, как соколята набрасываются на нее и разрывают на части. Вот как приучают детей к охоте. В это время они опасны даже для матерей. Она остерегается подлетать к гнезду: птенцы могут напасть и на нее. Прилетев с добычей, мать садится на ближнее дерево, и кличет детей. Потом выпускает жертву, а сама улетает прочь.

В это время охотники и ловят соколят. Расставив неподалеку от соколиного гнезда сеть, они сажают в нее курицу, куропатку или какую-нибудь другую птицу.

Спрятавшись в шалаше из ветвей кустарника и держа в руках веревочку от сети, птицелов начинает наигрывать на свистульке. Соколята думают, что это мать принесла им добычу, бросаются на птицу в сети. Тогда охотник быстро дергает за веревку, силок захлопывается — и соколята пойманы. В эту пору они очень злы. Увидев себя в неволе, они или тут же умирают, или, оставшись в живых, с трудом дают себя приручить. Поэтому приходится зашивать им веки. Поморив их дня два-три голодом, начинают понемногу кормить их мясом. Когда же соколенок привыкнет, ему разрезают нитки на веках.

Со временем злобность соколят проходит, и в конце концов они привязываются к своим хозяевам. А охотятся с ними так: берут соколов, гончих, лягавых и выезжают на охоту. Собаки, забравшись в кусты, поднимают дичь, а соколы нападают на вспугнутых птиц.

КАК КУРОПАТКА СПАСЛАСЬ ОТ СОКОЛА

Был жаркий сентябрьский день. Стадо, пастухи и собаки укрылись в тенистом лесу. Мы лежали в алачиге. Пестрая хохлатка, собрав вокруг себя цыплят, возилась в тени грушевого дерева. Внезапно она тревожно закудахтала. Цыплята с писком разбежались по кустам.

Какая-то птица, камнем упав сверху, спряталась в алачиге под сложенные горкой постели.

Над алачыгом зашумели крылья. Мы в недоумении выбежали. Хищная птица, широко раскрыв крылья и низко паря окидывала нас злобным взглядом горящих глаз.

То был сокол.

— Как бы он ни утащил цыплят! — крикнула мать и, схватив длинную палку, с криком принялась гнать сокола.

Мы бросились к птице, спрятавшейся в алачыге. Мой старший брат, опередив нас, вытащил ее из-под одеяла. Он радостно прыгал и кричал.

— Поймал, поймал! Это — куропатка...

— Дай, дай посмотреть, — приставали мы, обступив брата.

В алачыг вошла мать. Увидав куропатку, она сказала:

— Бедняжка! Спасаясь от смерти, она влетела в алачыг. Бедное создание. Только что избежавшая когтей хищника, бедная птица попала к нам в руки.

Птица судорожно вырывалась и клевала нам пальцы.

— Я свяжу ей крылья, — заявил брат.

— Нет, сынок, — остановила его мать. — Эта птица искала у нас спасенья, она доверилась нам. Отпусти ее. Ее сердечко готово разорваться от страха.

Мы почувствовали глубокое сострадание к птице. Решив выпустить ее на волю, мы вышли во двор. Паривший в небе сокол все еще был виден. Устремив вверх маленькие глазки, наша пленница как будто хотела убедить, что ее врага нет.

— Ну, лети, — крикнул брат и выпустил куропатку. Выпорхнув из его рук, она стрелой метнулась ввысь и скрылась в лесной чаще. Мы долго глядели ей вслед.

СЕНОКОС

Играя ранним утром у алачыга, я увидел детей с мисками и чашками в руках бегущих к ущелью.

— Намаз, Намаз, куда это вы? — крикнул им вслед мой брат.

— За землянкой! — бросил на ходу Намаз.

Мы пустились вдогонку за ними и скоро настигли их.

Миновали ущелье. По узенькой тропинке вскарабкались наверх. Не успели мы пройти и двухсот шагов, как

уловили лязг и стук кос. Мы помчались еще быстрее и скоро были на лугу. Стоя в ряд, косари косили сочную траву, доходившую до пояса. Женщины складывали сено в стога.

Вплотную к лугу подходил густой лес. Как тут было удержаться? Мы бросились под тень деревьев и поели земляники. А потом бросились в стог свежескошенной травы, со смехом и шутками барахтались в нем.

Один из косарей, взмахнув косой, задел большой куст бурьяна. Из него выскочили крошечные птенчики и с писком, хлопая крылышками, скрылись в густой траве. Мы кинулись за ними. Косарь нагнулся и, подняв маленькую птичку, протянул мне. Я взял ее с восторгом. Когда я разжал пальцы, то увидел, что она в крови.

— Ой, что это? — вскричал я и бросил птичку.

Обе лапки бедняжки были срезаны косой. Я смотрел то на свои окровавленные пальцы, то на бедную птичку, трепетавшую в траве.

— Несчастливая, — произнес я, переполненный жалостью.

Все смотрели на пищавшую птичку, ползавшую по колючей, скошенной траве.

Я уже не мог успокоиться, радость моя была омрачена. Через час мы вернулись в кочевье.

С тех пор прошло много лет. Но я до сих пор помню этот случай, потрясший мое детское воображение.

МОЙ ДРУГ РЗА

Из всех дней недели больше всего я любил четверг, потому что по четвергам приезжал из города отец. Усевшись на вершине холма, я с нетерпением ждал его.

Наступал вечер. Я бродил по кочевью. В этот день один из сельчан, ходивший в город продавать молоко, вернулся оттуда раньше обычного. Завидя его издали, я бросился к нему и стал расспрашивать об отце. Держа трубку в зубах и поныхивая дымом, он с лукавой усмешкой посмотрел на меня.

— Отец твой сегодня не придет, он занят.

Эти слова молнией поразили меня. Опечаленный, я повернул обратно.

— Эй ты, послушай, я пошутил, он придет. Я выехал раньше его! — крикнул мне вдогонку крестьянин.

Не обернувшись и ничего не сказав, я продолжал идти.

Собирая свои золотые волосы, рассыпанные по долам и лесам, солнце медленно скрывалось за горами. Тени от деревьев начали удлиняться. Стада с громким блеянием спускались с холмов к кочевью. Присев на пригорок, я любовался всем, что окружало меня и прислушивался к вечерним звукам. Вдруг я услышал у нашего алачыга конское ржанье. Обернувшись, я увидел отца.

Я помчался, не помня себя от радости, и повис на шее отца. Я обрадовался еще больше, когда увидел, что он привез с собой моего друга Рзу. Да и как мне было не радоваться? Ведь теперь у меня был товарищ, которому я мог показать своих цыплят, свои роднички.

Наскоро выпив чай, мы побежали осматривать мои владения. Начав с курятника, мы обошли родники и терновые кусты.

Потом пошли на кочевье, забрались в стадо и стали играть с ягнятами.

Было уже совсем темно. Редкий туман, спускаясь с гор, стал заволакивать ущелье и лес. Небосвод был чист, несколько тучек на севере казались островками в море. Взявшись за руки, мы побежали домой.

ЛИВЕНЬ

Сидя недалеко от алачыга, под грушевым деревом, отец беседовал с Керим-бабой. Взглянув на небо, Керим-баба вдруг сказал:

— Да сохранит и помилует нас аллах!
Все мы были озадачены.

Указывая своей морщинистой рукой на небольшую тонкую, как змейка, тучку на севере, он пояснил:

— Вот видите ту черную тучку. Она злая. Быть беде!

— Но эта туча так далеко, что вряд ли может причинить нам вред, — недоверчиво заметил отец.

Покачав головой в мохнатой папахе, Керим-баба принялся внимательно вглядываться в тучку.

— Эту тучку называют шалуньей, она носится повсюду, но нигде не задерживается надолго. А уж если прольется дождем, то оглянуться не успеете, как смочет все вокруг. Эта туча пугает меня. На всякий случай надо

быть наготове. Пойду прочищу рвы и канавы вокруг алачыгов.

Мы с отцом вошли в алачыг, сели ужинать и, так как сильно устали за день, легли спать пораньше.

Я помню, как отец поднял меня на руки и начал укладывать на высоко сложенных вещах. Я раскрыл глаза, разбуженный страшным шумом, раздавшимся со всех сторон. Я огляделся. Отец и мать стояли посреди алачыга. Отец держал в руках люльку с моим маленьким братцем Асадуллой, а мать — младшую сестренку. Дождевые потоки неслись, грозя смыть наше непрочное убежище. Над нашими головами ливень хлестал по войлоку. Вот все, что я запомнил из событий этой страшной ночи. Сон снова сомкнул мои отяжелевшие веки. Когда я проснулся, сияло солнце. Я выбежал из алачыга. Воздух был так чист и свеж, так прозрачен, что казалось все вокруг приветливо улыбается человеку.

Дождливые капельки, свисавшие с лепестков цветов, сверкали, как алмазы в золотистых лучах солнца.

Сидя на омытых дождем зеленых ветвях и расправляя крылышки, птицы грелись под утренним солнцем, наполняя все вокруг веселым, звонким щебетанием.

Мать с помощью Айрым-кызы вытаскивала из алачыга промокшие насквозь вещи.

— Бог с ним, с таким эйлагом, — ворчала она. — Как будто не нашлось другого места. Что это за жизнь. Все до последней нитки промокло. Я не спала всю ночь.

Она долго не могла успокоиться.

— Глупенькая, — пробовал урезонить ее отец, — на то и эйлаг в горах. Не печалься. В этом тоже своя прелесть.

— Ах, не надо мне такой прелести. Вам это, конечно, нипочем, вы с детства привыкли к такой жизни.

Рассерженная мать намекала на крестьянское происхождение отца.

Вспомнив про своих цыплят, я кинулся к курятнику. Я отодвинул камень и увидел — курятник был полон воды.

— Утонули мои цыплята! — заорал я во весь голос. Меня окружили.

— Мы-то ночью и не вспомнили про них!

— Я, правда, вспомнила, но разве до того было, — призналась мать, — самим надо было спасаться.

Протянув руку в курятник, я вытаскивал своих утонувших цыплят.

— Ох, да пронзит стрела дурной глаз, — воскликнула мать. — Бывало, кто ни увидит их, сейчас же спросит: — «Чем это вы их кормите? Они прямо лопаются от жира». Вот и сглазили. Я знала, что рано или поздно это плохо кончится. Но не горюй, сынок, они унесли с собой все твои беды и недуги.

ОТВАЖНЫЙ МАЛЬЧИК

К востоку от нашего кочевья тянулась гряда крутых скал, за ней вверх по склону темнел лес. Ущелье было завалено грудой острых камней, там было много страшных мест.

Сельчане уверяли нас, будто там водятся медведи, и поэтому мы боялись ходить туда.

Был полдень. Внезапно по кочевью пронесся крик:

— На Дурсуна напал медведь!

— Медведь напал на Дурсуна!

Схватив колья, ружья, топоры, ножи и кликнув собак, все крестьяне побежали к ущелью. Мог ли я усидеть на месте? Я побежал влед за ними. Керим-баба тоже был там, чего же мне было бояться? Мы неслись, словно на приступ. Миновав ущелье, мы стали подниматься к тому месту, где по слухам, водились медведи. Собаки с лаем бросились наверх. Все в порыве отваги стали торопливо карабкаться на гору. И вдруг навстречу нам с ружьем в руке спокойно вышел сам Дурсун.

— Я уложил его наповал, попал прямо в грудь! Капалья! Он чуть не разорвал меня, — сказал он.

Все наперебой принялись расспрашивать его. Оказалось, что этот отважный мальчик, бродя с ружьем по ущелью, нечаянно подошел к берлоге, возле которой медведица играла со своими медвежатами. Завидев Дурсуна, медведица бросилась на него. Дурсун побежал. Медведица за ним. Наконец, почувствовав, что бежать вниз по скалам будет очень опасно, мальчик овладел собой, обернулся, прицелился медведице в грудь и выстрелил. Медведица свалилась наземь.

Не успели мы дойти, как собаки кинулись на медведицу.

Раненый зверь хватал собак и так сжимал лапами, что у них хрустели кости, и они неистово визжали. С большим трудом крестьянам удалось отогнать собак от медведицы.

Медведица выбилась из сил. Один сельчанин метким выстрелом прикончил ее. Тогда все хлынули к берлоге. Это была маленькая пещера. Два медвежонка прижавшись друг к другу, испуганно смотрели на людей. Внутри пещера была устлана мхом и мягкой древесной корой. Видно было, что медведица хлопотала, не щадя своих сил, и устлала пещеру словно ковром.

Наконец, она не пожалела и жизни ради своих детенышей. Бедных сирот вытащили из берлоги и понесли в кочевье.

И сколько еще сохранилось в душе воспоминаний о привольной жизни среди щедрой природы!

1910

ДУРСУН

I

а завалинке убогой хижины сидел пожилой коренастый мужчина. Надвинув на самые брови мохнатую папаху, он задумался.

В его маленьких искрящихся глазах, окруженных тонкими стрелками морщин, на полных губах под пушистыми усами и на всем его лице играла довольная улыбка. Он только что нагрузил две арбы дынями и арбузами первого урожая. Согласно уговору, сегодня должен был вернуться с эйлагов его помощник Аслан. Они отправятся в город, продадут этот товар и тогда он, Дурсун, сможет, наконец, попасть на эйлаги. А он как нельзя более стремился туда. Там ждет его Гюлли, с которой он будет славно прохладиться. Оторвавшись от своих дум, мужчина поднял голову, сдвинул папаху на затылок и, изнанкой своего архалука¹ отерев пот, недовольно проворчал:

¹ Архалук — верхняя короткополая мужская одежда.

— Ох, и изжарился! Какая духота! А этот, будь он проклят, все не едет. Приехал бы уже скорей, чтоб я хоть несколько дней смог отдохнуть в горах с моей Гюлли.

Мысль об этом молнией пронзила его.

Был жаркий июльский день. Деревья и стены не давали желанной тени.

Всего два месяца назад жизнь в этой деревне была ключом; сельчане собрались на эйлаг; голоса кочевников, блеяние овец, мычание коров, ржание коней, лай собак, скрип арб и веселые звонкие крики ребятишек — все слилось в один общий радостный хор. А сейчас над селом простиралась печальная тишина.

Лишь шум реки, сверкающей, как расплавленное серебро под палящими лучами солнца, и чуть слышное щебетание птичек, спрятавшихся от зноя в густой листве, нарушали эту тишину.

Разморенный жарой Дурсун расстегнул пуговицы архалука и лег на спину, раскинув руки:

Но вот послышался громкий крик:

— Дурсун! Дурсун!

Тот очнулся, поспешно вскочил и побежал, крича на ходу:

— Аслан, Аслан, сюда! Я здесь!

Аслан подошел.

— Ну, что там нового? — нетерпеливо спросил Дурсун тоном человека, ожидающего услышать что-то важное.

— Все хорошо, все благополучно, — ответил Аслан, кивнув головой, — кланяются тебе.

Этот короткий ответ не понравился Дурсуну. Ему не терпелось спросить о том, что не давало ему покоя все это время.

Но только он собрался спросить, как Аслан сказал:

— Баллы просила передать, что если от Сафара будет получено письмо, чтобы ты тут же переслал ей.

После короткого молчания Аслан снова заговорил:

— Бедная женщина дни и ночи причитает: «Сафар, Сафар» и все плачет и плачет. С тех пор, как его сослали, я не видел на ее лице улыбки.

Дурсун помрачнел. Седы, мохнатые брови его сдвинулись. На продолговатом, обрюзгшем лице еще резче обозначились морщины.

— Эта скотина опять заставит ее сбежать! — Дурсун сердито хлопнул руками. — Они опять доведут ее до бегства!

— Кого доведут до бегства? — спросил ничего не понявший Аслан.

— Ее.

— Кого ее?

— Гюлли, — говорю я, — Гюлли. Как она смотрит на этот вой?

— Да никак. Ей, как говорится, Араке по лодыжки, а Кура до пят, — усмехнулся Аслан. — Не сидится ей дома, все носится дикой козочкой, бегаёт по родным и соседям.

— Но ведь я велел Баллы не спускать с нее глаз. Все время быть настороже, — сказал Дурсун. — А ты говоришь, Гюлли пропадает дни и ночи. Боюсь, как бы она чего-нибудь не натворила.

— Да так и будет, — опять усмехнулся Аслан.

Дурсун со злости покусывал свои седые усы.

— Ступай с арбами в город, а я сейчас возьму билет и приеду.

Аслан ушел.

— Я буду ждать тебя в караван-сараяе, — крикнул вдогонку ему Дурсун.

Дурсун был единственным сыном Пирверди из селения Джандар Борчалинского уезда. Пирверди был трудолюбив и скуп. На оставшейся от отца земле он выращивал дыни и арбузы. Когда жена его Гюльсеном умерла, Дурсуну было тринадцать лет. Пирверди больше не женился. Он занялся воспитанием сына, стараясь передать ему все, что он сам знал. Каждый день он брал его с собой на бахчу и заставлял работать наравне с батраками.

— Трудись, работай, сынок. Кто не работает, тот не ест, — говорил он, если замечал, что сын замешкался или заленился.

Дурсун охотно помогал отцу, и Пирверди был доволен, — сын был его верным помощником.

У Пирверди были свои взгляды на воспитание. Он хотел вырастить Дурсуна таким же, каким был он сам. Он держал мальчика впроголодь, не одевал и не обувал его, как следует. Дурсун круглый год носил один и тот

же залатанный черный архалук и ходил в рваных чарьках. И только от одного весеннего праздника до другого Пирверди покупал сыну новый архалук и чуваки, не забывая при этом попрекнуть:

— Гляди, я заплатил за них уйму денег. Ты еще не знаешь, как их трудно заработать. Пока добудешь копейку — душу отдашь.

Пирверди был убежден, что воспитывает сына как нельзя лучше. Он всячески старался приучить мальчика беречь и любить деньги.

Пирверди не отличал бережливость от скупости, и это портило его сына.

Встречая Дурсуна в селе или на бахче, люди говорили:

— Милый! Что у твоего отца мало денег? Ведь ты его единственный сын. Неужели он не может накормить тебя досыта, одеть и обуть? Что у тебя за чарьки? Ходишь весь испарянный и изодраный. А посмотри, как одеты дети и победнее тебя! Нет, что он тебе за отец? Вот и бедняжку Гюльсеном, мать твою, вогнал в чаютку.

Дурсун все больше и больше задумывался. С годами, когда Дурсун подрос и стал лучше понимать окружающее, он убедился, что отец его неправ.

Время шло. Дурсун стал юношей. Днем он работал на бахче, а вечера и ночи проводил с приятелями. Иногда они отправлялись в соседние села красть баранов. Сначала Дурсун не хотел впутываться в эти дела, но потом, боясь насмешек и укоров в трусости, примкнул к друзьям. К счастью, ему в конце концов удалось сойти с этого опасного пути.

Как-то раз ночью они хотели утащить из хлева барана, а собаки подняли лай. Чабаны начали стрелять. Дурсун и его приятели едва унесли ноги. После этого Дурсун больше не рисковал.

Вскоре Дурсун загулял. Но все-таки он оставался таким же трудолюбивым и всегда помогал отцу. Пирверди огорчался, видя, что его наставления пропали зря.

— Эх, жаль беднягу, не в меня пошел, а в мать...

Пирверди внезапно умер, оставив сыну наследство. Не слушая увещаний родных и соседей, Дурсун без сожалений гратил золото, по копейке собранное отцом.

Но это длилось не долго. Дядя Дурсуна, наконец, урезонил его. И кроме того, — Дурсун был влюблен.

Часто встречаясь у источника со своей избранницей, он взял с нее клятву верности. Теперь он думал только о женитьбе и семейном счастье. Наконец, он рассказал обо всем жене своего дяди — Рейхан. Та одобрила его выбор и обещала в ближайшие дни уладить это дело.

На селе была свадьба. Девушки и парни давно с нетерпением ждали ее. Старики, усевшись в комнате, слушали ашугов, певших под звуки саза. Молодежь плясала во дворе. По одну сторону чинно выстроились девушки, по другую — парни. Мог ли Дурсун отставать от них?

Он стоял тут же, напротив своей избранницы Баллы.

Парни приглашали приглянувшихся им девушек и танцевали с ними. Дурсун тоже не выдержал. Едва заиграли новый танец, как он выскочил в круг и, став перед Баллы, пригласил ее. Баллы вышла. Пройдя с ней два круга, Дурсун отошел в сторону и только прихлопывал в такт музыке. Словно пэри, неслась Баллы в плавном танце, раскинув руки крыльями. Дурсун не вытерпел и протянул ей знак любви — яблоко.

И тотчас со всех сторон раздались восклицания:

— Поздравляем! Поздравляем!

Смущенная Баллы спряталась среди подруг. Как полагалось по обычаю, через неделю Рейхан пошла сватать Баллы. Мать Баллы приняла ее очень радушно. Усадив ее на почетное место, она взглядом приказала Баллы подать чай. Женщины разговорились. За чаем Рейхан сказала зачем она пришла. Мать Баллы сказала, что она не против, но только должна посоветоваться с мужем.

Придя домой, Рейхан обрадовала Дурсуна.

— Дело слажено, — обнадружила она его.

Чтобы получить окончательный ответ, Рейхан снова пришла к родителям Баллы. Но вернулась она совсем ошеломленной. Родители потребовали огромный башлык!

— Такой башлык — это все равно, что отказ, — злилась Рейхан.

Дурсун был потрясен. В бессильном гневе он кусал себе губы. А потом, успокоившись, готов был согласиться на все требования.

— Не бывать этому! — крикнула Рейхан, хлопнув ладонью по ковру, на котором сидела.

¹ Башлык — выкуп за невесту.

Дурсун задумался, а потом подняв голову, сказал:

— Пойди еще раз к родителям Баллы и уговори их снизить башлык хотя бы наполовину.

Рейхан сначала запротестовала — и это слишком много, но все-таки Дурсун уговорил ее.

Через два дня Рейхан услышала категорический ответ:

— Слово наше неизменно.

Дурсун вышел из себя. Теперь все его мысли были заняты одним: во что бы то ни стало добиться любимой девушки.

— Я похищу ее! — сказал он.

Рейхан рассмеялась.

— Чего ты смеешься? — спросил Дурсун.

Рейхан поняла, что он обиделся...

— Если сумеешь — туда и дорога!

— Сумею, — сказал Дурсун. — Тут ничего трудного нет. Разве не я похищал девушек для Салмана, Имрана, Асада, Оруджа?

Через три дня Дурсун похитил Баллы.

Женившись, Дурсун остепенился и взялся за дело отца.

Чтобы его любимой Баллы жилось хорошо, он брался за всякую работу, не считался ни с чем. Как он мог теперь лениться? Он стал отцом.

Семья росла — росли и заботы Дурсуна.

— Расти, мой соколик! Подрастай, будешь помогать отцу — говорил он часто своему пятилетнему сынишке.

Наконец, исполнилось и это желание Дурсуна. С одиннадцати лет Сафар стал помогать отцу.

Дурсун радовался, видя, как усердно трудился мальчик в саду и на огороде.

Дурсун очень любил свою семью и не жалел для нее ничего. Но он старел, седел. Теперь он все чаще поручал сыну всю самую тяжелую работу, а сам старался как можно больше отдыхать.

Сафар был здоровый и крепкий юноша. Он был задумчив, молчалив, редко смеялся. Горячо любил Сафар свою мать Баллы.

— Жизнь мне за тебя отдать не жаль! — говаривала Баллы, и пензьясная гордость наполняла ее сердце.

Когда настала пора женить Сафара, родители выбрали ему невесту — Захру из селения Караджалар. По

обычаям Сафар несколько раз посещал свою нареченную и приносил ей подарки.

Молодые люди, полюбив друг друга, ждали свадьбу. Баллы не могла нахвалиться будущей невесткой.

Дурсун вспомнил юность и как он украдкой встречался у родника со своей любимой Баллы.

Все прошлое вдруг ожило в его памяти.

— Эх, молодость, молодость, — прошептал Дурсун.

Как-то раз по срочному делу Дурсун поехал в Караджалар. Возвращаясь домой, он увидел девушку, стоящую с подругами у ворот. Угасшие чувства вдруг снова вспыхнули в нем. Он застыл, как прикованный. А девушка, бросив на него равнодушный взгляд, продолжала болтать с подругами.

В душе Дурсуна воскресли воспоминания юности, и он тяжело вздохнул.

Вернувшись в село, он неделю ходил сам не свой, затаив то, что его так волновало. Он не на шутку влюбился в девушку. Дурсун старался забыть ее и все твердил: «Проклятие черту!» Но все было напрасно.

Прежде всего ему мешала женитьба Сафара. Он не мог стать помехой сыну накануне радостного события в его жизни. А что касалось женитьбы на молодой девушке, то тут Дурсун не видел ничего зазорного. Так уж повелось. Не он первый, не он последний. Дурсун знал множество таких случаев и у себя в селе и в окрестных.

Взять хотя бы сельского муллу Самеда. Мулла Самед гораздо старше Дурсуна и семья у него больше, а ведь женился же он в прошлом году почти на девчонке-подростке. И ведь никто не возражал. Эта мысль совсем не тревожила Дурсуна. Он боялся только, что девушка откажется выйти за него — почти ровесника ее отца, или ее родители воспротивятся этому браку. Чтобы разузнать, что это за девушка, Дурсун дважды ездил в Караджалар. И всякий раз встречал эту девушку. Он узнал ее имя, кто ее родители. Дурсун разъярился, узнав, что Кербалай-Расул — отец Гюлли не отдаст ему дочь даже за большой башлык. Дурсун сидел задумавшись и твердил:

— Гюлли, Гюлли! Все равно ты будешь моей женой, — Дурсун изнемогал.

— Послушай, ай киши¹. Кто эта счастливица, по которой ты так вздыхаешь? — спрашивала Баллы и заливалась смехом. — Хочешь, я буду твоей свахой.

— Где тебе уж так храбриться.

— Постыдитесь, не смейте людей! — ныталась усовестить его Баллы.

— Я сам прежде посмеюсь над ними. Или белая лошадь не ест овса? А что любовь только молодым, а не старикам? Жениться на молодой девушке все равно, что самому стать моложе.

Однажды Дурсун сидел в тени развесистой чинары, недалеко от села. Вдруг чья-то рука опустилась ему на плечо. Он поднял голову. Перед ним стоял Наби.

— Что с тобой, Дурсун-даи², о чем ты горюешь?

— А, это ты, Наби? — сказал Дурсун, привстав.

— Да, я. Скажи же, что с тобой? Может быть, с Сафаром неладно?

— Да нет, с Сафаром все ладно.

— А может, тетя Баллы не слушается тебя?

— Не то, не то. У меня другое горе.

— Какое?

— Да так, ничего...

Наби присел рядом с Дурсуном и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Дурсун-даи, клянусь твоей жизнью, пока ты не скажешь, что с тобой, я не отстану. Ты был лучшим другом моего отца. Я готов сделать для тебя все, что могу.

Дурсун сразу оживился. Надежда окрылила его. Наби был смелым и верным своему слову парнем.

Схватив его за руки, Дурсун заговорил:

— Дорогой мой, ты напомнил мне молодость. Немало славных дней провели мы с твоим покойным отцом Искендером. Да-а... были тогда хорошие люди. Искендер сватался к Ханумане. Ему отказали. Тогда ночью, оседлав коней, мы отправились похитить девушку. Отца дома не было. Во дворе были спущены с цепи злые собаки. Но мы так ловко похитили девушку, что собаки даже не почувяли. Чтоб не мстили Искендеру, я целую неделю не покидал его. А теперь, слава аллаху, вот какой у него

сын. Конечно, кто же, как не ты, придет мне на помощь в тяжелую минуту?

Дурсун сказал это с такой неподдельной искренностью, что Наби схватил его за руки:

— Дядя, скажи, что с тобой, и я пойду хоть на смерть.

Дурсун рассмеялся.

— А может, не пойдешь? Испугаешься?

— Что же может испугать, остановить меня?

— Знаю, отлично знаю. И все-таки я хочу, чтобы ты поклялся.

— По-моему, это лишнее.

— Нет, пока не поклянешься, не скажу.

— Чем же мне поклясться?

— Поклянись могилой отца и своей честью, что поможешь мне в моей беде.

Наби задумался. Что это с Дурсуном, что требует такой страшной клятвы?

— Клянусь могилой отца своего, клянусь честью, что помогу тебе в беде твоей! — произнес он, наконец.

— Знаешь, Наби, — сказал Дурсун, — твой Дурсун-даи безнадежно влюбился в девушку и ты должен добром или силой добыть ее для него.

Наби оторопел и переспросил:

— Как, что ты сказал?

Дурсун повторил свои слова. Наби с удивлением смотрел на него.

— Что ты тарачишь на меня глаза? Что случилось? — сердито крикнул Дурсун.

— Дурсун-даи, куда же это годится? Ведь у тебя же сын — жених!

— А что, разве не женятся отцы таких, как Сафар?

— Женятся, да что толку? Каждому времени года — своя пора, у каждой поры — свой плод, у каждого плода свой вкус.

— И у этой поры тоже свой плод и вкус, но ты этого не знаешь.

— Тебе-то этот плод может показаться сладким, но горьким покажется семье. Зная заранее, в чем дело, никогда не поклялся бы.

— Не беда. Можешь взять клятву обратно. Теперешняя молодежь легко слизывает плевки.

¹ Киши — мужчина, принятое обращение.

² Даи — дядя, принятое обращение к старшему.

— Я не такой. Только бы не узнал об этом Сафар. Я люблю его, как брата.

— Чего ж ему обижаться? Он — сам по себе, я — сам по себе.

— Кто же эта девушка?

— Дочь Кербалая-Расула из Караджалара.

— Не Гюлли ли?

— Она.

— Не подходит она тебе, Дурсун-дан, — усмехнулся Наби.

— Почему же не подходит?

— Не подходит, я хорошо знаю эту девушку. Ей у тебя не усидеть.

— Пусть только попадет в руки Дурсуна! Не шелохнется.

Сколько Наби ни уговаривал Дурсуна, тот стоял на своем.

Наби раскаялся, что дал клятву, но нарушить ее не мог и согласился похитить Гюлли, опять-таки повторяя, чтоб Сафар ничего об этом не знал.

Через три дня Дурсун похитил девушку, привез ее в дом сельского муллы и против ее воли женился на ней.

Появление молодой жены в доме Дурсуна вызвало целый переполох.

С первого же дня Дурсун стремился к одному: покорить и привязать к себе Гюлли. Ни днем, ни ночью он не отходил от нее. Все в семье порицали Дурсуна, и в доме становилось все хуже и хуже. А что свадьба Сафара откладывалась было особенно неприятно.

Да и Гюлли, разумеется, не была счастлива с мужем, годящимся ей в деды. Он вызывал в ней только отвращение.

— Ох, когда я отделаюсь от этой волосатой обезьяны? — твердила она про себя.

И она затаила это желание. Тяготили ее также и косые, недоброжелательные взгляды Баллы и Сафара. Ссоры, каждый день возникавшие в доме, докучали Гюлли. Дурсун всегда защищал свою Гюлли и, всячески оскорблял Баллы, Сафара и других детей. Не раз Дурсун избивал Баллы и грозился выгнать ее из дому. Это ранило сердце сына. Заплаканные глаза матери заставляли его забыть обо всем, даже о невесте Захре.

Однажды, во время какой-то ссоры Гюлли и Баллы, Дурсун схватил плетку и начал стегать Баллы. Сафар не сдержался. Слезы матери и наглый взгляд Гюлли привели его в бешенство. Бросившись на Гюлли, он стал ее бить. Дурсун кинулся защищать свою молодую жену, но Сафар, схватив его за руки, угрожающе сказал:

— Поберегись, отец. Ты довел меня уже до крайности. Я кончу тем, что заколю кинжалом эту негодницу и скроюсь в горах.

После этого Дурсун и Гюлли остерегались задевать Баллы, и лишь порой покалывали ее косыми, недоброжелательными взглядами.

Прижимая Сафара к своей груди, Баллы повторяла:

— Жизнь свою отдам за тебя. Ты — моя опора, ты — мое спасение. Что случилось бы со мной без тебя?

Этот раздор не нравился и самой Гюлли. Она решила вырваться из этого дома-темницы, где должна была быть загублена ее молодая жизнь. Видя, что Гюлли грустит, Дурсун тоже печалился.

— О чем ты задумалась, ягненок мой? — спрашивал он, ласкаясь к Гюлли. — Ты хозяйка этого дома, что прикажешь, то и будет. Только не горюй, не кручинься.

— Отстань, убирайся! — огрызалась Гюлли, отталкивая его обеими руками.

Дурсун считал необходимым поддерживать связь и знакомство с некоторыми односельчанами.

— Ну что, Дурсун? — спрашивали они у него. — Как ты живешь со своей Гюлли? Говорят, она терпеть не может тебя, не ладит с твоей семьей и что у нее неуживчивый нрав? Смотри, берегись, как бы она не сбежала с кем-нибудь и не втоптала в грязь твою честь.

Горделиво усмехаясь, Дурсун отвечал:

— Пока я жив этому не бывать! Если уж она и сбежит, то только из-за Баллы и Сафара. А так — это ангел, кроткая, милая. Нрав у нее шелковый, но эти злыдни грызут ее, как собаки. Бьют, ругают. Даже дети издеваются над ней, а бедняжка рта не раскрывает. Поплачет только втихомолку, чтоб я не огорчился. Старается все скрыть. Это какое-то дьявольское наваждение. Однако, сделанного не вернешь. Ведь есть же бог, есть совесть, — говорил Дурсун, чтобы заткнуть рты сплетни-кам

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Вдруг Гюлли исчезла. Дурсун с ног сбился в поисках ее.

Он долго бегал и звал, но Гюлли словно в воду канула. Целые дни расспрашивал он, где его Гюлли, но никто не мог помочь ему в его горе.

Дурсун не находил себе покоя.

— Не прикончил ли ее Сафар? А вдруг она сбежала с каким-нибудь парнем? А может, покончила с собой? — думал Дурсун.

Но вот по селу прошел слух, что Гюлли сбежала с парнем по имени Вели из селения Караджалар. Весть эта дошла, наконец, и до самого Дурсуна. Охваченный бешенством, кинулся он к кази¹ и к аксакалам².

— Аман, аман³. Вели похитил мою жену. Пусть он вернет мне ее, — молил он, — а за подарками дело не станет.

Дурсун метался в своей одинокой постели, повторяя: — Ай, Гюлли, Гюлли, что ты со мной сделала?

Бегство Гюлли обрадовало всю семью. Баллы, обе ее дочери Гюнем и Гюльсенем и младший сын Акпер, хотя и казались огорченными, но ликовали.

Сафар с самого начала был недоволен поведением отца — он помешал его женитьбе. Но он не мог остаться равнодушным к удару, нанесенному его отцу. Это бегство Гюлли, о котором судачили повсюду на селе, озлобило его. Он избегал показываться людям на глаза. Решив вернуть Гюлли в дом отца, Сафар пошел в Караджалар. Случайно, по дороге он встретил Вели.

— Подлец, мерзавец! — крикнул Сафар, и бросившись к нему, хлестнул его по лицу кнутом.

Вели схватился за кинжал, но Сафар опередил его. Они кинулись друг на друга. Сафар был ранен в голову, а Вели, пораженный в самое сердце, свалился бездыханным.

Сафар не хотел убивать Вели и поэтому был сильно огорчен.

¹ К а з и — духовное лицо, занимающееся бракоразводными делами.

² А к с а к а л — белобородый, старейшина.

³ А м а н — междометие, равноценное русскому — ах, ах!

— Вай, вай! — завопили случайные свидетели. — Вели убили! Убили Вели!

Сафар старался взять себя в руки. Он не знал, что делать. Перед его глазами предстал образ его невесты Захры и горькая ее судьба. С обнаженным кинжалом в руке он бросился к ним в дом.

Мать Захры готовила приданое к свадьбе. На дворе были разостланы ковры, сустились соседи. Кто чесал шерсть для одеял и тюфяков, кто пряд нитки, кто ткал ковер. Не успел Сафар войти во двор, как одна из женщин запела:

Кинула я айву, гранат поймала,
Полотняная сорочка тесна стала.
Тень ложится у ворот —
Может, милый мой идет.

Остальные подхватили припев.

Сидя спиной к воротам и занятые своим делом, женщины не заметили Сафара, который вошел в комнату, через заднюю дверь. Захра была одна. Увидав окровавленного Сафара, вбежавшего с обнаженным кинжалом, она в ужасе вскрикнула:

— Что это?

Бросив кинжал на пол, Сафар подошел к ней. Сначала Захра, словно дикая серна, отскочила назад, потом, одумавшись, кинулась к нему в объятия и сдавленным голосом спросила:

— Сафар, Сафар, что с тобой?

Сафар рассказал о том, что случилось. Захра побледнела и застыла словно пригвожденная. Ее длинные, черные ресницы опустились на округлые нежные щеки, отбросив мягкую тень.

— Ах, Сафар, Сафар, какое несчастье! — воскликнула она и горько заплакала.

Сафар прижал свое забрызганное кровью лицо к лицу Захры.

— Захра, когда меня бросят в темницу и сошлют в далекие края, будешь ли ты помнить обо мне?

Слова эти ножом полоснули сердце Захры.

Расстаться с тобой, любимый! — прошептала она и, не договорив, задыхаясь от судорожных рыданий, сжимающих горло, замерла, прижавшись к Сафару.

Гнетущая тоска давила сердце Сафара. Тяжелое раздумье мучило его. Как расстаться ему с любимой, выросшей на родной его земле?

Он решил бежать пока не пришла полиция.

— Сюда, сюда! — слышалось у ворот.

Сафар вздрогнул. Он понял, что пришли за ним. Кто знает, быть может, он никогда не увидит Захру. Кому же она достанется? И он крепко прижал к себе почти потерявшую сознание девушку.

— Захра, вот тебе мой последний поцелуй, — сказал он, и две крупные слезы повисли на его густых ресницах. — Прими и последние слезы мои, — и с этими словами, освободившись из ее объятий, отдался в руки ворвавшихся в комнату полицейских.

Вначале Дурсун был сильно удручен ссылкой сына. Ведь Сафар был его опорой, его правой рукой. Он бросился хлопотать, потратил уйму денег, но ничего не добился.

В далекие края, в Сибирь сослали Сафара на десять лет. Прошло немного времени: с помощью денег, щедрой рукой розданных им кази, муллам и старейшинам, Дурсуну удалось вернуть свою Гюлли. Поглоченный лишь одной мыслью — завоевать ее сердце, окончательно подчинить себе эту непокорную дикую девушку, он забыл обо всем. Единственное, о чем он мечтал — это быть около нее. После ссылки Сафара Баллы осталась совсем одинокой. И часто она задумывалась о будущей судьбе своей и младших детей.

Наступил май. Стада, укрывшись в тень, вяло пощипывали траву. В последние дни все поговаривали о кочевье. И вот крестьяне поднялись на эйлаги и в деревне не осталось никого, кроме пахарей.

Дурсуну также пришлось отправить на эйлаги свою семью и стадо. Он долго уговаривал Гюлли остаться с ним, но она не согласилась. И вот он остался совсем один в сразу опротивевшем доме.

Последнее время Дурсун оберегал Гюлли даже от мальчишек и то же самое наказал Баллы. Кто знает с кем еще сможет сбежать Гюлли на эйлагах. Эти мысли не давали покоя Дурсуну.

Но что он мог поделать? Будь здесь Сафар, Дурсун передал бы ему все дела, а сам уехал на кочевье, к своей любимой. Но Сафара не было...

Прошло целых два месяца с тех пор, как Дурсун расстался с Гюлли, два месяца, показавшиеся ему двумя томительными, долгими годами.

Сегодня, как уговорились, его компаньон Аслан приехал с эйлагов, и Дурсун мог, наконец, поручив ему бахчу и продав дыни и арбузы, закупить гостинцев для своей Гюлли и отправиться на эйлаги, чтобы до самого возвращения не расставаться с ней.

Отдав Аслану последние распоряжения, он вошел в дом, переоделся, подпоясался, прицепил к поясу длинный кинжал и поспешно направился к станции. Он едва успел купить билет и вскочить в уже отходивший поезд.

Были бурные дни 1905 года. Даже снежные цепи кавказских гор оказались бессильными удержать мощные волны революционной борьбы, разлившиеся по широким просторам страны.

Началась забастовка и демонстрация. Охваченное страхом правительство объявило военное положение. Всякий, у кого было оружие, подвергался суровому наказанию.

В эти смутные дни и приехал в Тифлис Дурсун, торопившийся распродать поскорей товар и попасть на эйлаги. По мере того, как поезд приближался к станции, волнение Дурсуна росло. Минуты казались ему часами. Поезд остановился. Дурсун выскочил из вагона и, придерживая рукой огромный кинжал, болтавшийся на жилоте и мешавший ему при ходьбе, бросился к выходу. Он шел торопливыми шагами, никого не замечая и ничего не слыша. Вдруг его остановили несколько казаков. Дурсун пытался было вырваться, но это ему не удалось. Казаки потащили его за собой. Тщетно молил и просил Дурсун, тщетно кричал он и негодовал. Казаки его не слушали. И только после того, как его ударили по спине прикладом, старик перестал сопротивляться, хотя вовсе не понимал, что случилось, куда и зачем его ведут.

Опомнился он в маленькой каморке, темной, как могила. Дурсун в отчаянии крикнул:

— Что это? Где я?

Никто не отозвался. Привыкший к жизни на воле, среди зеленых гор и холмов, в бесконечной шири степей, Дурсун не мог примириться с тем, что его бросили в этот грязный, мрачный склеп. Невыносимая боль сжала его

сердце. Он изо всей силы хватил кулаком по маленькой железной двери, захлопнувшейся за ним.

— Эй, кто там, откройте! Откройте, — долго кричал он, но никто не откликнулся. Потеряв всякую надежду, Дурсун в изнеможении опустился на пол.

— Вай, вай, что же будет со мной? — бормотал он, качая круглой, бритой головой. — За что попал я в эту могилу и что стало с моими арбами?

Но больше всего мучила его мысль о Гюлли. В этой камере, где ночь не отличишь от дня, он просидел до самого утра. Казалось, даже солнечные лучи миновали его темницу. Так думал он, ваяясь на загаженном полу, не зная, что уже давно рассвело.

Дверь открылась. В камеру ворвались яркие лучи солнца. Дурсун, как помешанный, бросился к выходу и стал озираться по сторонам. Два жандарма, стоявшие в дверях, усмехнулись, глядя на его оторопелый вид.

Прикрыв ладонями слезившиеся от яркого света глаза, Дурсун глубоко вздохнул:

— Ох, наконец-то я избавился.

Когда же его заковали в кандалы, он понял, что до избавления еще очень далеко, и прерывающимся голосом спросил:

— Куда вы ведете меня?

— Иди вперед, — скомандовал жандарм.

Дурсун зашагал. При каждом его шаге, цепи звенели. Минут через десять он вошел в широкие ворота тюремного двора. Вид арестантов, закованных в кандалы, поверг его в еще большее отчаяние. Он остановился и вдруг заплакал навзрыд, как ребенок.

В тюрьме Дурсун чувствовал себя как в тисках. К тому же он не знал, за что он посажен и долго ли пробудет здесь. Администрация относилась к нему, как к политическому заключенному. Чтобы легче переносить свое заточение, арестанты, старались скрасить его весельем, смехом, пением, шутками. Дурсун держался в стороне. Забившись в угол, он сидел молча, погруженный в невеселые думы, и, когда на сердце становилось слишком тяжело, начинал горько плакать.

— Кто это угукает там, как сова? — спросил однажды один из арестантов, недовольный тем, что нытье Дурсуна мешало другим развлекаться.

— А это медведь, недавно пойманный в борчалинских лесах, — крикнул Зейнал, низкорослый, юркий парень. И, выскочив на середину камеры, он, ломаясь и кривляясь, как шут, подошел к плакавшему Дурсуну.

— Ты недурно играешь, сыграй-ка на своей зурне, а я попляшу, — сказал он, расправляя руки, точно впрячь собираясь танцевать.

— Да не мучайте вы старика, — слышалось несколько протестующих голосов, но они затерялись во взрыве всеобщего хохота. Увидя паясничавшего Зейнала, Дурсун нахмурился. Зейнал уселся рядом с ним и, устремив на него маленькие и лукавые, как у шайтана, глазки, принялся выведывать у Дурсуна его историю.

— Сюда, сюда! — закричал вдруг Зейнал, хлопая в ладоши, — новость!

Мгновенно арестанты кольцом окружили их. Дурсун молчал, не понимая, что от него хотят.

— Рассказывай, рассказывай, чтобы все слышали и помогли бы тебе вырваться из этой ямы, — сказал Зейнал, хлопнув его по плечу.

Он произнес эти слова так убедительно, таким серьезным тоном, что в глазах Дурсуна зажглась надежда, и он начал рассказывать:

— Вай, вай, шайтан влюбился в ангела, — закричал Зейнал. — Не печалься, я вызволю тебя и ты снова свидишься со своей Гюлли.

Только теперь понял Дурсун, что над ним жестоко подшутили.

И потом Зейнал не отставал от Дурсуна.

— Ах, ты, волосатая обезьяна, — говорил он, дергая его за бороду. — Ну, скажи на милость, зачем ты нужен Гюлли? Что она веревки что ли будет вить из этих грязных волос? Кто знает, с кем она ускакала, а ты ори, сколько влезет, — дразнил он старика.

Дурсун не всегда мог сносить эти издевательства. Порой, когда шутки Зейнала заходили слишком далеко, Дурсун, скрежеща зубами, шептал:

— Попадись ты мне на борчалинской равнине и ты испытал бы силу старого Дурсуна, узнал бы, каких сыновей родят у нас матери.

Шесть месяцев пробыл Дурсун в тюрьме бок о бок с назойливым Зейналом, не оставлявшим его в покое.

Было около пяти часов вечера, когда вошел смотритель с двумя служителями. Арестанты встали. Наступило глубокое молчание.

Подойдя к забившемуся в угол Дурсуну, смотритель приказал:

— Расковать!..

Не спуская со смотрителя удивленных глаз, Дурсун испуганно спросил:

— Куда вы меня ведете?

— К очаровательной Гюлли, — послышался задорный голос Зейнала, и взрыв веселого смеха огласил камеру. И даже смотритель, не знавший в чем дело, не мог удержаться от смеха.

— Иди, ты свободен, — сказал он Дурсуну.

Не помня себя от радости, он бросился к выходу.

— Беги, беги. Гюлли заждалась тебя у ворот! — крикнул ему вдогонку Зейнал.

Но Дурсун больше уже ничего не слышал. Не оглядываясь, он перешагнул ненавистный порог тюрьмы.

Он шел торопливо, почти бегом. Через час он добрался до караван-сарая. Но было уже поздно. Не найдя ни одной арбы из своего села, он решил поехать поездом. Но поезд отходил только в два часа ночи. Дурсуну не терпелось понасть домой, узнать, что с семьей и главное с Гюлли.

Был конец декабря. Холмы, окружавшие Тифлис, были покрыты тяжелыми тучами. Зима одела город в белые покрывала. Свирепый ветер, кружа падавший снег, наметал целые сугробы.

Продрогнув, Дурсун спрятал руки под полую, пытаясь согреться, задумался.

Вдруг глаза его заблестели, радость всколыхнула его сердце.

— Разве я не здешний старый волк, чтобы пойти напрямик? И он двинулся к родной деревне.

За это время в семье Дурсуна произошли большие перемены.

Приехав с арбами в город, работники долго ждали Дурсуна. Наконец, потеряв надежду найти его, распродали привезенный товар и вернулись в деревню. Весть об исчезновении Дурсуна дошла и до эйлагов. Долго плакала и убивалась Баллы, но так как нельзя было бросить

бостан без присмотра, она должна была вернуться в деревню. Гюлли осталась на эйлаге.

— Что мне делать там в такую жару, — говорила она. — Что я найду в душной, полутемной хижине кроме скуки и тоски?

Она переселась к своему дяде.

Вернувшись в село, Баллы принялась наводить порядок. Аслан подбадривал ее, и, как брат, помогал ей делом и советом.

Через месяц крестьяне спустились с эйлагов, и село вновь ожило.

Видя, что Дурсун все не возвращается и не шлет о себе вестей, Баллы решила, что он погиб в городе в эти тревожные дни. По совету родных и друзей она надела траур и устроила поминки по Дурсуну.

Гюлли же после этого сочла себя свободной и через месяц вышла замуж за одного парня. Кроме того, она обратилась к кази и старшине и потребовала, чтобы ей выделили полагавшуюся ей, как жене, долю из наследства Дурсуна. Еще не успели высохнуть слезы на глазах Баллы, когда вопли и стелания снова огласили ее печальный дом. Словно черные вороны набросились кази, муллы и старейшины делить имущество Дурсуна.

Баллы стонала, рвала на себе волосы, но хищники оставили ей только домик, поделив между собой остальное добро. Баллы пришлось примириться и с этим несчастьем. Собрав вокруг себя детей, она продолжала трудиться, хотя печаль не оставляла ее.

Была темная морозная ночь.

Запыхавшийся, уставший от быстрой ходьбы, Дурсун добрался до околицы своего села. Сердце его учащенно билось от радости.

Яростный лай собак подгонял его. Он шел все быстрее и быстрее.

Вот он уже поднимается по тропинке, ведущей к его дому. Его окна тускло мерцали во тьме.

— Наши, видно, еще не легли, — прошептал Дурсун.

И вдруг кто-то окликнул его:

— Кто идет?

Дурсун молча продолжал идти.

— Тебя спрашиваю кто ты?

— Я, я, — охрипшим голосом отвечал Дурсун.

- Кто я?
- Дурсун, Дурсун.
- Какой Дурсун?
- Хозяин этого дома...
- Отец Сафара?
- Да, да...

Человек подошел ближе и взгляделся в Дурсуна.

- Разве ты не умер?
- Нет, я сидел в тюрьме. А ты кто?

Подошедший злобно рассмеялся.

— Я, кто? Я — Ахмед, брат Вели — крикнул он, и схватив Дурсуна за ворот рубахи, начал трясти.

— Что ты от меня хочешь? — пробормотал Дурсун, задрожав, как лист.

— Ах ты, кровопийца! Смерти твоей мне надо, смерти, — вот что.

На их голоса с лаем выскочила собака.

Узнав ее, Дурсун крикнул:

— Алабаш! Алабаш!

Собака бросилась к Дурсуну, обнюхала и, узнав хозяина, принялась весело прыгать вокруг него, облизывая ему руки.

— На помощь зовешь? — усмехнулся Ахмед. — Зови, кого хочешь, тебе все равно не уйти из моих рук!

Собака с радостным лаем бросилась к воротам возвестить о возвращении хозяина.

— Да, да, не уйдешь, — кричал Ахмед, все сильнее тряся Дурсуна. — Вот этим кинжалом я заколю тебя и зарю в снегу.

Он хотел вырвать кинжал, но Дурсун, уцепившись за ножны, молил о пощаде.

— Пусти! — крикнул Ахмед.

Вернувшийся Алабаш бросился защищать хозяина и яростно вцепился в горло Ахмеда.

Дурсун кинулся к дому...

Ахмед отбивался кинжалом от нападавшей собаки. Когда она затихла, упав замертво в снег, Ахмед бросился вдогонку за Дурсуном.

— Не уйдешь! — заревел он. — Я вооружился, как искусный охотник, подучай, — и он выстрелил.

Дурсун упал в снег. Потом, собрав последние силы, побежал к дому, держась за бок.

Сидя на постели, Баллы пригорюнясь вязала чулок. Старшая дочь Гюнеш у очага пряла шерсть, маленький Акпер был уже в постели, когда услышал шум за дверью и встал открыть.

— Не открывай, не открывай, может, это разбойники. — Акпер отворил дверь. Дурсун успел подбежать к дверям. Ахмед преследовал его. В правом боку Дурсуна засела пуля, и он, как только дверь створилась, влетел в комнату.

Все всполошились.

Решив, что это беглый арестант или разбойник, Баллы и дети застыли от страха. Дурсун заговорил, назвал всех по имени. Акпер и Гюнеш вскрикнули от радости и хотели обнять отца. Но Баллы взглянула на Дурсуна и узнала — это он. Но ведь он же умер полгода назад, был оплакан и помянут. Упав на одеяло, Баллы закричала, что было мочи:

— Не подходите, не подходите, он после смерти обернулся чертом.

Услыхав это, дети остановились. Дурсун понял все, что произошло. Наконец, ему после долгих клятв и уверений, удалось убедить Баллы, что он не умер, а сидел в тюрьме. Все собрались вокруг него. Зажав рукой правый бок, Дурсун обвел глазами комнату.

— А где Гюлли? — спросил он.

Баллы, понурясь, печально ответила:

— Гюлли давно ушла.

ЧЕРВЯК

Душные, самые счастливые часы моей жизни в Тифлисе я проводил в Гянджинском саду. Войдя в огромные чугунные ворота этого удаленного от шумной сутолоки сада, я бывал обо всем на свете, и предо мной вставал совсем иной мир. Сад раскинулся на склоне горы и был обнесен со всех сторон высокими, толстыми стенами.

Ежедневно по тропинкам я спускался вниз, к долине,

и там, садясь на большой камень, часами предавался своим мыслям.

Был туманный осенний день. По своему обыкновенно, погуляв в саду, я не спеша повернулся домой. Внезапно раздавшийся позади голос заставил меня обернуться. Щегольски одетый молодой человек жестом попросил меня остановиться. Я остановился. Он подошел, мы поздоровались. Я встретился с ним в прошлом году, в Баку, в доме одного моего приятеля. Когда мой друг представил меня ему, Кули-бек, поднявшись и пожав мне руку, сказал:

— Счастлив познакомиться. Постараюсь чаще встречаться с вами, надеюсь, вы поделитесь со мной своим житейским опытом.

Я смущенно поблагодарил молодого человека за внимание и заверил его, что сам готов поучиться у него.

Ободренный моими словами он подвинул свой стул ближе ко мне, окинул презрительным взглядом поставленные перед нами две чашки чая и конфеты в высоких вазах, отодвинул их в сторону и сказал повелительным тоном хозяину:

— Что это? Мужчин сладостями не проведешь. Поставь водки и чего-нибудь перекусить.

— Мой друг не любит водку.

— Ты принеси, а уж я заставлю его выпить.

Я запротестовал. Как мы ни возражали, Кули-бек продолжал настаивать на своем. Друг мой встал и пошел за покупками.

Кули-бек повернулся ко мне и, деланно улыбувшись, заговорил:

— Я нахожу, что человек должен стараться проводить жизнь возможно приятнее, чтоб один день проходил лучше другого. Вот почему мне очень по душе жизнь европейских богачей. Они отлично знают, как надо жить. Жизнь коротка, проводи ее без печали и горя.

Довольный своими словами, Кули-бек поднялся и, отступив на пару шагов, окинул себя взглядом с ног до головы.

— Взгляните, все шито по последней моде. И притом, по лондонским журналам. Терпеть не могу нашу одежду. Сказать по правде, меня раздражает один вид людей в мохнатых папахах, от которых так и разит деревней.

Я пытался возразить Кули-беку, но мои слова несколько не подействовали на него. Он продолжал в том же духе, все больше и больше обнажая свою внутреннюю пустоту.

— Нет, вы слишком поверхностно смотрите на жизнь. Я и с отцом своим поддерживая отношения только благодаря тому, что у него есть кое-что, иначе бы и близко не подпустил его к себе. Я даже, когда на улице встречаюсь с ним, не кланяюсь, мне стыдно. Наденет папаху и никакая сила не заставит его снять.

— Но ведь папаха — принадлежность нашей национальной одежды.

— Хотя вы и писатель, но рассуждаете совершенно также, как мой отец. Если бы папаха была хороша, то европейская интеллигенция носила бы ее. Эти острокопичные мохнатые папахи и сборчатые чухи¹ ненавистны мне. Я жду, когда умрет отец. Как только он умрет, заберу все, что у него есть, и укачу прямо в Париж, в этот город красоток, балов и кутежей. Может, и вовсе не вернусь назад. Вот это родина — я понимаю.

Мой новый знакомый принялся нести всякий вздор. Не считая нужным вступать с ним в спор, я промолчал. Тяготясь новым знакомым, я с нетерпением ожидал прихода моего друга. Вскоре с бутылкой водки и несколькими свертками вернулся хозяин дома. Я поднялся и поспешил откланяться, ссылаясь на неотложные дела. Никакие уговоры и просьбы не могли заставить меня остаться. При выходе я услышал упрек Кули-бека:

— Всего бутылочка? Или ты решил понть верблюда черпаком?

Поэтому моя сегодняшняя встреча с Кули-беком не могла меня обрадовать. Он подошел ко мне и с выражением радости на лице пожал мне руку.

— Какая счастливая случайность! Мне очень хотелось видеть вас... Хорошо, что вы ходите медленно и мне удалось догнать вас. Если б я шел впереди...

— Я бы не смог догнать вас, вы ходите быстро, — закончил я.

¹ Чуха — верхняя длиннонолая мужская одежда.

— Иначе нельзя, мы живем в век прогресса. Как говорится, вся деревня поднялась, выехала, а мы остались. Такими шагами нам не догнать ушедших вперед.

Еще не договорив, он вынул руки из карманов своего короткого пальто и, помахав несколько раз шляпой перед проходившей мимо богато одетой дамой, сказал по-русски: «Здравствуйте, мадам, далеко собрались?» В ответ женщина улыбнулась. А он самодовольно спросил:

— Знаете вы эту даму?

— Нет, не знаю.

— Это супруга Аскер-бека. В Баку нет никого, кто бы не знал ее. Как могло случиться, что вам не удалось до сих пор познакомиться с ней?

— Такая уж у меня судьба. Не все такие счастливицы, как вы, — сказал я.

— Совершенно верно, — засмеялся Кули-бек. Он вынул сигару из серебряного портсигара, украшенного золотой монограммой, закурил, предложив и мне. Зажав сигару в зубах и выпустив два-три колечка дыма, он продолжал:

— С этой дамой я познакомился в Баку. Вместе с Сафи-беком я пошел к ним встречать Новый год. Кроме нас все уже были в сборе. Какая у них прекрасная квартира, какой порядок! Больше всего мне понравилась младшая сестра хозяйки Шура. В комнате, смежной с залой, она убирала новогоднюю елку для детей. Мы с нетерпением ожидали приближения полуночи. Наконец наступила долгожданная минута и, как только прозвенели бокалы, боковая дверь распахнулась. И дети в один голос крикнули: «ура!». Не успела Шура-ханум сказать «Господа, разрешите нам тоже принять участие в празднике», как все воскликнули: «Да, да, Шура-ханум, просим от всей души». Гости, сидевшие за столиками, расставленными в разных концах зала поднялись и пошли посмотреть на наряную детскую елку, или, вернее, полюбоваться искусством Шуры-ханум. Ах... если бы вы только знали, что это была за очаровательная, прелестная девушка! Ее походка, ее движения были полны необычайной грации и изящества. Она играла в тот вечер на фортепьяно, пела романсы. Начались танцы. До самой зари мы ели, пили, танцевали.

Разговаривая, мы дошли до какой-то калитки. По небу тянулись тяжелые тучи, я вздрогнул и спросил:

— Кули-бек, куда мы идем? Ведь это дорога на кладбище.

Кули-бек бросив на меня беглый взгляд, засмеялся.

— Да, извините, сам того не замечая, я привел вас сюда. Я заказал надгробную плиту на могиле отца. Пойду посмотрю, готова ли она?

Опустив голову и помолчав немного, Кули-бек продолжал:

— Подумайте, эти старики — просто несчастье. Чтобы прожить с ними, исполнять все их капризы, подчиняться их прихотям надо иметь железные нервы. Чего только мне не пришлось потерпеться! Широкий мир стал мне тесен, свет показался тьмой. Не было дня, чтобы мы не ссорились.

Каждое его слово, каждый поступок были противны мне, он вмешивался во все мои дела. Он осуждал каждый мой шаг. Его постоянные «Так не делай, так не говори», ядовитые и резкие замечания выводили меня из себя. Всякий раз, когда я шел по улице с друзьями или интересными дамами и встречал отца, меня всего передегивало.

Несчастный старик очень болезненно переживал мое отношение к нему. Он всегда ворчал:

— Я трудился, потратил уйму денег, вырастил тебя, дал образование, а теперь ты пренебрегаешь мной? Неблагодарный...

Я не обращал на все это никакого внимания. Мне надоело слушать его. Наша борьба продолжалась долго, наконец, я вышел из нее победителем — похоронил отца вместе с его отсталыми взглядами.

Кули-бек умолк, довольный сказанным.

— Тогда поспешите поставить над ним надгробный камень, — сказал я.

— Вот потому-то я и спешу, — отозвался он. — Взгляните на стену в южной стороне сада. В прежние времена с этой стены бросали изменников и предателей. А тут, — сказал Кули-бек, указывая на узелок в руке, — тут грибы, которые я собрал у этих стен. Посмотрите, какие красивые.

Он настоял на том, чтобы я взял несколько грибов, вложил их в мою руку и пошел на кладбище.

Выйдя из сада, я по узкой тропинке зашагал к дому и подошел к стене, у которой росли грибы. Я разжал руку, и, беря грибы двумя пальцами, рассматривал их. Когда я разломал один из них, высунулся маленький черный червячок и моментально спрятался внутрь гриба. Я еще раз взглянул на эти червивые грибы и изо всей силы бросил их в глубокую яму — древнюю могилу предателей и изменников. Потом, не оборачиваясь, продолжал свой путь.

Пронзительный осенний ветер крепчал с каждой минутой, он гнул высокие, стройные молодые деревья и обрывал тихо шелестевшую листву. Над городом нависал грозный мрак. Опавшие листья хрустели под моими ногами.

Я заспешил домой. Надвигалась грозная буря.

Когда я подходил к дверям дома, начали падать первые тяжелые дождевые капли.

1912

АНАБАДЖИ

Я возвращался с занятий домой. Шел я по тротуару, покрытому лужицами дождевой воды. Вдруг высохшая шестидесятилетняя старуха протянула мне свою костлявую руку. Из-под ветхой залатанной чадры, прикрывавшей темное морщинистое лицо и все ее хилое тело, она подала мне клочок бумаги.

— Сын мой — сказала она, — прочти-ка эту бумажку и скажи, кому подать ее?

Она сказала это так жалобно и беспомощно, что сердце мое сжалось.

Я взглянул в ее глаза. Они, уже давно потускневшие, говорили о многом: о долгих годах жизни, полной жестоких испытаний, о скорбных шестидесяти листопадах.

Взяв из ее рук клочок бумаги, выцветший и измятый, как она сама, я прочел:

«Атабаба Кули-оглы содержит семью, состоящую из шести душ».

Ничего, кроме этих слов, на бумаге не было.

— Бабушка, а кто такой Атабаба? — спросил я, возвращая ей бумагу.

— Мой сын, — ответила она, подняв на меня глаза.

В голосе ее прозвучала нотка надежды, лицо оживилось, но мгновенно потускнело.

— Ты прочти, кому ее отдать?

— Об этом тут ничего не написано.

Руки старухи безнадежно опустились.

— Всемогущий аллах. Целую неделю бьюсь с этой бумажкой и никак не могу добиться толку! — воскликнула она, и лицо ее больше потемнело.

Зажав в ладони этот клочок бумаги без смысла и адреса, старуха растерянно переспросила:

— Так что же мне делать?

Ее горе сильно тронуло меня. Я задумался, продолжая молча глядеть на нее.

Сколько раз ей, наверно, приходилось повторять эти скорбные слова: «Что же мне делать?»

Сколько раз этот робкий вопрос, не нашедший ответа, больно ранил ее сердце!

— Что же мне делать?

Сколько раз добивалась она от тупых, бездушных людей ответа на свой мучительный вопрос.

Старуха все еще в нерешительности стояла передо мной, глядя на свою бумагу.

— Бабушка, милая, пойдем ко мне, и я напишу тебе все, что нужно.

Она согласилась и, когда мы дошли до моего дома, она вошла в комнату и села. Она исподлобья окинула всех, кто был в комнате, спросила кого как зовут, поплакала моей матери о всех бедствиях, как тяжкий молот обрушивавшихся на нее всю жизнь.

Потом, глубоко вздохнув, сказала мне.

— Я буду говорить, а ты пиши. Сын мой служит на вокзале, — и старуха указала рукой куда-то вдаль. Там есть школа, кажется, он учится там. Напиши, что у моего сына нигде нет ни помощи, и ни поддержки. Он содержит меня, старуху, двух сестер и двух внучат. Клянусь твоей жизнью, вот уже три месяца, как он болен: его бросает то в жар, то в холод.

— Для чего ты подаешь это заявление, бабушка?

— Чтоб дали работу.

— Кем работает на вокзале твой сын?

— Не знаю.

— А в какой школе учится?

— И этого не знаю.

— А кому надо подать эту бумагу?

— Начальнику.

— Какому начальнику?

— Я неграмотная, это тебе лучше знать. Разве ты не знаешь начальника?

— Бабушка, — сказал я после долгого молчания, — Вернись-ка лучше и расспроси хорошенько сына, кому надо подать заявление, какую работу просит твой сын и у кого. Завтра приходи ко мне в это время, и я напишу тебе бумагу.

— Что ж, будь по-твоему, — сказала старушка, поджав голову. — Не пойму я только, что за проклетие над этой бумагой. Вот уже десять дней, как ее никак не напишут, чтобы я могла довести дело до конца, — и, указывая на измятый клочок бумаги, зажатый в руке, добавила:

— Целую неделю писал ее там один у нас, а ты говоришь — не годится.

— Кто писал?

— Откуда я знаю, какой-то парень, вроде тебя.

— Так ты, бабушка, пойдн, разузнай все и приходи завтра, тогда я напишу уже как надо.

— Не знаю, да продлятся твои дни. Ты говоришь, прийти завтра? Хорошо. Спасибо. До свидания.

Когда я на следующий день вернулся домой, старуха уже сидела, поджидая меня. Я принялся расспрашивать о ее житье-бытье и нечаянно затронул самое наболевшее в ее душе. Бедняжка вначале сильно взволновалась, а потом, увлекшись воспоминаниями, рассказывала о своей молодости, о вешних днях своей жизни, овсянных любовью и радостью.

Попутили, посмеялись. Узнал и ее имя — Анабаджи. Наконец, заговорили о заявлении.

— Ну, что, бабушка, сумела ты разузнать у сына то, что было надо?

— Узнала, сынок, — ответила она уверенно. — Напиши начальнику, чтобы он выдал моему сыну бумагу.

— Какую бумагу?

— О том, что он беден, что содержит пять душ и что сейчас лежит больной в жару.

— Бабушка, такую бумагу выдает не начальник.

— Нет, ты напиши, чтоб начальник дал...

— Какой начальник?

— Не знаю. Ты просто, напиши «начальник».

У меня опустились руки, я обменялся взглядом с матерью и некоса взглянул на Анабаджи, которая умиленно смотрела на меня. Все в комнате громко рассмеялись.

Мать моя сказала:

— Встань и вместе с Анабаджи пойдн к ним. Пусть ее сын объяснит и расскажет тебе.

— Да упокоит аллах душу твоего отца, так-то будет лучше, — обрадовалась она.

Мы вышли, я спросил:

— Где ты живешь, бабушка?

— Вот тут через улицу, — ответила она, указывая рукой куда-то вдаль. — Там мы и живем. Это совсем близко. Я каждый день прохожу здесь.

Мы шли довольно долго и, наконец, пройдя узкий тупик, добрались до дома Анабаджи.

Вошли в маленькую, полутемную комнату, все ее убранство состояло из пяти-шести ватных тюфячков. В углу стояла прялка Анабаджи. Прямо против двери лежал ее больной сын Атабаба. Его уже давно трепала лихорадка, и на бескровном, осунувшемся лице юноши резко обозначались скулы. Глаза его тускло поблескивали из-под густых черных бровей. Не дав мне даже поздороваться с больным, старуха еще с порога закричала дрожащим голосом, как бы спеша оправдаться:

— Клянусь твоей жизнью, Атабаба, я передала ему все, как ты говорил. А этот парень твердит свое: так писать нельзя. Вот я и привела его. Теперь ты сам расскажи ему, пусть он и напишет.

Парень смущенно улыбнулся и указал мне на стул.

— Пожалуйста, присядьте. Вот уже десять дней она ходит с этой бумажкой и никак не может покончить с ней.

Наконец, выяснилось, что он хочет получить от домового комитета удостоверение о болезни и тяжелом материальном положении и вместе с просьбой о пособии подать по месту работы.

В этом-то и заключается вопрос, который Анабаджи не могла разъяснить мне.

Написав справку и заявление, я отдал их Атабабе. Анабаджи, горячо благодаря и осылая благословениями, проводила меня до самых ворот. Я вложил в руку старухи немного денег, чтобы помочь ее больному сыну. Она ни за что не хотела брать. Почти насильно я вложил их в ее руку.

— Да не видеть тебе горя в жизни. Даст бог, и я в долгу не останусь.

Прошло четыре месяца. Анабаджи я не видел.

Но почему-то с каждым днем во мне росло желание встретиться с ней и поговорить. Шел ли я на занятия, возвращался ли домой, глаза мои непрестанно искали ее на улице.

И вот как-то раз, после обеда, дверь тихо отворилась, и в комнату вошла дряхлая, изможденная женщина.

— Анабаджи, — я бросился ей навстречу, поздоровался, усадил ее. Завязался разговор. Мы долго беседовали о самых различных вещах. Наконец, Анабаджи вынула из-под чадры пару шерстяных носков.

— Возьми, — протянула она мне подарок, — это я связала для тебя.

Я взял носки.

— Спасибо, бабушка, пришла зима, настали холода и ты не забыла меня.

Анабаджи мягко, но с достоинством заметила:

— Это пустяк, я сама связала.

Когда же я, спустя немного, желая помочь этой бедной дряхлой старушке, хотел дать ей немного денег, она подвняла на меня глаза, полные упрека, и обиженно сказала.

— Это еще что? Я не продавать принесла их сюда. На то есть базар. Не возьму, клянусь твоей жизнью. Это я принесла тебе в подарок. И, сжав руки, она спрятала их под чадру.

Я был удивлен этой вспышкой гордости в несчастной разбитой женщине, не знавшей ничего, кроме нищеты.

Я еще раз взглянул на нее. Увидев величавое спокойствие на ее лице, я невольно задумался над тем, откуда у нее эта гордость, это чувство собственного достоинства? Но вот снова раздался низкий, чуть силоватый голос Анабаджи.

— Мне хотелось, сынок, связать тебе теплую фуфайку, да будет помрачен лик бедности, ниток, шерсти у меня не хватило.

— С меня хватит и этого! — запротестовал я.

— Нет, сынок, нет! — промолвила она. И вдруг будто чья-то безжалостная рука сразу стерла с ее лица выражение просветленного спокойствия.

Эта женщина, поминутно менявшаяся в лице, напомнила мне образы старинных сказаний. Живая представительница полувековой истории — она, как мне казалось, всем своим видом говорила: «Хоть и бедна я, но сердце мое широко, хоть и дряхла я — дух мой высок».

«Скажи, — хотелось мне спросить Анабаджи, — скажи, как могло случиться, что такая ноша шестидесятилетней жизни, согнув твою спину, погасив блеск твоих глаз, не смогла сломить дух твой?»

АРАЗ

(Роман)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

М-под инжирного дерева неслись протяжные звуки саза, и вокруг разливалась песня. Слова этой песни западали глубоко в душу.

Рева несется поток воды,
Пробиваясь сквозь горы и камни.
Если бедность у парня удел,
То горя хлебнет он немало.
Шашлык жарится на углях.
Солнце очей затмевает цвет сурьмы.
Молодца меч не разрубит,
А пронзит его обидное слово.

Певец так увлекся, что не заметил вошедшего во двор и не услышал, как тот спросил:

— Араз, на чьи это обиды опять сетуешь?

Араз перестал петь и отложил в сторону саз. Только тогда он заметил стоявшего перед ним человека.

Араз удивился и шутливо спросил:

— О, Шейда! Какими судьбами? Не заблудился ли?

— Спасибо, Араз! Какой у тебя прекрасный голос!

Он оглядел вросшую в землю лачугу с подслеповатым окном, посмотрел на кусок хлеба и лук, лежавшие на залатанной скатерти перед Аразом, и вкрадчиво сказал:

— Араз, не тебе жить в такой бедности. Тебе бы красивый дом, и песни петь каждый день в тени высокой чинары. А слуги подносили бы тебе дымящийся шашлык... А ты ел бы, запивая красным вином. Вот это, я понимаю, была бы жизнь. А твой дом, точно курятник, корявое инжирное дерево, скудная еда — все это не для тебя... — Посмотри-ка на меня. — Шейда кичливо ударил себя в грудь, — я сейчас живу, как хап!

Араз усмехнулся.

— Садись, садись и обо мне не горюй. Трудно поверить твоим словам о шашлыке и вине, когда ты трясешься над весами. Не отложишь копеечку, так и свет не мил.

— Разве я такой? — спросил Шейда, присаживаясь.

Араз не ответил.

— Скажи-ка, что это ты вдруг пришел ко мне? — спросил он, улыбаясь.

— Не спеши, узнаешь все. Но твои несправедливые слова заделали меня за живое. Я давно уже закрыл свою бакалейную лавку.

— Знаю, знаю!

— Я взял подрядные работы на промысле Аслан-бека, бурю две скважины... А дело...

— Знаю, — перебил его Араз. — Знаю даже о том, что с буровой украли ремни и доски.

Шейда опешил от удивления. Недоуменно уставившись на Араза он спросил:

— От кого ты слышал это?

— Слышал. Рассказали мне...

Шейда задумался. Он все еще не осмеливался заговорить о том, зачем пришел. Резкие ответы этого простого и бедного человека привели его в замешательство. Чтобы переменить разговор, он взял со скатерти кусок хлеба и немного зеленого лука и, жуя, спросил:

— Этот хлеб вы печете из своей муки?

— Да, из своей. У меня есть клочок земли. Вот на нем и сею.

— Промысла так растут, что здешние земли скоро будут в большой цене.

— Тогда и нам придется стать нефтепромышленниками, — насмешливо заметил Араз.

— С каждым днем дорожают земельные участки в Раманах, Балаханах, Сабунчах, Биби-Эйбате, Сураханах. Там уже не осмелишься предложить за десятину двести тысяч — и разговаривать не станут.

— Хорошо, но что же делать тамошним сельчанам если сады будут уничтожены, земли распроданы? Ведь им-то от этого пользы нет никакой.

— Лишь бы земля давала нефть. Наши земли безводны и бесплодны как аравийские пески. Вкладывать в сады, сеять хлеб, — все равно что могилы рыть иголкой!

Если будет нефть, то тот, у кого есть земля, продает и разбогатеет, а у кого нет, пойдет в рабочие. Посмотри хотя бы на меня, был бакалейщиком, а кем стал! Промысловым подрядчиком! Бурю скважины у Аслан-бека. Дела у меня — лучше некуда. Но мне нужен честный, расторопный парень. Потому я и пришел к тебе.

— Для чего это тебе вдруг понадобился расторопный парень?

— Хочу взять его ночным сторожем, — объяснил Шейда, выжидающе поглядел на Араза и, не дождав-шись от него ответа, добавил:

— Я знаю, ты сейчас получаешь не больше пятнадцати-шестнадцати рублей в месяц. А на работе с ног ва-лишься от усталости. Иди ко мне сторожем, буду пла-тить тебе пятьдесят рублей.

Араз с явной неприязнью посмотрел на Шейду. Тот, стараясь скрыть свое замешательство, занскивающе пов-торил:

— Верное мое слово, целых пятьдесят рублей!

— Знаю, знаю и пятьдесят дашь, и сто пятьдесят дашь. Но у меня нет охоты сжестываться каждую ночь с этими собаками!

— Как это с собаками? Что ты хочешь сказать?

— Да то, что на ваших промыслах все найдешь, кро-ме честности.

— Например...

— Например, на каком промысле нет воровства? Ты же лучше меня знаешь, что воровство процветает на всех промыслах, и крупных и мелких, каждый день, каждую ночь.

— Это правда, воруют... И мои доски и ремни утащи-ли.

— Ты тащишь у других, они у тебя.

— Ай киши, почему ты все так переначиваешь. Раз-ве я вор?

— Не ты один, все владельцы промыслов и такие, как ты, подрядчики, даже сторожа — все воры. Чего тут от-пираться? Вы же привыкли воровать друг у друга.

Шейда не нашелся, что ответить. Потом он окинул Араза насмешливым взглядом и сказал:

— Ну, скажем, мы привыкли воровать. Но ведь есть же пословица: «Закутавшись в палас, ползи со всеми».

— Я не сторонюсь людей, я с ними и в радости и в беде. Но толкать их на воровство и убийства — не мое дело. Кочи¹ разводятся, как тараканы. Нефтепромышлен-ники и важные чиновники стали на опасный путь. Если и дальше так пойдет, то...

Шейда прервал его на полуслове:

— Я пришел к тебе не за наставлениями. Ты храбрый парень, люди считаютя с тобою, боятся тебя, поэтому я и предлагаю тебе работать у меня, согласишь, не прога-даешь.

— Меня уважают, а не боятся. А к тем, кто нагоняет на людей страх, они относятся иначе. Отстань от меня и найди человека под стать себе.

Шейда презрительно процедил сквозь зубы:

— Твой покойный отец Балакиши тоже был такой строптивый. Ну и умер с голоду!

Араз хотел было как следует отчитать непрошеного гостя за его оскорбительные слова, но тот все-таки был у него в доме, — Араз подавил в себе негодование и только резко сказал:

— Лучше умереть с голоду, чем склонять голову пе-ред подлыми людьми!

Шейда не ответил. Он быстро поднялся и, нервно подергивая плечами, ушел.

II

В конце XIX века к селению Сураханы медленно, но неуклонно подступал все более густеющий лес нефтяных вышек. Убогие лачуги этого селения все были на одно лицо. Их обмазанные глиной стены не превышали чело-веческого роста.

Во дворе одного из таких домишек под голым жи-рным деревом был распростерт старик, раненный уда-рами топора. В глубине двора в стене мазанки, между двумя закопченными окнами, виднелась некрашеная, по-косившаяся дверь, она вела в две небольшие, низкие, сы-рые комнаты.

Вся скудная утварь этого жилья стояла на полке: не-сколько глиняных кувшинов и медных котлов. В углу

¹ Кочи — наемные убийцы, головорезы.

была изрядно потрепанная, латаная постель. На полу был разостлан старый палас. На стене висел саз, виштовка и заржавевший книжал.

В этом старом, бедном доме родился Араз. Как и его уютный домик, дед Араза Атабала являл собой память о старине. Он с юношеских лет смело выступал против местных беков и царских чиновников. Ни перед кем не робел и не склонял головы. Преследуемый властями, он три года скрывался в лесах Кубы, а потом, надеясь на поддержку народа, вернулся в родное селение. Его знали и в ближних и в дальних селах и почтительно называли дедушкой. Многих обиженных вырывал он из лап мучителей.

Когда в Баку начала развиваться нефтяная промышленность, стали возникать все новые и новые промысла. Атабала пошел работать на рытье скважин. Сына Балакиши женил в тридцать пять лет. Когда родился первый внук, Атабала не находил себе места от радости. Но эта радость в тот же день была омрачена большим горем. Балакиши погиб от взрыва газа в скважине. Атабала все твердил: «Мне не жить после такого сына, как Балакиши». Но маленький внук рассеивал горе старика. Он называл мальчика Аразом.

Анаханум отличалась трудолюбием и строгим, даже несколько суровым характером.

Из года в год она вместе со свекром сеяла хлеб на маленьком клочке земли. Этим они и кормились.

Атабала целые дни возился с ребенком, стараясь исполнять все его желания, он буквально молился на него. Араз тоже очень любил деда.

К Анаханум сватались многие. Но она всем отказывала — решила посвятить Аразу всю свою жизнь.

В этой семье честных бедняков вольной птицей рос Араз.

Мальчик жадно слушал рассказы деда о минувших временах. Ласкаясь к Атабале, он часто просил:

— Дедушка, а дедушка, расскажи, что было раньше!

Атабала никогда не мог отказать внуку, усаживал его рядом с собою и подолгу рассказывал о том, что видел своими глазами.

Прошли годы, Араз вырос, раздался в плечах и весь

был скроен не по возрасту ладно и крепко. Обнимая его, дед иной раз говорил:

— Мой сынок растет богатырем!

Однажды старый Атабала возвращался в селение из города, куда он каждый день отвозил с промысла нефть. Усталая голодная кляча едва тащила по пыльной дороге арбу с колесами, скрипевшими визгливо и жалобно. Чтобы дать лошади отдых, Атабала распряг ее и пустил пастись, а сам примостился в тени под арбой. Он поставил перед собою небольшой кувшин с водой, который брал всегда в дорогу, достал из мешочка хлеб и принялся за еду. Он ел черствый хлеб, запивая теплой водой. Бродивший по окраине села Араз издали увидел деда. То что он увидел, а это была довольно-таки печальная картина, больно отдалось в детском сердце. Он присел на камень и стал издали наблюдать за дедом. Обидно было ему сознавать, каким тяжким трудом кормит его дед.

Домой Араз вернулся с заплаканными глазами. Весь день он ходил погруженный в свои мрачные тайные думы.

На другой день, когда дед отправился на работу, Араз пошел на ближайший промысел. Он долго ходил вокруг работающих буровых. Гордость мешала ему подойти к чужим людям, рассказать им о своей печали, просить работу. Он присел на камень и задумался.

Перед его глазами неотвратно вставало то, что он понял накануне — тяжелая дедовская участь. Больше он не мог сдерживаться, сорвался с места и подбежал к ближайшей буровой. Он подошел к рабочим и с мальчишеской резкостью совсем неуместной, спросил:

— Я хочу работать, найдется мне работа?

Резкий, чуть ли не повелительный тон мальчика вызвал у рабочих улыбку. Они переглянулись, и один из них ласково ответил Аразу:

— Сынок, ты ведь маленький, тебе еще рано работать. Араз нахмурился.

— Я не маленький, — сказал он. — Мне уже пятнадцать лет. Вы дайте мне работу, а там посмотрите, справлюсь я или нет.

Подрядчику Ахмеду очень понравился этот смелый, бойкий паренек. Он подошел к Аразу, положил руку ему на плечо и спросил:

— Ты чей, сынок?

Араз, опустив голову, промолчал.

— Ты кто? — повторил вопрос подрядчик.

— Я сын Балакиши, — угрюмо пробурчал Араз.

— Ты сын Балакиши? — переспросил Ахмед и, окинув мальчика испытующим взглядом, повернулся к рабочим. — Клянусь вам, я сразу узнал его по разговору. Он очень похож на отца.

Араз поднял голову и сбоку посмотрел на Ахмеда.

— А вы знали отца моего? — спросил он.

— Знал, знал, и покойного отца твоего Балакиши знал, и с дедушкой Атабалой и дядей Каграманом часто виделся. Ничто не сломило бы Атабалу, если б не смерть сына. Да и Балакиши был достоин отца.

Ахмед снова взглянул на Араза.

Мальчик вызвал у всех рабочих сочувствие к себе. Один из них, пожилой мужчина в промазученной одежде, повернулся к подрядчику.

— Ага¹, этому мальчику нельзя отказывать.

Ахмед подошел к Аразу и спросил:

— Как зовут тебя?

— Араз! — громко и четко ответил он.

Араз так смело произнес свое имя, что все рабочие повернулись к нему, глядя на его блестящие, как две звездочки, глаза. Подрядчик, улыбаясь, сказал:

— Ладно, сынок, с сегодняшнего дня беру тебя на работу учеником. Начинай работать.

* * *

В тот день Анаханум долго ждала сына; Араза все не было. Гнетущая тоска и тревога терзали ее материнское сердце. Она беспокойно думала о том, почему опоздал Араз, где он мог задержаться. Ведь каждый день он возвращался домой вовремя. Мать глядела на дорогу, нетерпеливо ожидая сына. А Араз все не возвращался.

Терпение Анаханум иссякло. Она вышла из дому, расспрашивала родных, знакомых, друзей, соседей, обош-

ла все селение, но никто не мог сказать ей ничего об Аразе. Волнение еще сильнее охватило Анаханум; в сердце вкралось тревожное опасение. Она вернулась домой и стала на пороге, скрестив на груди руки.

Солнце медленно клонилось к закату, тени все удлинились, начинались сумерки. Наступило время возвращения с работы Атабалы. Анаханум ждала свекра, чтобы поделиться своим беспокойством.

Вскоре на дороге показался Атабала.

Анаханум почти бегом бросилась ему навстречу и, задыхаясь от волнения, рассказала ему об исчезновении Араза. Тревогу невестки Атабала встретил очень спокойно, он добродушно улыбнулся и сказал:

— Не тревожься понапрасну, где бы парень ни был, а домой вернется.

Его слова не успокоили Анаханум. Она ждала от свекра помощи. Первые ее были напряжены до предела и не в силах больше сдерживаться она заплакала навзрыд.

— Как не тревожиться? Где он может быть до сих пор? Наверное, с ним что-нибудь случилось.

— Да ты не плачь, сейчас я его найду и приведу к тебе, — сказал старик и пошел искать внука. Не прошел он и нескольких шагов, как его окликнула Анаханум:

— Вернись, вернись, вон он идет! — не помня себя от радости, крикнула она.

Атабала вернулся. Анаханум, опомившись после первых мгновений радости, стала просить старика:

— Ты уж прикрикни на него, чтобы он больше не делал этого. И спроси, где он был до сих пор.

Позднее возвращение домой Араза не понравилось и Атабале. Он никогда еще не кричал на внука. Но на этот раз он решил для острастки поругать его.

Араз, улыбаясь, подошел к ним.

— Где ты был до сих пор? — строго спросил Атабала.

Араз не ответил.

Тогда Атабала резко прикрикнул на мальчика:

— Ты не слышишь, я спрашиваю, где ты был?

— Я был там, где был и ты, — спокойно сказал Араз.

— Я был на работе, а ты где был?

¹ Ага — господин, хозяин.

— И я был на работе.

— Как на работе? Я с тобой не шучу, отвечай мне правду.

— Я правду говорю, я был на работе, на буровой.

— На какой буровой?

— На буровой подрядчика Ахмеда.

— Кто повел тебя туда?

— Никто, сам пошел.

Все подозрения Атабалы рассеялись. Он смягчился и уже ласково сказал:

— Что тебя погнало на работу, сынок? Разве ты голодаешь?

Араз молчал.

— Знаю, моих небольших денег не хватает, чтобы жилось хорошо.

Араз улыбнулся.

— Нет, дедушка, я молод. Могу есть все, что легче камня. А вот ты постарел. Я должен помогать тебе.

Анаханум взглянула на Атабалу. У старика от изумления широко раскрылись глаза.

— Как? Ты будешь кормить меня? До этого еще далеко. Пока я здоров, ты не будешь работать.

Долго дед уговаривал внука, но не смог заставить его отказаться от принятого решения.

— Нет дедушка, я не могу есть твой хлеб, если он достается тебе таким тяжким трудом, — сказал Араз.

С того дня Араз стал работать на буровой. Часто, вернувшись с работы, дед и внук усаживались под инжирным деревом, и долго дедушка рассказывал о своей молодости о трудном своем жизненном пути.

— Сынок, раньше нефтяные скважины рыли так же, как и колодцы. Из таких скважин нефть доставали бурдюками, сшитыми из бычьей кожи. Купцы отвозили ее в другие города и там продавали. Бакинская нефть прославилась и в ближних и в дальних странах. Я сам долго работал в старых нефтяных скважинах. Запрягал коня и с утра до позднего вечера доставал нефть. Бедные кони падали без сил. За месяц у меня менялись три-четыре лошади. А сейчас все изменилось, над скважинами

строят вышки, и скважины долбят или сверлят острым долотом. А нефть достают длинными железными ведрами-желонками. Сейчас вместо лошади установили разные машины, станки. С ними и скважину бурят и нефть достают. Сейчас дела стали полегче. А в наше время было тяжело. Ты, сынок, не знаешь, сколько рабочих полегло на старых и на этих новых буровых. Жадные хозяева спешат скорей нажить богатство, а о рабочих, конечно, не думают. Стены скважин не крепились надежно и очень часто обваливались. И люди оставались в них заживо погребенными. Многие погибали от газовых взрывов. Эти механизированные буровые тоже не щадят нашего брата. Одному оторвет руку приводным ремнем, другой погибнет, свалившись в скважину. Здесь надо быть очень осторожным, смотреть во все глаза.

Араз знал, что на Апшероне, на земле отцов и дедов, где неплодородный желтый песчаник, заниматься хозяйством, сеять хлеб — все равно, что рыть могилы иглой. Он понимал, что теперь вся его жизнь неразделимо связана только с добычей нефти. Поэтому он старался проникнуть во все секреты работы на буровых. Он хотел знать, как образуются в недрах земли неиссякаемые залежи нефти.

Выслушав короткий и довольно-таки неясный ответ деда на свои вопросы, Араз настойчиво повторил:

— Дедушка, а из чего все-таки получается под землей нефть?

— Сынок, чего только нет под землей? Откуда взялись соляные залежи у соседних сел, огонь, днем и ночью горящий в Сураханах, горячая вода, что бьет из-под земли? И там свой мир. Мы не видим его и никогда не увидим. Все по воле аллаха.

Араз молчал, смущенный, сомневаясь в словах деда и искоса поглядывая на его лицо, где столько прожитых лет оставили свой неизгладимый отпечаток.

III

Голод и лишения погнали Ваню, еще не изведавшего радости юности, из широких степей и густых лесов России в далекий Баку. В поисках работы он забрел на

промысла Касум-бека. Остановившись у зияющей черным провалом скважины, он уныло спросил:

— Не найдется ли мне здесь какой-нибудь работенки?

Окинув его с головы до ног изучающим взглядом, подрядчик Ахмед решительно ответил:

— Нет!

Ваня, опечаленный, не двигался с места. Он взглянул на рабочих потухшим взглядом, в котором едва теплились остатки воли и смелости.

Весь его вид, каждое его движение словно говорили: «Я голоден, дайте мне работу». Это напоминало Аразу тот день, когда он первый раз пришел на промысел просить работу, и он со свойственной ему страстной порывистостью спросил подрядчика:

— Ахмед-дан, почему не хочешь дать ему работу?

Недовольный взгляд подрядчика скользнул по Аразу.

— Ты не видишь, что он еле-еле держится на ногах? Разве он сможет работать по двенадцать часов в день в жаре и холоде?

Ваня по жестам Ахмеда уловил смысл сказанного и, захлебываясь от волнения, стал уверять:

— Вы не смотрите, что я такой худой, работы я не боюсь.

— Голодному не страшны ни холод, ни жара. Он на работу пойдет, чтобы из камня добыть хлеб! — старался уговорить подрядчика Араз. — Ахмед-дан, ты дай ему работу, жалко парня, я помогу ему.

— Не справится, это не его дело, — равнодушно ответил Ахмед.

— Что ты теряешь? Не справится, уволишь, — продолжал настаивать Араз.

Ахмед посмотрел сперва на Араза, а потом на Ваню и, повернувшись к Аразу, сказал:

— Слушай, из него рабочий не выйдет, но я не хочу отказывать тебе. Если не сможет работать как следует, тогда уж на меня не обижайся.

Ваня стал работать на одной буровой с Аразом. Он был старше Араза на два года. Ваня рассказывал много увлекательных историй. Его голубые, лучистые глаза словно отражали его простую чистую душу. Эти два юноши подружились с первого дня знакомства.

На их промысле азербайджанцев было много, и Ваня, прислушиваясь к их речи, расспрашивая Араза, очень скоро стал объясняться по-азербайджански.

Во время обеденного перерыва Араз, расстилал около Вани платок и улыбаясь, спрашивал:

— Ай Ваня, как дела?

— Ей-богу ничего такого нет... хорошо... хорошо, — отвечал Ваня на ломаном азербайджанском языке.

Тогда Араз шутя допытывался:

— Как ты там ладишь с косым Гусейном?

— С каким? Или ты о лавочнике Гусейне? Так ведь он настоящий жулик, дрянь-человек. Я получаю в месяц шестнадцать рублей, три рубля плачу за комнату. Три рубля налог берут. Мне остается десять рублей. Иду в лавку к Гусейну, спрашиваю: «Гусейн, что я у тебя брал?» Он хватает счета, начинает шелкать: хлеб, сыр, папиросы, спички, керосин, сахар, чай, молоко, яйца, водка... четырнадцать рублей шесть копеек. Я говорю ему: «Ай Гусейн, я яйца не брал, молоко не брал, водку и подавно не брал». Он отвечает: «Нет, брал... Много не разговаривай!»

Араз громко рассмеялся, а потом дружески хлопнул Ваню по плечу:

— Не горюй, такая уж у нас пока судьба.

— Я рассердился на Гусейна, стал брать у того толстого армянина Айрапета. В день полочки пошел в лавку: «Ай Айрапет, что я тебе должен?» Он взял счета... хлеб, сыр, молоко, яйца, водка, папиросы, спички, сахар, чай, керосин... «Ай Айрапет, — сказал я, — я молоко не брал, яйца не брал, водку и подавно не брал...» Он говорит: «Нет, брал, много не разговаривай!»

Араз опять расхохотался:

— И подавно не брал?

— Нет, ей-богу, не брал.

Улыбка сразу сбежала с лица Араза, он положил руку Ване на плечо и сказал:

— Нас грабят вовсю. Работаем по двенадцать часов и все же голодны; оставим голод в стороне, каждый день нам грозит гибель. Во-первых, раскрыв свои дракошьи пасти, скважины по одному пожирают рабочих; во-вторых, эти хозяйчики промыслов — головорезы-кочи,

они крадут друг у друга нефть, доски, трубы, ремни и, чтобы замести следы, насильно уводят с собой рабочих. И чем больше эти хозяйчики богатеют, тем больше жадничают. Сколько бы ни накопили, никак не могут насытиться, все им мало.

И действительно, на промыслах с каждым днем росли воровство и разбой. Поэтому владельцы промыслов старались нанимать смелых сторожей. Как только вечерело, никто не осмеливался пройти мимо какой-нибудь буровой, проходжих сторожа избивали и держали у себя до утра. Если же ночной гость не сдавался, то между ним и сторожем завязывалась перестрелка.

Однажды на буровой, где работал Араз, сломалось долото. На промысле своей ремонтной мастерской не было, поломанные инструменты приходилось отвозить в мастерские при бакинской станции.

В тот вечер подрядчик Ахмед не отпустил Араза домой, дал ему ружье и поручил вместе с Ваней отнести долото в мастерскую:

Наступили сумерки. Араз и Ваня шли, с трудом неся тяжелое громоздкое долото.

Когда они проходили мимо промысла братьев Каспаровых, их заметил сторож Сары-Муса. Он громко крикнул:

— Эй, кто там? Остановитесь!

Не придавая значения окрику сторожа, Араз на ходу бросил:

— Да не бойся, это мы!

— Кто вы? Стойте, не то буду стрелять!

Араз только сейчас понял грозившую им опасность. Он повел за собою Ваню к ближайшей буровой, там они опустили долото на землю. Араз, укрывшись за долотом, поднял винтовку.

— Араз, не стреляй, что он возмет с нас? — стал уговаривать друга Ваня. — Увидит, несем сломанное долото на ремонт и отпустит.

Араз негодуяюще посмотрел на своего спутника.

— Как это, что он возмет с нас? Он хочет отобрать у нас долото.

— Эй, кто там? Сойди с дороги, а то стрелять буду! — опять закричал сторож.

— Сойди с дороги ты и дай нам идти своим путем, — спокойно и резко ответил Араз.

— Эй, паренек, кто ты?

— Я — это я!

— Как тебя зовут?

— Араз!

— Из какого села?

— Из Сураханов. Скажи, кто ты?

— Я — Сары-Муса.

— Знаю. Скажи, зачем остановил нас?

— Куда ты идешь?

— Долото поломалось, несем на ремонт.

— Из какой буровой?

— Подрядчика Ахмеда.

— Ладно, проходите.

Араз и Ваня опять подняли долото и пошли. Сары-Муса, стоя на обочине дороги, пристально следил за приближавшимся Аразом. Вдруг он схватил винтовку Араза и попытался вырвать ее. Но Араз так отдернул ружье, что Сары-Муса едва удержался на ногах. Не успел он опомниться, как сильные руки Араза вцепились в его ружье:

— Винтовку отнимают не так, как ты, а вот как, — яростно проговорил Араз и ловко перекрутив оружие в руках Сары-Мусы, вырвал его.

Сары-Муса считался в окрестностях самым храбрым сторожем. До сих пор никто не отважился напасть на него и тем более нанести ему такое оскорбление. В ту ночь он затрясся, как осиновый лист, перед смелостью и силой восемнадцатилетнего юноши. И он заорал во все горло:

— Ты у меня вырываешь ружье?!

— Я у тебя и душу вырву!

Сары-Муса весь дрожал от злости: он знал, что завтра с быстротой молнии разнесется молва о том, что какой-то молокосос ночью отнял у Сары-Мусы его винтовку. Его хвастливая натура не примирилась бы с этим. Он тигром бросился на Араза, чтобы вернуть ружье, но Араз так ударил его по груди прикладом винтовки, что тот пошатнулся и растянулся на земле. Араз и Ваня снова подняли долото и пошли своей дорогой.

— Напрасно не трудись, не отобрати тебе обратно винтовку, приходи завтра за ней, — сказал на прощанье Араз.

Сары-Муса был поражен смелостью этого молодого рабочего. Забыв про боль в груди, Сары-Муса крикнул ему вслед:

— Эй, браток, скажи, ты из чьего рода?

— На что тебе, завтра узнаешь!

— Нет, постой, я хочу знать, кто это осмелился отобрать у меня винтовку, заклинаю тебя аллахом, скажи, кто ты?

— Я сын Балакиши.

— Ага... сын Балакиши... внук Атабалы... Так бы и сказал. Целое войско не смогло бы отобрать у меня винтовку. Я делил хлеб-соль с твоим покойным отцом. Если бы узнал тебя сразу, то не остановил бы тебя и ты не опозорил бы меня. Уж если так, то верни мне винтовку, в мужчин из вашего рода я стрелять не буду.

Слова Сары-Мусы заставили Араза призадуматься. Араз положил винтовку на землю и крикнул ночному сторожу:

— Иди, возьми свою винтовку, но нас не трогай.

Сары-Муса взял винтовку и угрожающе произнес:

— Тебя не трону, иди спокойно своей дорогой. Но с этим сукиным сыном Ахмедом, который дал тебе в руки винтовку и отправил на станцию ночью, я завтра поговорю.

Араз не ответил.

— Спасибо, Араз, не знал, что ты такой смелый. Молодец, — похвалил друга Ваня.

— Я еще ничего не сделал. Мои предки всю свою жизнь бились с этими грабителями.

Два друга медленно шли, согнувшись под тяжестью долота и исчезли в ночном мраке.

IV

Араз пытливо изучал промысловое дело и вскоре стал опытным мастером.

Его никогда не могли сломить пужда и горе. Он всегда был весел и полон сил. Дома тренировался с пудовыми гирями, и если находились такие, кто соглашал-

ся помериться с ним силами, то затевал борьбу, нередко уходил с друзьями на рыбалку или охотиться на зайцев и уток. Все, кому доводилось слышать его громкий голос и звонкий выразительный смех, с восхищенным удивлением говорили: «Нищета не обременила твоего сердца».

На это Араз отвечал, улыбаясь:

— Один из моих врагов как раз и есть нищета. Мужчине не должен допускать врага к своему сердцу. До самой смерти я не склоню голову ни перед нищетой, ни перед теми, кто навязывает ее мне.

* * *

Атабала умер внезапно. Однажды вечером он вернулся домой без арбы. Араз удивленно спросил деда:

— Дедушка, а где твоя арба?

— Сынок, я не буду больше работать аробщиком, — ответил равнодушно Атабала.

Это очень обрадовало Араза, потому что его дед был уже глубокий старик.

Осенний ветер жизни уже иссушил его тело. Араз часто просил деда:

— Дедушка, ты уже постарел, я не хочу больше, чтобы ты работал. Сиди дома, отдыхай.

Но старик не сдавался. Поэтому сейчас Араз очень обрадовался, что дед сам решил оставить работу.

Видя чрезмерную радость Араза, Атабала решил рассказать ему всю правду.

— Сынок, я закален трудом, без работы оставаться не смогу, но перевозка нефти на арбе с промыслов в город летом и зимою — тяжелая работа, а заработка не хватает даже на меня одного. Вчера у меня был Сулейман из Романов. Он там роет нефтяную шахту и хорошо платит. С сегодняшнего дня работаю у него.

Араз знал о том, что его отец Балакиши погиб при взрыве газа в скважине. Слова деда о его работе напомнили ему о смерти отца. Лицо его омрачилось, брови сдвинулись, и он решительно произнес:

— Дедушка, я не пущу тебя работать туда. Эти жадные скважины так и ждут жертв. Если в таком возрасте с тобой что-нибудь случится, я никогда не прощу себе этого.

Атабала призадумался, потом медленно поднял голову и сказал:

— Сынок, посуда для воды в воде и разобьется. Я не дороже Балакиши, горевать не стоит.

Араз взял руки деда в свои и долго просил его. Но все уговоры были тщетными. В конце концов Атабала обещал, что роет он скважину в последний раз. Араз нехотя согласился.

Скважина уже была вырыта на двадцать метров. В тот день Атабала заметил, что одна из стен скважины начинает подозрительно выпирать. Он сообщил об этом хозяину буровой Сулейману и попросил укрепить ее досками. Сулейман заглянул в скважину, осмотрел ее и поучающе сказал:

— Не так уж сильно выпирает, ничего страшного нет, но если ты опасаясь, можно сделать крепления. Но Сулейман все откладывал выполнение своего обещания.

Наконец Атабала решительно потребовал, чтобы стены скважины были обиты досками, когда собрались рабочие и бурильщики с соседних буровых. Атабала спросил у них:

— Люди, скажите по совести, можно ли без риска для жизни работать в этой скважине?

Бурильщики, осмотрев скважину, заявили в один голос:

— Эта скважина вот-вот обвалится. В нее может спуститься только тот, кому надоело жить.

— Мне еще не надоело жить, — отозвался Атабала.

— Ты же не даром работаешь, мы уговорились и ты получишь деньги сполна, — ответил Сулейман, покусывая от злости губы. Все-таки Сулейман был вынужден дать рабочему деньги, чтобы тот привез три-четыре веза глины. Повернувшись к Атабале, он добавил:

— Ну, успокоился теперь? С завтрашнего дня укрепим боковые стенки шахты. А теперь, чтобы не терять времени, будь мужчиной, не откажи мне и поработай.

Сулейман долго упрямил его. Атабала нехотя спустился в скважину и продолжал работать. Когда он бывал обозлен, то работал быстро, с ожесточением. Рабочий, достававший из скважины землю, не успевал за ним и, вытирая пот со лба, крикнул Атабале в глубину скважины:

— Ох, и сердит ты сегодня, Атабала, и вымещаешь злобу на черной земле.

Работа кипела. Когда рабочий доставал из скважины

длинное железное ведро, набитое до краев землей, вдруг раздавался глухой, но сильный грохот. От неожиданности рабочий отскочил назад.

Под давлением обвалившейся земли ведро стало спускаться обратно вниз и поволокло к барабанному колесу лошадь. Растерявшийся на мгновение рабочий подбежал к затянутой под барабан лошади, дрыгавшей ногами в воздухе, и быстро помог ей подняться. Потом подбежал к скважине, которую завалило так, что от нее и следа не осталось. На глазах рабочего выступили слезы, и он прошептал сдавленным голосом:

— Бедный Атабала! И он остался под землей, как сын. Слово чужло сердце старика, какой конец ждет его.

...Через несколько дней после трагической гибели Атабалы, аншеронские селения охватила страшная эпидемия холеры. Здесь, в местах, где никогда не ступала нога врача, эта заразная болезнь распространилась с чудовищной быстротой и унесла много жертв. Среди них была и Анаханум.

Народ сообща поднялся на борьбу с эпидемией и сумел ликвидировать ее. Заболевших долго массировали в холодной воде или на открытом чистом воздухе. Этот простой способ лечения спас множество людей.

1892 год — год, когда прошла эпидемия холеры, бакинские старожилы еще долго называли «массажным годом».

Араз остался без родных. Но друзья, особенно Ваня, не оставляли его одного. Теперь Араз и Ваня еще сильнее привязались друг к другу, сблизилась как родные братья.

Хотя Аразу и исполнилось 25 лет, но он еще не думал о женитьбе. Его знакомые, соседи, старый друг Алисафа не раз заговаривали с ним на эту тему, но Араз всегда уклончиво отвечал: «Пока рано».

Самостоятельный труд с ранних лет, нужда научили его с суровой трезвостью смотреть на вещи.

Он совсем не был против женитьбы, наоборот, хотел иметь семью.

В селении жила девушка по имени Гюнеш. Ее знали во всех соседних селах. Родители вырастили ее избалованной. В характере ее было много по-мужски грубо-

ватого. Это была плотная, сильная девушка, хотя ей уже перевалило за двадцать лет, она упорно отказывала всем сватам. На упреки матери Гюнеш отвечала:

— На что мне нужны сваты? Я сама не хуже мужчины!

Однажды сельский парень Теймур, проходя мимо дома Гюнеш, шутливо бросил ей:

— Девушка, тебе не надоело сидеть в отчем доме?

Гюнеш отвернулась и ничего не ответила.

— Чем сидеть без дела и стареть, лучше готовиться к свадьбе, так хочется отведать плова, — упорствовал Теймур.

— Иди и подыщи ровню! — ответила она.

Теймур рассмеялся и добавил:

— Разве не ровня ты мне, что, лучше меня найдешь парня?

Гюнеш схватила дубину, стоявшую у дверей, и, стуча ею о землю, закричала:

— Эй, открой пошире глаза. Уж лучше за собаку выйду замуж, чем за такого мужчину, как ты, нет! Иди своей дорогой, а то...

Ошеломленный Теймур стоял неподвижно. Девушка и бранила его и угрожала. Рассерженный Теймур только собирался дать ей должный отпор, как подошедший в это время Араз положил руку ему на плечо и сказал:

— Она права, ступай отсюда.

— Ты слышал, что она наговорила мне сейчас, — спросил Теймур обиженным голосом. — Что ответить этой бессовестной?

Араз покачал головой и лукаво сказал:

— Слышал, слышал... Получил, что следовало, и успокойся. А почему она мне так не говорит?

Из сельских девушек Аразу больше всего приглянулась Гюнеш. Изредка, проходя мимо ее дома, Араз окидывал девушку пристальным взглядом, она смущенно опускала голову и украдкой поглядывала на него. Тайное чувство взаимной любви крепло с каждым днем.

Зная, как встречает Гюнеш сватов, Араз не осмеливался отправить к ней кого-нибудь.

Как-то Араз признался Теймуру:

— Эта девушка мне очень нравится.

— Чем?

— Характером.

— В ней нет ничего хорошего, — усмехнулся Теймур, — одно сумасбродство и все!

— Нет, ты ошибаешься, это не сумасбродство, а своеправность и, может быть, немножко избалованность.

— Но ведь какая она упрямая!

— Упрямая, но не для всех.

Теймур громко захохотал:

— Хвалю твой вкус! Видать, ты влюбился в эту сумасбродку.

Араз не ответил. Он находил в Гюнеш многое из того, что высоко ценил в людях. Он был уверен, что если она перестанет капризничать, то может быть верным другом и спутником жизни. Но если девушка выпроводит и его сватов так же, как и прежних, то он станет посмешищем для всех, притчей для всякого злобного сплетника.

Это опасение не давало ему покоя, останавливая перед принятием твердого решения. Но когда он думал о Гюнеш, перебирал в памяти полюбившиеся ему черты, тогда его сомнения и колебания исчезали.

Но недолго длилась эта борьба противоречивых чувств. Араз подумал: «Слово мужчины должно быть твердым» и пошел к Алисафе, чтобы обо всем рассказать ему.

Алисафа был старым соседом Араза и другом его детства. У него был небольшой домик, сад и клочок земли на окраине села. Алисафа был бережливым, рассудительным, степенным юношей. Скупой на слова, он предпочитал слушать. Когда случалось что-нибудь смешное и все другие смеялись, он только слегка улыбался. Даже у себя дома он был молчалив. В селении его очень уважали и часто приходили к нему за советом.

Алисафа встретил Араза как искренний друг.

Поговорив немного о том, о сем, Араз открылся другу и попросил его пойти сватать Гюнеш. Это очень удивило Алисафу, и он спросил:

— Что это такое? Ты хочешь погасить отчий очаг?

— Не погасить, а разжечь, чтобы он горел и светил!

— Дорогой мой, из нее хозяйки не выйдет. Да она в пять дней разнесет твой дом. Брось об этом и думать.

Араз опустил голову, подумал немного и решительно сказал:

— Нет, это мое твердое слово. И я от него не откажусь.

Араз произнес это так решительно, что Алисафа принужден был замолчать. Видя, что отговорить Араза невозможно, он согласился исполнить его просьбу.

— Ладно, пойду.

Через десять дней после этого разговора скромная свадьба навсегда соединила Араза и Гюнеш.

Шли дни, недели, месяцы. Араз не замечал в Гюнеш никаких недостатков. Гюнеш совершенно изменилась. Семейная жизнь, домашние обязанности быстро захватили ее.

Знавшие Гюнеш спрашивали ее:

— Куда делся твой пыл, ты же в доме у бедного Искендера все вверх дном переворачивала.

— Отчий дом одно, — отвечала Гюнеш, — а мужчин другое.

Гюнеш взяла в руки все хозяйство и освободила Араза от лишних забот. Она приветливо встречала его после работы, приносила ему чистую одежду, давала умыться, кормила его. А в те дни, когда обеда не было, она старалась казаться особенно веселой. Она стелила ему постель и сидела над ним, как над ребенком, пока он не засыпал. Когда Араз просыпался, Гюнеш протягивала ему саз и просила:

— Спой и поиграй немного, радостней станет на сердце.

Звук саза и пение Араза удивляли Алисафу и его жену: как счастливо живут эти бедные люди.

Проводив Араза на работу, Гюнеш с утра до вечера хлопотала в своей бедной лачуге. Ее умелые руки преобразили низкие комнаты и двор с одиноким низирным деревом. Она сняла крышу, подняла стены на аршин, прорубила на улицу окно. Араз бесконечно гордился своей женой и все твердил: «Покупал дошаб¹, а принес домой мед».

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Лучи заходящего солнца окрасили багрянцем горизонт. Повеяло вечерней прохладой. Соседи Алисафы

¹ Дошаб — густой виноградный сироп.

беседовали у песчаного бугра. Ссоры и споры между братьями Кули и Гасаном все еще продолжались.

Старший брат Гасан все твердил:

— Браток, наша земля осталась нам от дедов. Мы на ней сеем. Бог дал, под ней нефть нашлась. Давай продадим эту землю и покончим с бедностью.

Кули, нахохлившись, как астраханский петух, не соглашался с братом.

— Нет, даже если свет клипом сойдется, я эту землю не продам.

— Ты разве умнее других людей? Все продают, почему бы нам не продать? Чего ждешь? Я бы и сам пробурил скважину и стал бы миллионером, да где взять денег?

— Я не хочу продавать эту землю. Если найдется компаньон, то я соглашусь рыть скважину.

— Эх, несчастный человек, пока ты найдешь охотника, выраешь скважину, начнешь добывать нефть, то чума через Ширван перевалит. От тяжелой работы я из кожи лезу вон. А тебе еще хуже. Но дело твое, как хочешь, сиди и жди у моря погоды.

— Ты столько терпел, потерпи еще немного.

— Я ждать не могу. Все знают наше положение. Не роют ли скважины рядом с нашим участком?

— Роют, и все скважины дают столько нефти, сколько твоей душе угодно.

— Это правда, — вступил в разговор Араз. — В этой земле неиссякаемые запасы нефти. Знаешь, с четырех сторон нашего участка стоят буровые. И все они забирают нефть из твоей земли. Через два-три года на твой участок и покупателя не найдется.

Маленькие черные глаза Гасана вдруг заблестели. Подавшись вперед, он сказал:

— О том же и я твержу. Пока не поздно, надо продать участок, избавиться от него. И покупатель есть — ваш сосед Дадашев.

Алисафа, молча слушавший спор двух братьев, наконец, заговорил:

— Все равно вы разбогатеете — продадите участок или выроете там скважину, а нам с Аразом только амбаами¹ остается быть.

Араз хлопнул рукой по колену Алисафы:

¹ Амбал — грузчик.

— Ты все выдумываешь, в прошлом году и ты нашел себе легкий заработок. Куда же деваются наши гроши, что мы зарабатываем потом и кровью? Не текут ли они в твою лавку? С нас дерут кожу, как с баранов.

Алисафа нахмурился и сдавленным голосом произнес:

— Почему это с вас кожу дерут? Я отпускаю вам мясо, сахар, чай, хлеб и беру с вас точно по цене.

— Знаем эту ловушку, куда нас нужда приведет за руку.

Кули, прищурившись, взглянул на Араза и спросил:

— Кто это вы?

Араз обвел рукой вокруг:

— Вот, такие же бедняки, как я, рабочие, которые живут в окрестных ямах, прибыли они из ближних и дальних краев, чтобы продавать свой труд за кусок хлеба.

— Побойся аллаха, Араз, не говори так, возразил Кули Аразу. Бог дал нам зубы, даст и хлеб. У каждого своя судьба. Не всем же быть богачами. А кто бы тогда делал нашу черную работу? Все по воле божьей.

Эти слова рассердили Араза. Чтобы успокоить его, Кули добавил:

— Разве я неправду говорю? Почему тебе не нравится?

— Да потому, что ты, хоть у тебя и нет буровой, задаешься, как хозяин целого промысла.

— Пусть сегодня у меня нет и куска хлеба, но придет время, стану нефтепромышленником, миллионером. Я знаю, что у меня в земле — клад.

— Я знаю, что всякий клад стережет змея, и умею остерегаться этих змей.

Хотя слова Араза обидели Кули, но, зная его характер, он удержался от резкого ответа и только сказал:

— Побольше бы этих змей, если бы не они, то мы подошли бы с голоду.

Араз иронически улыбнулся и кивнул головой.

— И правда, те, что на себя не надеются, помрут с голоду.

Алисафа, видя, что дело может дойти до ссоры, переменял разговор, перебив Араза:

— Кули, ты давай не затягивай это дело, Гасан верно говорит. Или продай этот участок, или найди компаньона и начинай рыть скважину. А то соседние буровые так высосут нефть с твоего участка, что твоя земля станет

как выдосенная корова. Тогда ни покупателя не найдешь, ни компаньона.

Эти слова словно разбередили давнюю рану Гасана, и он крикнул:

— Люди, будьте свидетелями! Сколько лет я твержу своему брату об этом, а он и в ус не дует. Довольно! В моей земле — целое богатство, а мои дети умирают с голоду и сам живу, как собака. Я не посмотрю ни на кого, все равно продам свою долю. Что будет делать Кули со своей частью — это его дело. Что вы на это скажете?

Алисафа примирительно сказал Гасану:

— Какую бы часть своей земли ты отдал Кули при дележе?

— Восточную.

Кули подскочил на месте.

— Ее ты можешь оставить себе. Не обманешь.

— Ладно, хапуга, а какую ты хочешь?

— Ты мой старший брат, да и человек ты богобоязненный. Я уступаю тебе ту часть, которую ты хочешь выделить мне.

Гасан был взбешен.

— Слушай, я вырастил тебя. Теперь ты мне хочешь ставить палки в колеса?

— Почему это я ставлю палки в колеса? Забирай свой кусок земли и продавай, кому хочешь.

— Ах ты, негодяй, разве ты не знаешь, что нашу землю хочет купить наш сосед Дадашев? А покупает он часть, соседнюю с его промыслом.

— Знаю. И то знаю, в каком месте нашей земли сколько нефти можно добыть. Меня не проведешь. Спроси у Араза, он тебе объяснит все.

Араз, слушая их препирательства и споры, старался представить будущее этих стремящихся к богатству братьев.

Спор братьев все разгорался. Наконец, они подрались. Алисафа с большим трудом разнял их.

Через три дня на земле Кули шла горячая работа: спешно ставили буровую. Узнав об этом, Кули разъяренный прибежал на промысел. Он набросился на подрядчика Шейду:

— Какое ты имеешь право ставить буровую на моей земле?

Шейда не обратил ни малейшего внимания на наступ-

ленно кричавшего и продолжал давать приказания рабочим. Кули заорал во всю глотку:

— Сейчас же уберите отсюда эти доски. А то спалю все. Ты думаешь, тебя некому обуздать?

Кули неистовствовал — бегал, надрывно кричал, а Шейда по-прежнему даже не взглянул на него. Кули весь трясся от злости, сердце его готово было разорваться. Он не знал, что ему делать. Вдруг он схватил молоток и стал отбивать от остова вышки только что прибитые доски.

Шейда больше не мог молчать. Он схватил Кули за руку.

— Вон отсюда! Убирайся, говорю тебе!

— Не уйду! Уходи ты с моей земли!

— Ай киши, я не вмешиваюсь в ваши дела. Твое ли это место или другого, меня не касается. У Аслан-бека была бумага от нотариуса. Кто станет тебя слушать, сколько бы ты ни орал, что это земля твоя?

Кули, еще больше разъяренный этими словами, закричал еще громче:

— Чтобы бог покарал этих беков. Неужели он захватил мою землю?

— Я ничего не знаю, иди и разговаривай с ним самим.

Кули застыл на месте. Он только сейчас понял слова Араза: «С нас, как с баранов, дерут шкуру».

У Кули была торгашеская жилка. Там, где дело касалось денежной выгоды, он был скуп, упрям, несговорчив.

Остервенелый Кули угрожающе взмахнул кулаком.

— Шейда, я никогда не прощу тебе этого. Кому-нибудь из нас поможет аллах, — сказал он и ушел.

Кули не хотел отказываться от своего. Он несколько раз ездил в город, чтобы встретиться с Аслан-беком. Но Аслан-бек не принял его. Тогда Кули дождался его у дверей и заговорил с ним прямо на улице. Сперва он говорил спокойно.

Аслан-бек, улыбнувшись, сказал:

— Этот участок я получил от правительства.

Кули, ссылаясь на шарият, стал убеждать его:

— Бек, ты сам хорошо знаешь, что эта земля осталась нам от наших отцов и дедов. Как ты можешь забрать ее себе? Этого не позволит шарият.

Аслан-бек невозмутимо ответил:

— Нет, это не так. Правительство-то не давало вам земли. Вы самовольно присвоили ее.

— Как бы там ни было, но кто откажется от земли?

Кули, потеряв всякую надежду, стоял опустив руки. Он не знал, что ему делать, что говорить. Собравшись с силами, он сказал:

— Бек, эта твоя затея плохо кончится. Я лучше умру, но не откажусь от земли, которая досталась мне от отца и деда.

II

После разговора с Аслан-беком Кули долго раздумывал, но не мог найти никакого выхода. Он знал, что не поможет ему и суд, где без взятки ничего не добьешься. В нем все сильнее клокотала злоба, он решил отомстить, но перед его глазами встали жена, дети, Сибирь. Тогда он отказался от мысли о мести и стал искать другой путь. Вдруг его глаза радостно блеснули — ему показалось, что он нашел выход. Он купил четыре метра бязи и скроил ее наподобие савана. Вечером он пошел к мяснику Дашдамиру, знаменитому в округе своим разбоем и богатством. В последнее время, поручив свою лавку брату, Дашдамир взял в аренду бойню. Кроме трех братьев, в его темных делах ему помогало много кочи.

Кули постучал. Дверь открыла служанка, — женщина лет сорока. Узнав по переднику, что это служанка, он спросил:

— Ага Дашдамир дома? Мне надо видеть его.

Служанка прикрыла дверь и пошла сообщить о пришедшем. Кули быстро снял чуху и надел саван. Вернулась с ответом служанка. Увидев Кули в саване, она в испуге отшатнулась и пролепетала:

— Ага сказал, чтобы заходил.

Кули торопливо поднялся по лестнице и через переднюю прошел в зал. Дашдамир стоял у стола в ожидании гостя, положив руку на маузер. Войдя в комнату, Кули поднял руки и стал просить дрожащим, жалобным голосом:

— Я с надеждой пришел к твоему порогу, Дашдамир, помоги мне!

Он понурил голову и замер на месте.

Дашдамир окинул его недоумевающим взглядом.

— Что случилось?

Кули поднял голову и снова стал умолять:

— Дашдамир, или убей меня здесь же на месте или спаси меня. Сердце разрывается.

— Расскажи толком, что случилось?

У меня был клочок земли, оставшийся мне от отца. Аслан-бек дал взятку нотариусу и записал его на свое имя. И теперь у меня на глазах он ставит там буровую. Прощу тебя, Дашдамир, помоги мне! Или убей, или спаси. Мне не перенести этого горя.

Дашдамир смутился. Нельзя было отказать гостю, пришедшему в его дом в саване. Не изменив позы, стоя у стола и держа руку на маузере, Дашдамир стал сосредоточенно думать. Потом, повернувшись к Кули, сказал:

— Ладно, иди, через три дня я отвечу тебе.

Остановившись в дверях, Кули сказал:

— Если сделаешь для меня доброе дело, то век буду тебе преданным рабом.

III

Кули хорошо знал Аслан-бека и даже его отца Рагим-бека. Рагим-бек был одним из знатных беков в селении. С тех пор как в деревнях, уездах стали назначаться сельские старосты, приставы и начальники, и народ узнал царских чиновников, была слава и могущество беков пошли на убыль, с усилением торговли стали уменьшаться и богатства, иссякать источники прибылей. Это заставило беков принаравливаться к новой обстановке и искать новые источники дохода. Когда стало известно о богатых залежах нефти в недрах Апшерона, Рагим-бек, как и многие другие беки, пользуясь случаем, стал присваивать земельные участки, где предполагалась нефть. Но смерть помешала ему осуществить свои планы — заложить скважины. После смерти Рагим-бека все его имущество перешло по наследству к сыну Аслану. Не имея достаточно денег для закладки буровой, молодой бек продал часть недвижимого имущества — несколько земельных участков, а потом пробурил скважину в самом надежном месте. Поток черного золота принес Аслан-беку богатство. Сельская жизнь пришлась уже ему не по нраву, он купил в городе дом и переселился туда, оставив отчий дом своей сестре Гумай. Подражая другим владельцам промыслов, Аслан-бек открыл свою контору и постепенно стал осваиваться с городской

жизнью, перенимать обычаи буржуазии. Он стал членом клуба, что среди богачей считалось большой честью. Лучшими увеселениями были кутежи и карточная игра. Аслан-бек быстро принаровился ко всему этому и завязал дружбу с городскими богатеями.

Дашдамир, помогая Кули, ничего не терял и мысленно подсчитывал, сколько он сможет получить денег от враждующих сторон. К тому же Кули, пришедший в его дом в саване, всюду станет рассказывать о нем, как о благодетеле, а победа над таким драконом, как Аслан-бек, умножит его славу в городе и селах.

Дашдамир сперва решил покончить дело миром. Он отправил к Аслан-беку своего младшего брата Замана.

Аслан-бек сказал Заману:

— Этот клочок земли дало мне правительство и получится нехорошо, если я верну его. Правительство обидится.

Когда Заман передал Дашдамиру ответ Аслан-бека, тот побагровел и яростно крикнул:

— Погляди на него, норовит и меня провести!

Дашдамир еще раз отправил брата к беку. На этот раз Аслан-бек ответил: «На что крестьянину нефтеносный участок? Зачем Дашдамир вмешивается в эти дела?»

Видя, что спор невозможно будет разрешить мирно, Дашдамир избрал другой путь. Он позвал к себе трех коч и приказал:

— С промысла Аслан-бека сегодня ночью должен быть украден весь лес.

Утром на промысле поднялась суматоха. Подрядчик Шейда кричал на ночного сторожа:

— Скажи, где ты бродил ночью, как голодная собака? Куда девался лес?

— Шейда, — клялся сторож, — всю ночь я ходил по промыслу с винтовкой в руках. Ни на минуту не сомкнул глаз.

— Как же ты сторожил, если столько лесу унесли?

— Я и сам дивлюсь. Этот злодей, сын злодея чертом был, наверно, — и сторож недоуменно пожал плечами.

Эту неприятную весть сообщили и Аслан-беку. Тот сразу догадался, кто бросил камень в его огород.

На следующий день, под вечер, на одной из буровых Аслан-бека пропал мотор. Шейда кусал губы от злости, ругал на чем свет стоит сторожа и грозил вычистить стоймость мотора из его жалованья.

Шейда стал искать вора. Встретившись с Аслан-беком, он стал утверждать, что все это — дело рук Кули. Аслан-бек нахмурился.

— Нет, я знаю, кто ворует. Будь осторожен, я сам приму меры.

В тот вечер Аслан-бек отправил дядю Дашдамира Керима к племяннику. Увидев у себя Керима, Дашдамир сразу догадался, кто его прислал.

Он принял его почтительно. Не успел Керим заговорить о том, зачем он пришел, как Дашдамир со всеми подробностями рассказал дяде о приходе Кули в саване и потом добавил:

— В тот вечер я дал себе слово, что если даже отец придет просить, откажу. Кули должен получить свою землю.

Зная характер Дашдамира, Керим даже не заикнулся о просьбе Аслан-бека. Недолго поговорив, Керим поднялся и ушел.

На третий день на промысле опять раздавался гневный голос Шейды:

— Куда делся этот сын злодея? Пусть придет и ответит за пропажу. Украл станок здоровенный, как слон, а он не заметил? Наверное, он заодно с ворами.

Он долго кричал, но сторож не появлялся.

— Сейчас же найдите его, на этот раз я иначе поговорю с ним.

Сколько сторожа ни искали, но найти не смогли. Воры, укравшие станок, увели его с собой и выпустили только через три дня.

Шейда пошел к Аразу, чтобы нанять его сторожем, но это ему не удалось.

Аслан-бек не мог больше терпеть эти оскорбления и угрозы и пожаловался в суд. Дашдамир поручил передать Аслан-беку, чтобы тот не пугал его судом, он, мол, не хуже его знает туда дорогу. Это еще цветики. Его украдут самого спящего вместе с постелью.

Аслан-бек был в безвыходном положении. Он хорошо знал, что судьи связаны с кочи. Понимая, что ему не справиться с Дашдамиром и его ждут еще большие неприятности, Аслан-бек решил помириться с Кули. На следующий день, рано утром, он поехал на промысел и поручил Шейде позвать Кули к сельскому мулле Ахунду Мирзе Мехти.

Кули с радостью узнал о происшествии на промы-

сле Аслан-бека. Он сразу понял, зачем его зовут к мулле. Идя туда, он заранее обдумывал свои условия. Аслан-бек и Мирза Мехти встретили Кули очень радушно. Мирза Мехти лицемерно заявил:

— Кули, Аслан-бек рассказал мне обо всем. Будучи таким же благочестивым, как и его покойный отец, Аслан-бек хочет разрешить ваш спор по шариату. Я хочу помирить вас. Что ты скажешь на это?

— Ахунд, я с самого начала призывал бека к шариату, он сам не признал его.

— Конечно, конечно, мы правоверные мусульмане. Мусульманин не должен обращаться в русский суд, а должен идти к вратам шариата. Теперь скажи мне, доверишь ли ты мне со своей стороны?

— В чем?

— Чтобы я помирил вас по шариату.

— На каких условиях?

— Я найду подходящие для вас обоих условия.

Аслан-бек решительно заявил:

— Ахунд, я полностью доверяю тебе.

— Какие здесь могут быть условия? Пусть вернет мне мою землю, и я помирюсь, — сказал Кули, подозрительно заглядывая в глаза своих собеседников.

Аслан-бек нахмурился. Заметив недовольство на лице бека, Ахунд Мирза Мехти сказал:

— Кули, так не мирятся, ты поступаешь несправедливо.

— Почему это я поступаю несправедливо? Я требую свою землю.

— Слушай, у тебя нет земли, пойми это раз навсегда. Земля моя! — крикнул, не сдерживаясь, Аслан-бек.

— Нет, она моя, и ни на какие другие условия я не соглашусь, ты вернешь мне землю и все.

— Я знаю, на что ты надеешься, но меня зовут Аслан-бек! Иди и, если сможешь, верни себе землю.

Кули поднялся.

— А меня зовут Кули. Я или умру, или верну свою землю, — захлебываясь, сказал он.

Кули хотел уйти. Мирза Мехти приподнялся на коленях и закричал:

— Кули, ты не знаешь законов шариата и расстраиваешь дело. Это нехорошо. Аслан-бек платит пять тысяч рублей.

Кули горько усмехнулся.

— Спасибо. Если я отдам за пять тысяч рублей землю, в которой целое сокровище, люди плюнут мне в глаза. Пусть вернет мою землю, больше ни на что я не согласен, — сказал он и вышел.

Ахунд Мирза Мехти окликнул его, Кули не вернулся. Потерпев и здесь неудачу, Аслан-бек решил во что бы то ни стало каким-нибудь другим путем помириться с Кули. Он вспомнил слова Дашдамира: «Его самого украдут спящего, вместе с постелью». Он знал, что его упорство дорого обойдется ему. От муллы он заехал на промысел и опять послал Шейду за Кули. На этот раз Кули пришел без надежды на удачный исход дела. Он рассуждал про себя: «Не возьму я эти пять тысяч рублей, потом и того, может быть, лишусь. И собаку потеряю, в ошейник»

Аслан-бек сразу приступил к делу.

— Кули не упрямься, я действительно хочу помириться с тобою. Скажи, на каких условиях отдашь мне эту землю?

— Бек, вот мои условия: или верни мне землю, или будем на этом участке компаньонами.

— А на каких условиях будем компаньонами?

— Так же, как и другие. Бурить будешь ты, а нефть пополам.

Аслан-бек усмехнулся.

— Слушай, я ищу дохлого осла, чтобы снять с него подковы, а ты с меня самого хочешь содрать шкуру. Как это: «Нефть — пополам»? Ты видишь сладкие сны. Что мне люди скажут, если я, имея в руках бумагу от нотариуса, отдам тебе половину прибыли? Я вижу, наша сделка не совершится. Если так, то я отказываюсь бурить на этой земле. Пусть пока остается. Когда захочу, тогда и буду бурить. Земля моя, иди и делай все, что сможешь.

Кули словно поразила молния. Подумав немного, он спросил:

— Бек, а какие у тебя условия?

Аслан-бек ответил нарочито безразлично:

— Какие могут быть у меня условия после того, что ты требуешь?

— Все же скажи свои условия!

— Я могу дать тебе только двадцать процентов с тем условием, чтобы ты работал подрядчиком.

— А почему ты хочешь, чтобы я работал подрядчиком?

— Если будет на промысле хозяйский глаз, — начал объяснять убедительным тоном Аслан-бек, — то бурение обойдется дешево и оборудование будет соответствующее.

— У меня нет денег для подрядных работ. В кармане ни гроша.

— Ты только будешь называться подрядчиком. За все буду платить я сам, а работы будешь вести ты. Скважина должна быть пробурена за шесть месяцев.

После долгих препирательств Аслан-бек согласился отдать Кули тридцать процентов нефти. В договоре было отмечено, что Кули обязуется выполнять обязанности подрядчика и пробурить скважину за шесть месяцев, а Аслан-бек должен выдать Кули на это восемнадцать тысяч рублей.

Кули приступил к работе. Сперва Аслан-бек выписал чек на восемь тысяч рублей. Кули закупил лес, собрал мастеров — бурильщиков, рабочих, нанял сторожа. Но ему не повезло с самого начала. В первый же день был украден весь лес. Кули отчаянно метался из стороны в сторону, но ничего узнать не смог. Лес найти не удалось. Кули прогнал сторожа и нанял другого.

Воровство повторялось по-прежнему. Не зная промыслового дела и работы подрядчика, Кули совсем потерял голову.

— Ты думал, — спросил Аслан-бек, — легко бурить скважину и ставить буровую? Я боюсь, что ты не сможешь закончить эту работу. А убытки я не намерен брать на себя.

Кули еще более рьяно взялся за работу, круглые сутки не уходил с промысла. Аслан-бек открыл в банке кредит еще на пять тысяч рублей для покупки мотора, шлангов, долота, труб, станка и других необходимых инструментов. Кули приобрел все это, и бурение скважины началось. Но воровство не прекращалось. Однажды ночью исчезли все трубы и мотор с приводным ремнем. Кули старался во что бы то ни стало найти вора, он обошел все промысла, высматривая украденное, но тщетно. Он прогнал и нового сторожа.

Часть оборудования пропадала днем, поэтому Кули увеличил число сторожей, но и это не помогало. Вместо украденного приходилось покупать новое. А открытый

на его имя кредит почти иссяк и не хватало денег для покупки нужного оборудования, инструментов.

Кули пришлось снова обратиться к Аслан-беку.

На этот раз Аслан-бек нахмурился и сердито ответил: «Слушай, да что у меня собственная казна? Наличных денег в банке у меня нет. Я купец, мне не выгодно держать деньги в одном месте. Я отдал все на покупку акций на нефтяной бирже. Боюсь, что эта скважина обойдется мне дороже восемнадцати тысяч, которые я обязался тебе выдать».

Кули целую неделю обивал пороги Аслан-бека; наконец Аслан-бек дал ему на пять тысяч рублей акций для продажи на бирже. Когда Кули готовился купить оборудование взамен украденного, к нему пришел младший брат Дашдамира Заман и сказал:

— Дашдамир просит прислать ему десять тысяч рублей. Ему очень нужны деньги.

— Сейчас у меня денег нет, — ответил Кули. — Скважину пока еще не пробурили. Когда добудем нефть, я сам приду и отблагодарю Дашдамира.

— Дашдамир сказал, пусть даст из того кредита, что открыл на его имя в банке Аслан-бек. А потом сам рассчитывается с Аслан-беком.

Кули оказался в тупике. Его старший брат Гасан подал на него в суд, требуя свою долю этого участка, а он должен был вернуть деньги, ссуженные Аслан-беком для покупки оборудования, которое почти все было разворовано. Деньги расходовались — и все напрасно. Кули уже не имел средств для приобретения нового оборудования вместо украденного, не мог продолжать работы. Аслан-бек заявил, что не даст больше ни копейки. Кроме того, не было уплачено бурильщику Рашиду за все время его работы. Кули все кормил его обещаниями. Рашид требовал выдать ему заработанные деньги, а иначе грозил приостановить работу в скважине.

Перебрав в уме все это, Кули как можно мягче произнес:

— Заман, клянусь твоей головой, что из открытого мне кредита ничего не осталось. Правда, Аслан-бек открыл кредит на мое имя, но за эти деньги я купил оборудование для промысла. Сейчас я сам нуждаюсь в деньгах.

Заман ушел, явно раздосадованный, и это очень пу-

гало Кули. Он подумал: «Сын злодея сделал доброе дело и тут же занес меч над моей головой».

Кули прекрасно понимал, что все это дело рук Аслан-бека. Бросить работу на половине, нанять нового подрядчика было невозможно. С этим Аслан-бек никак не согласился бы.

Биржа была игрушкой в руках нефтяного короля Нобеля. Он мог в любое время поднять или снизить цены на нефть. Сейчас ему очень нужна была нефть, которую он обязался поставлять некоторым иностранным государствам.

Когда ему нужно было обанкротить мелких нефтепромышленников и закупить нефть по дешевой цене, он сбивал цены на нефтяные акции.

Аслан-бек знал, что цены на них упали. Поэтому вместо наличных денег он дал Кули акции.

Кули отправился на биржу. Там ему сказали, что акции можно продать на тридцать пять процентов ниже их стоимости, потому что цены на них уже упали на тридцать процентов.

Что делать?

Надо было спешить с бурением. Работа стояла. Кули вынужден был продать акции с убытком и купить все необходимое для промысла.

Бурение скважины возобновилось.

Деньги опять кончались. Мастера, рабочие, сторожа требовали платы. К тому же надо было пригласить инженера, чтобы тот установил, сколько сажен осталось еще пробурить. На все это требовалось много денег. Аслан-бек же выдал все предусмотренные в договоре восемнадцать тысяч. Когда Кули с трудом вырвал у Аслан-бека последние шесть тысяч рублей, бек сказал: «Я выплатил свой долг, за деньгами больше ко мне не приходи». Но отсутствие денег заставило Кули опять прийти к Аслан-беку.

Кули пошел к хозяину, и тот ответил ему:

— У меня денег больше нет. Акции на бирже упали на тридцать пять процентов. Я не могу продать свои акции с убытком, чтобы дать тебе денег.

Кули вернулся домой в отчаянии. Его жена Дилара подала ему лист бумаги.

— Возьми, это тебе принесли. Вызывают в суд. За какие это дела ты попал в суд?

Кули взял повестку, беспомощно огляделся по сторонам и ушел из дому. Его вызывали в суд, который по жалобе Гасана должен был разобрать тяжбу двух братьев из-за земельного участка. Суд должен быть состояться через три дня.

Кули пришел к Аслан-беку за советом и рассказал ему обо всем. Но об этой тяжбе Аслан-бек знал уже давно. Гасана он не опасался.

Рассчитывая на жадность Кули, Аслан-бек решил прибегнуть к хитрости.

— Кули, нам с этим делом не везет. Эта буровая — беда на нашу голову. Вложили в нее уйму денег, а еще и ста сажен не пройдено. И если твой брат Гасан начал тяжбу, то следует принять решительные меры.

— Какие? Что мне делать? Посоветуй, помоги.

— Ты должен дать взятку судьям и вырвать из рук Гасана эту землю. Для этого только нужно подделать кое-какие бумаги, свидетельства. Сейчас все зависит от денег. Ты пойдешь к адвокату Юнус-беку. Он тебе растолкует, как быть.

— В том-то и дело, что у меня денег нет, — возразил Кули, кусая губы. — Что я им дам?

— Дашь пятьсот рублей судьям, триста рублей адвокату — вот и все! — насмешливо улыбаясь, сказал Аслан-бек.

Кули молчал.

— Разве у тебя и восьмисот рублей нет? — спросил Аслан-бек. — Какой же ты тогда мужчина? Если не дашь взятку, Гасан выиграет дело. Пойди дай вексель на тысячу рублей, возьми деньги, закончи дела с братом и тогда приходи, поговорим о промысле.

Кули в тот же день получил по векселю тысячу рублей и пошел к Юнус-беку. Через него он добрался и до судей. Быстро были приготовлены фальшивые документы, свидетельства. Через три дня оба брата предстали перед судом.

Допросив обоих, судья отклонили жалобу Гасана.

Выходя из помещения суда, Гасан сказал брату:

— Лишив меня отчей земли, ты и сам лишился ее. Аслан-бек сгонит тебя с этого участка, как собаку.

— Я свою дорогу хорошо знаю, ты о себе беспокойся! — бросил брату Кули.

После суда Аслан-бек сделал вид, что он совсем не

знает Кули. Хитрый богач при встрече с ним держался так, будто они никогда и знакомы не были. Однажды, когда Кули все-таки пришел к Аслан-беку, тот сказал:

— Да разрушится дом Нобеля, сбил цены на акции и стал скупать их и нефть по дешевке. Посмотри, нефтяные чаны полны до краев, а деньги вложены в акции. Мне нечем платить даже своим рабочим. А ты тоже хорош, ухнул на эту скважину груды денег и зря.

— Как же быть с этой скважиной? — спросил Кули, стараясь заглянуть в глаза Аслан-беку.

— Я и сам не знаю, — ответил Аслан-бек, разводя руками. — Рабочие пришли требовать деньги прямо ко мне домой. Ну, я их кое-как успокоил и отправил. Если будешь нахальничать, я приостановлю работу скважины, пока цены на акции не повысятся.

— Нобель... акции... Этими словами меня не насытишь, Аслан-бек. Я голоден, скажи, что мне делать?

— Я же не давал обязательств еще и кормить тебя. Голоден, иди, найди себе другую работу, а у меня нет денег для тебя.

— Приближаются сроки векселей, по которым я получал у тебя деньги для бурения скважины. Откуда я возьму деньги оплатить их?

— Кули, из крестьянина делец не получится! Ты пойдешь, сей свой хлеб, дой корову.

— Да разрушится дом твоего отца. Разве вы оставили нам землю и корову, чтобы можно было сеять и доить? Нет, я вижу, ты начал со мною говорить по-другому.

— Как? Я выдал тебе восемнадцать тысяч рублей? Выдал. Скажи, куда дел? Я еще удержу с тебя за все украденное оборудование. Если крадут шланги, долото, станки и инструменты, тогда, конечно, рухнет дом моего отца. Скажи, сторож есть на промысле?

— Есть, но и он надоел мне, все деньги требует. Такой назойливый. Все пристаёт ко мне: «Я голоден, отдай мне мои деньги».

Аслан-бек немного подумал и сказал:

— Завтра будь на промысле, и я приду туда. Там и поговорим.

Кули рано утром пришел на промысел. Сторож сразу же пристал к нему:

— Сейчас же рассчитайся со мной, и я уйду. Хватит морить голодом моих детей. И что за напасть такая. Ты закладываешь скважину, хочешь стать хозяином промысла, а зачем я должен страдать?! Если ты не можешь работать, не берись.

Кули молчал.

Наконец пришел Аслан-бек. Сторож стал жаловаться на Кули. Повернувшись к тому, Аслан-бек спросил:

— Почему не хочешь платить человеку? Как сторожить ему на пустой желудок?

Сторож обомлел.

— Спасибо, бек. Поверь, вот уже три дня моя семья голодает. Прошу у Кули денег, он меня гонит с руганью. Говорю ему: «Мало того, что денег не платишь, да еще бранишься». А он еще больше расходится: «Замолчи, сукин сын, — кричит. — Убью тебя!»

— Кто же так делает? Ты должен выплатить человеку все, что он заработал. А то из этой буровой прока не выйдет, — с подчеркнутой важностью сказал Аслан-бек и быстро ушел.

Слова Аслан-бека: «Приди завтра на промысел, там обо всем поговорим», — Кули понял совсем иначе. Он думал, что Аслан-бек хочет сам побывать на промысле и дать денег на продолжение работ. Поступок Аслан-бека окончательно ожесточил Кули. Он собрался уходить, но сторож снова стал требовать денег.

— Я голодаю, сейчас же давай мне деньги!

Как Кули ни изворачивался, ничего не выходило.

— Прочь отсюда, а то сейчас же прибью до смерти, — яростно крикнул он и, тяжело ступая, ушел.

— Вернись, возьми свои вещи, больше не буду сторожить, — крикнул ему вслед сторож.

— Если хоть на шаг сойдешь с этого места — проклятье твоему отцу, а если что пропадет, сдеру с тебя.

Утром среди рабочих соседних промыслов поднялся переполох. Шейда, метаясь по промыслу, кричал:

— Сын злодея все твердил: «убью, убью» и убил-таки бедного сторожа.

Этот случай сильно взволновал рабочих.

Об убийстве сообщили в полицейское управление. Прибывшие на место полицейские составили акт и увезли труп.

Весть об этом быстро дошла до Кули. Он, как угорелый, примчался на промысел.

Рабочие набросились на него:

— Злодей, сын злодея, мало того что не уплатил человеку денег, да еще самого убил. Это тебе дорого обойдется, — раздавалась вокруг гневная разноголосица.

Как ни клялся Кули: «Я не убивал его, я здесь ни при чем», рабочие не верили. Кули был арестован. Спустя месяц, суд рассмотрел его дело и осудил на десять лет ссылки. К этому времени подошли сроки его векселей, и на участок Кули были объявлены торги. Аслан-бек купил с торгов участок и возобновил на нем работу.

IV

Однажды Араз и Рашид встретились у промысла Аслан-бека и разговорились. Проходящий мимо Аслан-бек бросил на Араза сердитый взгляд и вдруг, словно что-то вспомнив, замедлил шаг и повелительно сказал:

— Слушай... Я запрещаю тебе якшаться с моими рабочими.

— Этого не сможет приказать мне даже твой отец — Рагим-бек! Я разговариваю и буду разговаривать с кем захочу и когда захочу, — сдержанно ответил Араз и продолжал разговор.

— Я приказываю тебе! Ты не должен разговаривать с моими рабочими, сбивать их с пути.

— Я их не сбиваю с пути, а направляю на верный путь. Ты, как шайтан, рассорил братьев, вырвал у них землю и, наконец, убил сторожа и все свалил на Кули. Выжил человека с родного места и отправил в ссылку. Вот об этих твоих проделках я и говорю.

От гнева глаза Аслан-бека, казалось вот-вот вылезут на лоб, он стуча ногами о землю, заорал изо всей силы.

— Прочь с глаз моих! Прочь, говорю! Клевета — старая твоя привычка.

— Ты особенно не стучи ногами, а то, если я застучу, тебе не сдобровать. И я не клевету. Ты — не убийца, а подстрекатель к убийству. Я знаю подкупленного тобой убийцу.

Аслан-беку было известно, каким уважением среди рабочих пользовался Араз. Поэтому он молча удалился,

чтобы не усугублять дело. Араз с угрозой бросил ему вслед:

— Подожди!.. Увидишь, что я с тобой сделаю!

Аслан-бек не мог понять, откуда Араз узнал о том, как он поступил с Кули и что сторож был убит подкупленным им убийцей. Угрозы Араза не на шутку встревожили Аслан-бека, и тот решил во чтобы то ни стало убраться отсюда.

На следующий день Араз открыто рассказал рабочим о том, как Аслан-бек втянул братьев в тяжбу и подстроил убийство сторожа, чтобы отстранить Кули от его участка земли и всецело завладеть им. Правдивые слова Араза глубоко возмутили рабочих.

Узнав об этом, Аслан-бек отказался от своего прежнего решения. Чтобы избавиться от Араза и обелить себя в глазах рабочих, Аслан-бек придумал другой способ. Он дал взятку полицмейстеру, заявив, что Араз ведет агитацию против правительства и нефтепромышленников и сбивает с пути рабочих. Через несколько дней Араз был арестован, но надежды Аслан-бека не сбылись. Арест Араза вызвал среди рабочих еще большее волнение. Они послали трех выборных к полицмейстеру с требованием немедленно освободить невинно арестованного.

Выборные пошли к Касум-беку, хозяину промысла, где работал Араз. Протестуя против темных махинаций, они повторили свое требование об освобождении Араза. Касум-бек обещал исполнить просьбу рабочих. Он был обижен, что Аслан-бек добился ареста Араза, не сказав ничего ему, Касум-беку. Освобождением Араза, он хотел заслужить уважение и доверие рабочих и, вместе с тем, показать свою силу и влияние Аслан-беку, который, не посоветовавшись с ним, засадил в тюрьму его рабочего.

Касум-бек не признавал никаких доводов полицмейстера и упорно доказывал, что все дело Араза — пустая выдумка. Наконец, рассердившись на упрямство полицмейстера, он ударил кулаком по столу и потребовал:

— Сейчас же освободите моего рабочего! А то прямо отсюда я пойду к городскому голове с жалобой на вас.

Касум-бек неустанно искал способы умножить свое богатство и находил все новые и новые источники прибылей. В банках он держал немного денег. Свои средств-

ва он либо вкладывал в акции нефтяных компаний, либо давал займы под проценты тем владельцам промыслов, у которых собственных средств на продолжение работ не хватало.

Нередко он предъявлял своим должникам неоплаченные в срок векселя и припертые к стене разорившиеся нефтепромышленники бывали вынуждены, согласно закону, отказаться от заложенных буровых, которые переходили во владение займодавца. Немало прибыли давали шесть промыслов в Сабунчах и Раманах.

Богатство Касум-бека заставило царских чиновников почтительно относиться к нему.

Поэтому, когда Касум-бек ударил кулаком по столу и потребовал немедленно освободить Араза, оробевший полицмейстер, боясь опасных последствий, обещал исполнить просьбу бека.

Арест Араза потряс Гюнеш. Эта крепкая, стойкая женщина стала неузнаваемой за две недели. Проклиная Аслан-бека, она все причитала: «Как я буду жить без Араза, если его сошлют в Сибирь?»

Как дерево склоняется под порывами урагана, так и Гюнеш даже ссутулилась, страшаясь неизвестности грядущего.

У Гюнеш скоро должен был появиться ребенок. Повитуха, с минуты на минуту ожидавшая начала родов, усадила Гюнеш на табурет и, как могла, старалась успокоить ее. Гюнеш неотступно думала об Аразе, даже когда у нее начались предродовые схватки. Ее не могли утешить родные и близкие, и только тяжкая, как камень, тоска по Аразу сжимала ей грудь.

В это время к дому подходил освобожденный из тюрьмы Араз. Войдя в дверь, он услышал крик новорожденного. Повитуха, подняв младенца на руках, поздравила присутствующих:

— Родился мальчик! У, какой крепыш, не сглазить бы.

Никто не заметил вошедшего в комнату Араза, и тот, не удержавшись, радостно воскликнул:

— Поздравляю, Гюнеш! Сына своего я называю Поладом.

Добыча нефти в Баку с каждым годом все увеличивалась. Этот город превращался в один из центров промышленности и революционного движения в России. Стекавшиеся на Апшерон, богатый неисчерпаемыми нефтяными залежами, голодные и обездоленные из азербайджанских сел, из близких и дальних уголков России, из Карабаха, Зангезура, из соседнего Дагестана и Южного Азербайджана, закалялись для грядущей борьбы.

Была одна из тихих ночей 1897 года. Яркая луна, словно шаловливый ребенок, как бы играла с людьми в прятки: то скрывалась за проплывающими по небу клочковатыми облаками, то, подсмеиваясь, снова выглядывала.

Араз только что вернулся с работы. Он очень устал и все-таки не мог не думать о сегодняшнем столкновении между рабочими и Касум-беком.

Араза радовало то, что рабочие начинали уже сознавать свои права, смело говорить о своих нуждах и предъявлять требования. Они уже понимали, что если не возьмутся за руки, если не поведут общей борьбы против Касум-беков, то жить им легче не станет. Араз много размышлял об этом, но не мог прийти к какому-нибудь ясному выводу.

Его раздумье прервал условный стук в калитку. Он послал подростка Полада отворить. Полад вернулся и сказал, что пришел дядя Ваня. Араз тут же выскочил во двор. Он долго упрашивал Ваню войти в комнату, но тот отказывался. Они уселись во дворе под деревом.

Ваня был весел. На лице его сияла радостная улыбка. Чувствовалось, что он принес приятное известие. Но Араз был сдержан, заглядывал в глаза Ване и не хотел ни о чем спрашивать первым. Лунный луч, пробившись между толстыми листьями инжира, бросал на их лица светлые блики.

Ваня, сжав в своих руках правую руку Араза, заговорил:

— Араз, тебя можно поздравить. Сегодня мы рассмотрели твоё заявление о принятии тебя в социал-демократический кружок. Все члены кружка высказались за тебя. Руководитель кружка выслушал выступавших. Они рассказали о твоём мужестве, честности, об уваже-

нии рабочих к тебе. В конце и он сказал о тебе. Теперь ты вместе с нами будешь знать обо всем, о чем раньше с таким интересом расспрашивал меня. Тогда я не все мог говорить тебе.

Араз, охваченный радостным волнением, сразу не нашел нужных слов. Наконец, Араз поднялся, крепко прижал к груди своего друга и только смог сказать:

— Спасибо, постараюсь в долгу не остаться.

Ваня не мог задерживаться у Араза. Как тот ни просил его зайти в комнату хотя бы выпить стакан чаю, Ваня не согласился: он должен был выполнить несколько заданий кружка.

Ваня попрощался и ушел. Араз вернулся в комнату взволнованный. Заметив веселое настроение отца, Полад спросил:

— Наверно, дядя Ваня принес радостную весть?

— Да, правда. Дядя Ваня принес очень радостную весть, — ответил Араз и, нагнувшись, заглянул в глаза сыну. Но что это была за весть, он промолчал и о чем-то задумался.

Участие в социал-демократическом кружке, повседневная работа, беседы и споры на многое раскрыли глаза Аразу. Он думал о политических стачках, о возможности всеобщего вооруженного восстания. Обо всем этом он слышал в кружке. Особенно запомнилась Аразу речь, которую он услышал у горы Степана Разина на первом майском митинге.

Горячее одобрение, с каким встретили рабочие эту речь, еще больше укрепило веру в Араза в непоколебимую силу пролетариата.

Поэтому Араз выступал все решительней против нефтепромышленников и царских чиновников, не скрывая своей ненависти к ним.

Однажды Араз, Ваня и их друг рабочий Грегор, усевшись у подножия невысокой скалы, говорили о том, что им предстоит делать. Мимо проходил младший счетовод Миша. Араз шутливо окликнул его:

— Хозяин, подойди, расскажи, как дела.

Все рассмеялись. Миша подошел и сказал:

— Хозяевами можно назвать вас. Ведь вы хотите отнять у царя власть. Зовете всех бороться за это дело.

Ваня пристально взглянул на него и ответил:

— Довольно голода, нужды, бесправия. Надо пустить по ветру это обожравшееся властью правительство, которое заставляет нас работать день и ночь с пустыми животами на этих ненасытных кровопийц.

— Иван, ты всегда говоришь так злобно — сказал Миша. — От этих разговоров вы ничего не выигрываете, а только теряете.

Араз не смог удержаться и вмешался в разговор. Он решил и на этот раз дать резкий отпор младшему счетоводу, который всегда старался посеять среди рабочих примиренческие настроения.

— Ты ошибаешься, Миша. Недавно один из видных революционеров на рабочем собрании говорил, что спасение угнетенных — только в борьбе, и он привел слова Маркса о том, что в своей борьбе пролетариат потеряет только цепи, а приобретет весь мир. Я хорошо запомнил их. Но в твою голову, Миша, эти слова не войдут, потому что ты служишь Касум-беку за 25 рублей в месяц.

— Хозяева пьют не только нашу кровь, но и вашу, конторщиков и счетоводов, — поддержал Араза Грегор. — Только вы не хотите понять, что для того, чтобы изменить свою жизнь, пужно бороться.

— Конечно, вам по нраву речи таких предателей родины, как Иван, — проворчал под нос Миша. — Такие люди сбивают вас с толку.

Эти слова возмутили Араза.

— Миша! Не шипи под нос. Если хочешь что-нибудь сказать, то говори открыто, как подобает мужчине. Знаю, ты винишь Ваню в том, что он против царя и защищает такие маленькие народы, как наш. Но ты ошибаешься. Положение угнетенных во всей России одно и то же. Почему вы покинули родные места и прехали сюда? Кто вас погнал? Голод! Ты это понимаешь!

Ваня положил руку на плечо Араза.

— Ты прав, Араз. Этим хозяйским прихвостням не понять наше отношение к родине.

— Нельзя отнять у царя власть, — сказал Миша, немало подумав. — Что вы можете сделать с правительством, которое стоит, как гора?

— Это тебе так кажется, — ответил ему Ваня. — Вся его сила в тебе. Это ты придаешь ему силы.

— Ей-богу, вы сами не знаете, что говорите, — махнул рукой Миша и пошел дальше.

— Ты взгляни на него, — бросил ему вслед Араз. — Сам пожелтел от голода, а как наши разорившиеся беки, тоже хочет стать человеком. Хорошо говорится в пословице: «У Шахкули есть сад, но где айва там, где гранат?»

Ваня немного подумал и сказал:

— Среди нас еще немало рабочих, которые не верят в свои силы. Да, нам нужно много терпения, воли и стойкости, чтобы открыть им глаза, научить отличать друзей от врагов.

Через три дня после этого Араз и Ваня, сидя возле буровой во время перерыва, завтракали. К ним подошел Миша. Увидев его, Араз пригласил:

— Подходи, начальник.

— Я уже вышел в отставку, — ответил Миша, усаживаясь рядом с ними.

— Кажется, с доброй вестью пришел.

— Так точно, — подтвердил Миша. — Уйдя от вас, я долго думал о нашем споре. Не спал до самого утра. Я начал верить, что в ваших словах — большая правда.

— Значит, образумился.

— Да, хоть и поздно, но опомнился.

Миша немного поговорил с ними, закурил и ушел. Араз взглянул на Ваню и сказал:

— Наконец и его образумили.

— Араз, ты очень наивен. Им особенно доверять нельзя, — предупредил Ваня.

* * *

Миша зачастил к ним. Он ждал ответа на заявление о принятии его в социал-демократический кружок.

Однажды во время перерыва Миша опять пришел к буровой. Ваня и Араз встретили его радостно. Они по очереди пожали руку и поздравили: Миша был принят в социал-демократический кружок.

— Я словно заблудился ночью, а вы вывели меня из мрака. Спасибо.

Миша стал принимать деятельное участие в закры-

тых собраниях кружка, рабочих забастовках и демонстрациях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Вспыхнувшая в начале 1904 года русско-японская война все еще продолжалась.

Поражение царских войск на Ляодунском и Мукденском фронтах, взятие японцами Порт-Артура, который считался надежной крепостью Российской империи на Дальнем Востоке, особенно разгром у Цусимы русской эскадры, на которую царь возлагал большие надежды, посеяли в России уныние. Эта явно проигранная, несмотря на героизм русской армии, война обнаружила гнилость самодержавного строя.

Большевики были против русско-японской войны. Они резко критиковали меньшевиков, которые вели оборонительную политику, разъясняли массам, что эта война захватническая и ведется, чтобы подавить революционное движение в России.

В эти годы в Баку, как и в других городах России, ширились ряды большевистской партии. Одна за другой проводились грандиозные демонстрации и забастовки. Победа рабочих во время забастовки в декабре 1904 года воодушевила их на дальнейшую борьбу.

Бакинский комитет партии принял решение провести забастовку рабочих нефтяных промыслов.

На рассвете к озеру Шор по одному, по двое стали подходить рабочие. Усаживаясь группами неподалеку друг от друга, они тихо беседовали. Митинг начался в 7 часов. Организаторы митинга с радостью убедились, что рабочие-азербайджанцы составляют большинство.

Было прочитано по пунктам, обсуждено и принято решение Бакинской партийной организации о всеобщей забастовке. Участвующие митинга решили собраться на следующий день у горы Степана Разина и оттуда начать демонстрацию. Чтобы обмануть жандармов и полицию, было условлено, что на всех промыслах будут опять даны прерывистые гудки.

Полиция и конные казаки, узнавшие о готовящейся рабочей забастовке, рыскали повсюду, но не могли установить место сбора. Предполагая, что оно должно быть на том промысле, где был дан первый гудок, полиция и кон-

ные казаки бросились туда, окружили со всех сторон промысел, но безрезультатно.

В это время послышались тревожные гудки с другого промысла. В одно мгновение полицейские и казаки помчались туда и кольцом окружили промысел, но и на этот раз место сбора было не там.

Эти обманчивые гудки заставляли полицию и казаков метаться с одного промысла на другой. Место сбора стало известно только в час дня, когда рабочие с пением «Марсельезы» уже возвращались с озера Шор.

На следующий день рабочие собрались у горы Степана Разина. Там снова начался митинг.

Когда рабочие двинулись на демонстрацию, их окружили прибывшие казаки. Казацкие офицеры приказывали рабочим разойтись, но их никто не слушал. Казаки пытались силой разогнать толпу. Но рабочие стойко сопротивлялись, забрасывали казаков камнями. Казаки стали стрелять над головами демонстрантов и оттесняли их лошадьми.

Один казак схватил Ваню. Когда Ваня попытался вырваться, он так ударил его по плечу винтовкой, что тот ничком упал на землю. В это время Миша подбежал к нему и, взяв за плечи, стал поднимать с земли. Казак подскочил к ним и замахнулся, чтобы ударить Ваню еще раз. Это заметил Араз. Он тут же бросился и вцепился в винтовку казака и так дернул ее, что казак вылетел из седла. Араз отшвырнул винтовку и исчез в толпе рабочих.

В тот день некоторые из вожakov демонстрации были арестованы.

Через два дня у калитки Араза остановилась подвода. С нее соскочили три полицейских и вошли во двор. Араз спал под инжирным деревом. Его разбудили и объявили, что он арестован. Араз оделся и собрался идти с полицейскими, но Гюнеш остановила его:

— Я, хоть и женщина, но надавала бы всем троим. Куда ты идешь так послушно? — сказала она и с отчаянием взглянула на Араза.

Араз ничего не ответил и ушел, сопровождаемый полицейскими.

Подвода въехала во двор, просторный, как каравансарай. Полицейские и Араз сошли с подводы, пересекли

двор и через маленькую дверцу слева вошли в большую комнату.

В ней было несколько письменных столов, за которыми сидели полицейские чиновники. Сопровождавший Араза полицейский подошел к сидевшему за одним из столов дородному чиновнику и что-то спросил вполголоса, а потом открыл дверь с табличкой «Начальник» и вошел в нее.

Араз сразу догадался, что находится в полицейском управлении. Он прислушивался к допросу, который чинил сидевший за столом полицейский какому-то студенту. Студент отвечал сдержанно, отвергая предъявляемое обвинение. В это время отворилась дверь, в ней показался сопровождавший Араза высокий поджарый полицейский и сделал ему знак войти.

Начальник встретил Араза приветливо.

— Пожалуйста, садитесь, — вежливо предложил он. Араз сел на стул.

— Извините, что мы вас побеспокоили, я хочу кое о чем спросить у вас, — сказал начальник, ласково улыбаясь. — Надеюсь, вы не откажетесь ответить на мои вопросы...

Араз промолчал.

— Вы на каком промысле работаете? — спросил начальник.

— В Сабунчах, на промысле Касум-бека.

— Замечательно. Как вас зовут?

— Араз.

— Давно ли работаете на промысле?

— С пятнадцати лет.

Начальник поднялся и подошел к нему.

— Только вы можете помочь мне в этом деле, — произнес он вкрадчиво. — Скажите, знаете ли вы вожakov забастовки?

— Не знаю.

— А тех, кто выступал на митинге с речами?

— Там многие выступали, кое-кого я знаю в лицо, но не по именам.

— Ладно, может быть, вы скажете, кто выступал последним, когда к митингу подоспели казаки?

— Не помню. И потом, митинг тогда уже закончился, и все разошлись.

— А где были вы?

— Среди рабочих.

Начальник нахмурился.

— Что вы можете сказать о столкновении казаков с рабочими?

— Рабочие не думали драться. У них и оружия-то не было.

— Были ли раненые или убитые среди казаков и рабочих и знаете ли вы их?

— Я только вчера узнал, что один казак упал с лошади и убится.

— Кто сказал вам об этом?

— Казака хоронили, и все говорили об этом.

— Вы видели, как казак падал с лошади?

— Нет, не видел.

— А кто видел?

— Не знаю.

— Говорят, что вы видели.

— Нет, не видел, об этом я услышал только вчера.

Начальник насупился еще больше и позвонил. Вошел тот же высокий поджарый полицейский.

Начальник сделал рукою знак увести Араза.

Полицейский вывел Араза во двор, передал его двум другим полицейским, и те повели Араза к следователю.

Следователь впери в Араза острый пронизывающий взгляд и спросил:

— Ну, убийца, говори, зачем ты убил казака?

Араз невозмутимо молчал. Взбешенный спокойствием Араза, следователь закричал, брызгая слюной:

— Ты что, воды в рот набрал, все равно тебе придется отвечать на все мои вопросы.

— Меня никто не сможет заставить отвечать, — сказал Араз безразличным тоном.

Следователь весь побагровел и снова крикнул:

— Я заставлю тебя!

Араз продолжал молчать. Следователь застучал кулаком по столу, сыпля ругательствами и угрозами. Араз, протянув руку к чернильнице на столе, все так же спокойно сказал:

— Не дери глотку, а то разобью тебе голову этой чернильницей. Сам ты сволочь, сам ты свинья, сам ты сукин сын.

Следователь был поражен. Он растерянно сказал, пожимая плечами, как бы обращаясь к кому-то третьему:

— Да что он спятил, что ли, сдурел? Не знает разве порядка?

— Не трудитесь напрасно, отвечать я вам не буду! — решительно произнес Араз.

Следователь позвонил. В дверях показался один из сопровождавших Араза полицейских.

— Надо укротить этого зверя! — приказал следователь.

Араза повели в тюрьму. Войдя в ворота, он увидел того студента, которого допрашивали при нем. Арестованного стерегли два стражника. К юноше подошел начальник тюрьмы с листом бумаги в руках и приказал:

— Пойдем!

Юноша направился вслед за ним. Араз глядел на закованных в кандалы заключенных. Начальник тюрьмы что-то сказал стоявшему у двери надзирателю, и вошел к себе в кабинет. Надзиратель куда-то исчез и через несколько минут вернулся с изодранными грязными брюками и рубахой и бросил их у дверей.

Начальник тюрьмы вышел из кабинета и приказал Аразу:

— Раздевайся!

Араз разделся, оставшись только в нижнем белье.

Начальник ткнул носком сапога в принесенный надзирателем ворох тряпья и сказал:

— Надень вот это!

Араз двумя пальцами поднял рубаху и брюки, оглядел их и, брезгливо сплюнув, швырнул на землю. Потом повернулся к начальнику тюрьмы:

— Я не надену эту собачью попону!

Начальник измерил Араза взглядом с ног до головы.

— Наденешь, — крикнул он. — Ступай за мной!

Араз повиновался.

Начальник показал надзирателю на дверь одной из камер.

— Отопри!

Надзиратель открыл дверь камеры. Араз вошел в нее.

Начальник бросил в камеру лохмотья и сказал:

— Когда озябнешь как следует в этом погребе, этот наряд пригодится тебе.

Дверь камеры глухо захлопнулась. В камере было темнее, чем в осеннюю ночь и холоднее, чем в зимнее утро. Араз постарался ошупью узнать, что было в камере. Она оказалась просторной. Вероятно при постройке тюрьмы в этом помещении готовили смесь для кладки стен. На земляном полу еще торчали застывшие бугры глины. Араз нащупал также дрова, сложенные у стены с человеческий рост. Он вернулся к двери и задумался. Потом изо всех сил застучал в дверь. Но на стук никто не откликнулся. Тогда Араз застучал ногами. Дежурный заглянул в дверное окошко и проворчал:

— Эй, бунтарь, чего шумишь? Если будешь нахальничать, отвоедаешь дубину!

— Открой, я хочу что-то сказать!

Дежурный, ничего не ответив, закрыл окошко.

Часа через три дверное окошко снова открылось. Надзиратель швырнул в камеру что-то круглое, величиной с айву и сказал:

— Эй, разбойник, жри!

Араз был голоден и ошупью отыскал брошенный кусок. Он с трудом разломил его и стал грызть.

Потом прилег на земляной пол. Трудно ему было лежать на холодном бугристом полу. Араз поднялся и, отыскивая ногою более удобное место, наткнулся на брошенные в камеру лохмотья. Брюки он свернул и положил под голову, а рубаху расстелил на полу и прилег. Араз вспомнил слова начальника тюрьмы: «Они пригодятся тебе».

Он подумал о том, сколько мужественных людей погибло в этом темном, сыром каземате. Араз кое-как провел ночь, беспокойно ворочаясь с боку на бок. Когда он проснулся, утро уже настало. Он узнал об этом по слабому сероватому лучу, просачивающемуся сквозь щели.

Дежурный опять бросил кусок просяного хлеба:

— Убийца, бери!

Араз поднялся. Ночь, проведенная на холодном полу, лишила его сил. Он нащупал во мраке хлеб.

Этот черствый, как камень, хлеб не утолил его голод, и он стал нетерпеливо ждать, когда же снова бросят жалкую краюшку. В полдень дверное окошко отворилось, и дежурный бросил такой же, как накануне и утром кусок хлеба.

Богатырски сложенному Аразу труднее всего было переносить голод. Он не наедался теми полуфунтовыми кусками черствого просяного хлеба, которые получал три раза в день. Под вечер дежурный протянул в окошко что-то и сказал:

— На, возьми, это твой сосед прислал тебе!

Араз взял еду.

— Теперь я тебе буду приносить каждый день. Только смотри, чтобы никто не узнал, — прошептал дежурный и прикрыл окошко.

Угощение соседа состояло из ломтя хлеба и двух котлет. Кто мог прислать это? Араз почему-то вспомнил молодого арестанта с мужественным и благородным лицом, которого он видел в полицейском управлении, а потом в тюрьме, у дверей начальника.

Араз с жадностью съел принесенную еду и улегся спать. С того дня дежурный утром, в полдень и вечером прибавлял к тюремному пайку ломоть хлеба и пару котлет.

Однажды Араз спросил:

— Кто присылает мне эту еду?

— Молодой парень, что сидит рядом с тобой, — ответил дежурный сильным приглушенным голосом. — Знаешь, какой он хороший парень!.. У него и денег много. Жаль такого парня!

— За что арестовали его?

Тюремщик опасливо огляделся по сторонам и тихо произнес:

— Он убил председателя суда Шмалинского. Его дела плохи. Казни ему не миновать, — он еще раз посмотрел по сторонам и добавил, — я знаю, ты убил казака. Я сказал об этом парню.

— Нет, казака я не убивал.

— Если у тебя есть деньги, дай, куплю, что хочешь, — озираясь по сторонам, проговорил дежурный.

— У меня денег нет, я простой рабочий, — ответил Араз.

Надзиратель поморщился и захлопнул оконную дверь.

Уже десять дней Араз сидел в темном и холодном чулане, называемом камерой.

Однажды дверь камеры распахнулась и стоявший в дверях дежурный, улыбаясь, сказал:

— Эй, арестант, иди за мной!

Араз вышел в коридор. В глаза ударил яркий дневной свет. Араз протер глаза и пошел следом за дежурным. Его должен был допросить член Верховного суда Васильев. Араз вошел в кабинет в одном белье. Васильев окинул его недоуменным взглядом.

— Что это такое, почему раздет? Где его арестантская одежда?

Араз, указывая рукой на начальника тюрьмы Коха, сказал:

— Спросите у него!

Кох покраснел и, запинаясь, пробормотал:

— Господни Васильев, я дал ему одежду.

— Я прошу пойти посмотреть, какую одежду он мне дал, — проговорил Араз.

— Сегодня же переведите арестанта в полевой корпус и дайте ему приличную одежду, — поднявшись с места приказал начальнику тюрьмы Васильев.

После того, как Араз надел арестантскую одежду, Васильев вызвал его к себе и стал расспрашивать о демонстрации и об убийстве казака. Араз отказался отвечать на его вопросы. Васильев долго бился и, чтобы заставить Араза заговорить, наобещал ему множество всяческих благ. Но Араз не заговорил.

Его перевели в полевой корпус. Как только он вошел в железные ворота его окружили большевик Азад, Ваня, Грегор и Миша. Ваня обнял друга.

— Ну, как Араз? Что с тобой? А мы о тебе беспокоились.

Араз подробно рассказал обо всем, что с ним случилось.

— Подлецы, так продолжаться долго не будет, — гневно сказал Азад.

Услышав громкий голос Азада, старый тюремщик Андрей подошел к ним.

— Видать, он из ваших, — кивнул он головой на Араза. — Бедняге здорово досталось. В этом чулане трудно выжить больше трех дней, а он продержался все десять. Эх, в этом вашем корпусе какие только люди не побывали. А за что? За то, что хотели вытянуть бедняков на свет божий.

Старый Андрей еще что-то хотел сказать, но, заметив кого-то из чиновников, быстро подтянулся и отошел.

— Погляди-ка на старого черта, — сказал Ваня. — Он хочет вытянуть из нас что-нибудь. Все здесь от начальника до последнего тюремщика шпики. С ними надо держать ухо востро.

Среди друзей Араз чувствовал себя гораздо лучше. Они каждый день тайно получали вести о всеобщей забастовке и делах организации. Забастовки и демонстрации продолжались с прежней силой, рабочие требовали освобождения заключенных. Несколько раз рабочие даже брались за оружие и между ними и казаками происходили серьезные столкновения.

II

Начальник тюрьмы Кох часто вызывал Мишу к себе в кабинет и часами допрашивал его. Это внушало Азаду тревожные опасения. Однажды, когда Миша после часового допроса Коха вернулся в корпус, Азад спросил у него:

— Миша, что это Кох так пристал к тебе?

— Что нужно бешеной собаке от человека? — горько усмехнувшись, ответил Миша. — Он все хочет допытаться, кто состоит в нашей организации.

— А что ты ответил?

— Я ответил, что не состою в организации и не знаю ни ее членов, ни руководителей.

Азад промолчал.

Через два дня Кох снова вызвал Мишу. В этот день товарищи долго ждали Мишу, но тот не вернулся. Не вернулся и через три дня. Это всех очень огорчило. Куда его дели — этот вопрос не давал никому покоя. Больше всех беспокоился Азад.

Была ночь. Арестанты лежали на твердых, как камень, постелях.

Азад не мог подавить в себе тревогу и раздражение. Он никак не мог заснуть, поминутно переворачиваясь с боку на бок. Вокруг раздавался дружный храп. Лица спящих едва освещал тусклый желтоватый свет электрической лампочки, свисавшей с потолка.

Наконец, Азад вскочил с постели. Бесшумно расхаживая между спящими, он разглядывал лица товарищей. Их мерное дыхание словно успокоило его.

Утром Азад проснулся позже, чем всегда. Поднявшись на постели, он увидел Мишу, который рассказывал окружающим его товарищам обо всем, что с ним стряслось в эти дни.

— Миша, как же это тебя освободили? — спросил Азад.

Сочли бесполезным дальше возиться со мной, — пожав ему руку, ответил Миша. — Что только со мной не творили! Но им не удалось вырвать ни слова. Вчера, после последнего допроса, Кох безнадежно махнул рукой и сказал своим: «Завтра часть из них придется освободить. Чего они понапрасну жрут казенный хлеб?»

Азад пристально смотрел на Мишу. Лицо у того пожелтело, под глазами темнели синие круги.

Миша повернулся к Азаду и, потягиваясь, сказал:

— Вчера всю ночь не спал... продрог пазгвозь. Сейчас все тело ломит...

Не успел Миша договорить, как открылась дверь. Вошел помощник Коха. Он прочел список из семи фамилий и сказал:

— Поднимайтесь, собирайте вещи, вы свободны.

В этом списке фамилии Араза не было. Арестанты, уходя, попрощались с ним. Он долго и сердечно прощался со своими старыми друзьями Ваней и Мишей. Пожимая ему руку, Азад сказал:

— Не бойся, Араз, мы добьемся, чтобы тебя освободили.

Араз был очень рад освобождению товарищей и думал о том, когда же и он выйдет из тюрьмы.

Через месяц его повели в суд. Ни один из привлеченных прежде свидетелей не явился. Дело Араза пришлось отложить. Свидетели не явились и во второй раз. Наконец, в третий раз Араз был освобожден за недоказанностью предъявленного ему обвинения в убийстве казака.

Предвкушая вольный ветер свободы, Араз попрощался с оставшимися в тюрьме, переделался и пошел прямо в селение.

В эти дни революционные волнения испугали царских чиновников. Они вынуждены были пойти на временные уступки и освободить арестованных рабочих.

Аразу было уже известно многое. Сейчас он хотел убедиться во всем слышанном собственными глазами, поздравить товарищей с успехом.

III

Миша не так рьяно, как прежде, выполнял свои служебные обязанности. Он часто опаздывал на работу, а иной раз и вовсе не появлялся на промысле. Поэтому ему приходилось выслушивать выговоры, а большая часть его жалования уходила на штрафы. Но он не унывал.

Наконец, его уволили. Он остался без работы и в поисках места бродил по промыслам, часто встречался с членами организации, иногда ездил в город.

Поведение Миши, особенно частые его отлучки из камеры, вызвали в Азаде подозрение. Он не мог верить Мише до конца, но и назвать его шпином тоже не решался. Чтобы покончить со своими колебаниями, Азад поручил Ване, самому испытанному и верному члену организации, проследить за Мишей и выяснить, шпион он или нет.

Ваня взялся за дело всерьез. Несколько дней он искусно следил за Мишей. Однажды Ваня шел за ним до Сабунчинской станции. Поезд вот-вот должен был тронуться. Перрон был заполнен людьми. Миша быстро вскочил в передний вагон. Работая локтями, Ваня протиснулся сквозь толпу и вскочил на подножку второго вагона. «Зачем ему понадобилось ехать в город?» — недоумевал Ваня.

Поезд подходил к городу. Ваня в раздумье стоял у передней двери вагона. Не успел поезд остановиться, как он спрыгнул на перрон. Притаившись в укромном уголке, он стал ждать, когда появится Миша.

Пассажиры, вышедшие из переднего вагона, торопливо расходились. Ваня внимательно следил за всеми, кто выходил из вагона. Миша не показывался. Толпа пассажиров поредела.

Миша вышел из вагона последним. Опасливо озираясь по сторонам, он тщетно старался напустить на себя вид праздничношатающегося.

Это еще больше усилило подозрения Вани. Он осто-

рожно пошел следом за Мишей. Тот, быстро шагая, остановился у высокого дома на широкой улице и, не оглядываясь, вошел во двор через железные ворота.

Ваня осмотрел двери, стены, заглянул через железные ворота во двор, но узнать, что это было за здание, не мог. Он в раздумье прислонился к стене, а потом направился через улицу к часовой мастерской.

Старый еврей-часовщик склонился над разобранными часами. Ваня вошел в мастерскую и поздоровался. Старик поднял голову, ответил ему и снова углубился в работу. У левой стены маленькой комнаты стояло два стула.

— Отец, можно у вас тут немного передохнуть? — спросил Ваня.

Старик с удивлением взглянул на незнакомца, которому почему-то захотелось передохнуть у него в мастерской. Его лицо тревожно вытянулось.

Заметив это, Ваня мягко сказал:

— Не бойся, отец, я простой рабочий, вреда от меня не будет, — и, не дождавшись ответа, уселся на стул.

Старик промолчал и продолжал работать, искоса бросая на незнакомца подозрительные взгляды. Ваня не сводил глаз с железных ворот. Старик был очень встревожен. То, что Ваня следил за воротами противоположного дома, еще больше усилило опасения часовщика.

Наконец, он не выдержал и, подняв очки на лоб, раздраженно спросил:

— Что вы так долго присматриваетесь к этому зданию?

— Друг мой зашел туда, и я его жду. Ты меня, отец, не бойся.

— Кто же это ваш друг? — спросил часовщик, продолжая работать.

— Он такой же рабочий, как и я.

Старик поднял голову, усмехнулся и спросил:

— Какое может быть дело у рабочего в этом здании? Слова старика заинтересовали Ваню.

— Что это за дом? — нетерпеливо спросил Ваня.

— Ты не знаешь, что это за дом? — не поднимая головы, сказал часовщик. — А зачем тогда твой друг пошел туда?

Ваня пожал плечами и ничего не ответил.

Старик еще раз окинул Ваню испытующим взглядом и, не проронив больше ни слова, занялся своим делом. Ваня с трудом подавлял волнение, отчетливо слыша биение собственного сердца.

Только мерное тикание множества разных часов нарушало тишину мастерской. Каждое мгновение казалось Ване бесконечно долгим. Ему не терпелось как можно скорее разрешить все сомнения.

Ваня старался придумать, как бы разузнать у старика, что это за дом напротив его мастерской. Наконец, он подвинул свой стул поближе к часовщику.

— Даю вам слово, я честный человек и ничего плохого вам не сделаю. Я хочу узнать только одно и, если ответите, буду вам очень благодарен. Что это за дом? Вы не бойтесь, я не проболтаюсь.

Старик внимательно слушал Ваню. Когда Ваня кончил говорить, снова настала тишина. Старик, по-видимому, колебался. Ваня напряженно ждал. Наконец, старик шепотом произнес:

— Ты должен знать, что твой друг приходит сюда не по доброму делу. Вошедшие в эти ворота выходят в другие уже переодетыми. Теперь ты понял, что это за дом?

— Понял... понял, — ответил Ваня с благодарностью.

Старик отложил пицет в сторону и хотел сказать еще что-то, но Ваня быстро поднялся и пошел к двери.

— Вон он, вышел! — сказал Ваня и, не попрощавшись со стариком, выбежал на улицу.

Ваня шел за Мишей до тех пор, пока тот не скрылся в дверях главного жандармского управления.

Ваня остановился — задача была решена. В это время к нему подошел высокий плотный мужчина и спросил:

— Простите, вы не Ваня?

Ваня удивленно взглянул на незнакомца и тихо ответил:

— Да, я Ваня.

Незнакомец крепко сжал Ванину руку.

— Не узнаешь меня? Быстро же ты забыл детство в селе Мавлсевке! — сказал он и с дружелюбной веселостью заглянул в глаза Вани.

Усилие памяти помогло ему.

— Вася, Вася! Это ты? — он обнял его. Они крепко расцеловались.

— Когда же ты приехал в Баку? — спросил Ваня и, не дожидаясь ответа, взял друга под руку. — Пойдем,

посидим где-нибудь в чайной и досыта наговоримся.

Земляки долго вспоминали детские годы. Они захмелели от выпитого и от нахлынувших воспоминаний. Одно воспоминание тянуло за собой другое. Ваня в последний раз наполнил рюмки.

— Давай выпьем за наше будущее счастье, — предложил он, опрокинув рюмку, вытер усы и добавил: — Вася, мы обо всем поговорили. А вот, где ты служишь, я и не спросил.

Вася многозначительно усмехнулся:

— Лучше и не спрашивай. А ты где работаешь?

— Я на промысле, на буровой...

— Да... знаю... Работа эта тяжелая. Как приехал сюда, так в первые дни тоже там работал. Знаю, даже рубля в день не платят. А потом обстоятельства вынудили меня пойти на службу в жандармское управление.

Ваня изумленно посмотрел на друга:

— На какую должность?

Множество тостов, воспоминания далеких детских лет так растрогали Васю, что он и сам не заметил, как проболтался и сказал о том, что должен был хранить в строжайшей тайне, но он особенно не жалел об этом: во-первых, Ваня был простым рабочим и нет ничего страшного, если какой-то рабочий, да еще друг его детства, будет знать, где он служит. Во-вторых, Васе и так была не по душе служба в жандармском управлении, и он хотел как-нибудь избавиться от нее. Поэтому Вася был откровенен с другом детства и вовсе не утаивал все, что он знал. На вопрос Вани, какую он должность занимает, Вася не колеблясь ответил:

— Фотографа. Я снимаю тех, чья фамилия попадает в наши списки. — Поднявшись со стула, он взял Ваню под руку и предложил:

— Здесь не место для таких разговоров. Пойдем к нам. Сфотографирую тебя и с Ниной встретишься.

Вася рассчитался с официантом и вышел на улицу вслед за Ваней. По дороге Ваня спросил:

— А кто такая Нина?

— Моя жена. Ну, ты и ее не признаешь. Дочь вашего соседа Павла...

— Что ты говоришь? Так ты на ней женился? А Павел нам сродни. Он двоюродный брат моего отца. Идем, идем, — ускорил шаги Ваня.

Они пришли к Васе. По дороге Ваня думал: «Он может нам пригодиться». Как только они вошли в переднюю, Вася громко позвал жену:

— Нина, Нина! Иди посмотри, какого я гостя привел!

Нина встретила их приветливо. Сперва она не узнала Ваню. Уставившись на него большими глубокими глазами, она силилась вспомнить. Вася не удержался и под-сказал. Нина, смеясь, взяла Ваню за руку и потянула в комнату. Она стала расспрашивать о Мавлеевке, о своих родителях, о родственниках, о соседях. Потом обратилась к Васе:

— Ты займи Ваню, а я сейчас вернусь, — и вышла.

Ваню интересовали фотоснимки. Повернувшись к Васе, он сказал:

— Один мой друг не так давно поступил к вам на службу.

— Кто он и откуда ты знаешь, что он поступил к нам?

— Он сам мне рассказал.

Вася нахмурился. Помолчав, он снова спросил:

— Как его зовут?

— Миша.

— Миша? Такой худой белобрысый, конопатый? Знаю, — улыбнулся Вася и добавил: — У нас его Семенов зовут. Сегодня он был у нас. До чего же он любит переодеваться! Я его снимал в разных костюмах, — сказал Вася и прошел в смежную комнату. Вскоре он вернулся, неся фотокарточки. Разложив на столе несколько снимков, Вася спросил:

— Посмотри, узнаешь?

Ваня внимательно взглянул на фотографии и, скрывая внутреннее волнение, усмехнулся:

— Он самый. Вот дьявол, вырядился, как граф.

Вася бросил на стол фотографию Миши в обычной рабочей одежде.

— Взгляни-ка, это же разные люди.

Ваня взял в руки этот снимок. В это время Нина позвала мужа:

— Вася, Вася!

Вася вышел в коридор. Ваня поспешно выбрал один снимок, на котором Мишу легко было узнать, и спрятал в карман. Вася вернулся и предложил:

— Вставай, пока Нина приготовит нам покушать, я тебя сфотографирую, — и взял Ваню под руку, чтобы отвести в свою комнату, но Ваня уклонился от этого гос-

тепримного предложения. После настоятельных просьб друга Ваня пообещал зайти в другой раз.

Собирая со стола фотографии, Вася заметил:

— Говорят, он способный проныра. Он вроде должен раскрыть большие дела.

Ваня с трудом мог скрыть охватившее его беспокойство.

— Знаю, — выдавил из себя Ваня. — Он на все руки мастер.

Выполнив поручение, узнав все, что ему было нужно, Ваня торопился уйти и искал подходящий предлог.

В комнату вошла Нина. Ваня подошел к ней и, пожимая ей руку, сказал:

— Я должен идти.

— Куда это идти? Я готовлю обед, оставайся, посидим вместе, — попросила Нина. Ваня ответил, что не может больше оставаться из-за неотложных дел. Дружески попрощавшись с хозяйками, он ушел.

Когда он спускался по лестнице, Вася крикнул ему вслед:

— Приходи денька через два-три. Будем ждать, обязательно приходи.

IV

Араз был на работе на следующий же день после выхода из тюрьмы. Подрядчик, старый Ахмед, встретил его очень холодно, но Араз не заметил этого. После работы он зашел в контору и потребовал выплатить ему три рубля семьдесят пять копеек, недополученные еще до ареста. Ему выдали их.

В тот день на промысла пришел Аслан-бек. Увидев Араза, он сказал с презрительной усмешкой:

— Что ты лезешь, куда тебя не просят? Слушай, чтобы очиститься от грехов, люди едут в Кербалу, Хорасан, а ты в тюрьму отправился... Пах, пах, пах!

Араз нахмурился.

— Посмотрите на него: булыжник камень оплакивать собирается. Знаю, не из-за меня у тебя кошки на сердце скребут. За себя боишься.

Аслан-бек не ждал такого ответа от Араза. Эти слова уязвили его самолюбие, но он подавил вспышку гнева.

— Конечно, в голове у тебя ветер. Тебя сбили с пути. Так ты всегда будешь голодным.

— Если даже буду умирать с голода, и то не пойду просить работу у таких подлецов, как ты, — гневно ответил Араз.

Аслан-бек промолчал. Рассерженный Араз пошел дальше и по дороге встретил Мишу.

— Ой... Араз, Араз! Где ты? Я уже устал искать тебя, — сказал Миша, подошел к Аразу и крепко обнял его. Они уселись неподалеку, на холмике. Миша окинул Араза, которого давно не видел, внимательно, ласковым взглядом и сказал:

— Да ты совсем не изменился. Как всегда крепче стали.

— Где ты работаешь сейчас? — спросил Араз.

— Нигде, — усмехнулся Миша. — Меня прогнали. Сколько уж дней хожу без работы.

— Почему? — удивился Араз. — Они обязаны принять на работу всех уволенных раньше рабочих.

— Сперва приняли, — перебил его Миша, — а потом опять придумали предлог и уволили.

— Как же ты живешь?

— Так, кое-как перебиваюсь. Что делать?! — эти слова Миша произнес с такой горечью, что Араз достал из кармана полученные только что деньги и сказал:

— Сегодня получил три рубля семьдесят пять копеек: Возьми рубль себе, а остальное — моей семье. Не бойся, крепись! С голоду не померем!

Миша пытался отказаться и только после долгих уговоров Араза взял полтинник. Потом он попросил:

— Араз, я прихварываю да еще к тому же у меня есть одно дельце. Ты встретишься сегодня с нашими, а потом расскажешь мне, какие приняты решения, какие даны задания.

Они распрощались. Араз был рад, что встретился с Мишей и смог помочь ему. И он отправился домой.

Когда он приближался к дому, из-под миндального дерева поднялся какой-то человек.

Араз взгляделся и в сумерках не сразу узнал Ваню.

— Это ты? — обрадовался он, а Ваня поспешно потянул Араза за собой к миндальному дереву. После короткого молчания он пристально взглянул на Араза и спросил:

— Вы с Мишей, кажется беседовали по душам. А что он тебе говорил?

— Да так, ничего особенного, — ответил Араз. — Говорили о том, о сем.

— Ты можешь передать мне все, что он тебе говорил?

Араз подробно сообщил о своей беседе с Мишей и о его просьбе.

— Ты знаешь, кто такой Миша? — спросил Ваня со странной улыбкой.

— Ты же знаешь его лучше, чем я, — удивленно ответил Араз.

Ваня положил руку на плечо Аразу и сказал:

— Он предатель, шпик жандармского управления, — и, немного помолчав, добавил: — Будь осторожен.

— Как? Миша — шпик жандармского управления? Я не могу поверить этому.

— Тише, не кричи, — одернул Араза Ваня. — Хотя ты и не веришь, но для нас это уже доказано. Миша — шпик. Если ты сомневаешься, могу убедить и тебя.

— Как убедить?

— Сейчас не так уж трудно доказать это. Он тебе сказал, что немного хворает, да и дела у него какие-то. Во-первых, он здоровее тебя и меня, а что у него есть неотложные дела, — так это правда. Завтра он должен пойти в жандармское управление. Если хочешь, пойдем вместе, увидишь своими глазами.

Араз опустил голову и ковырял песок носком сапога.

— Ну, хочешь пойти?

Араз, нахмурив свои черные брови, ответил:

— Не нужно проверять доказанное.

— Его мы рекомендовали в партию. Теперь вся ответственность за это лежит на нас.

Чтобы окончательно убедить Араза в этом, Ваня рассказал все, что узнал о Мише, а потом показал и взятую у Вани фотокарточку.

— Вот посмотри. Этот фотоснимок из жандармского управления.

Араза зажег спичку, взглянул на снимок и сказал:

— Все ясно.

Ваня внезапно схватил Араза за руку.

— Хорошо, что я вспомнил, нам нужен свой человек, умеющий грести. На днях мы должны провести важное собрание в море. Вместе с другими вопросами мы решим, как быть с Мишей. А более надежного места, чем море, нет.

— Гребцом могу быть и я, — усмехнулся Араз.
— Так ты умеешь грести? — обрадовался Ваня.
— Умею, да и неплохо.

— Мы договорились с одним моряком. Он нам даст лодку на час-два.

Они еще долго беседовали и только потом расстались.

Араз пришел домой. Предательство Миши сильно взволновало его и вызвало чувство острой ненависти. Он шагал задумчиво, опустив голову, и выпрямился и улыбнулся только тогда, когда вошел в комнату. Он старался всегда держаться так: не давать чувствовать семье тех печальных забот, горестных раздумий, которые его тяготили.

И теперь он весело улыбнулся Гюнеш и Поладу. Сын очень напоминал ему его самого.

V

Была прохладная, звездная ночь. На Черногородской пристани кипела работа. Грузили подходившие один за другим суда.

В лодке, поодаль от берега, лодочник делал вид, будто чинит лодку. Порой он поглядывал на берег своими ястребиными глазами.

Вскоре он стал быстро грести к берегу. На берегу ждало одиннадцать человек. Они прыгнули в лодку, лодка поплыла и быстро исчезла в ночной тьме.

Один из сидевших в лодке, глядя на Араза, сказал густым басом:

— Молодец, Араз, оказывается, ты мастер грести.

Араз молчал, устремив взгляд в даль ночного моря.

— Араз, о чем ты задумался? — спросил Ваня.

— Вон там, под водой, древний город. Он хорошо виден, когда море спокойно и небо ясно. Говорят, этот город назывался «Сэба» по имени возлюбленной падишаха Сулеймана. Она жила в этом городе. Об этом и теперь рассказывают в народе. Я услышал эту легенду еще от дедушки совсем маленьким...

Ваня предложил поднять весла и начать собрание. Все согласилось с ним, и он сказал:

— Товарищ Азад расскажет нам о сегодняшнем положении и о наших ближайших задачах.

— Товарищи, — начал Азад, — русско-японская война близится к концу, и поражение России очевидно. Царское правительство надеялось, что эта война ослабит революционное движение внутри страны. Но надежды эти не сбылись. Крупные рабочие забастовки состоялись в Петербурге и в других больших городах, декабрьская забастовка в Баку закончилась победой рабочих. Видя ослабление царизма, буржуазия готовит конституцию, чтобы получить себе еще большую свободу и независимость. Это требование буржуазии поддерживают меньшевики и ведут агитацию среди рабочих и крестьян. Но путь наш ясен. Мы должны раскрыть сущность конституции, которую готовит буржуазия, и разоблачить предательскую ложь меньшевиков. Они всюду терпят поражение. По инициативе комитета и под его руководством среди рабочих ведется широкая пропаганда. Пока наша партия не сплотит вокруг себя рабочих и крестьян, свергнуть царизм будет невозможно. В ближайшее время мы должны начать длительные забастовки. По сведениям Бакинского комитета, правительство готовится подавить революционное движение. Оно намерено разжечь национальную вражду между двумя братскими народами: армянами и азербайджанцами.

После Азада о том же говорили и другие.

О предательстве Миши сообщил Ваня. Он подробно рассказал о том, что видел собственными глазами. Присутствующие с изумлением и гневом выслушали Ваню. При свете небольшого фонаря Ваня показал собранному фотографу переодетого Миши.

— Товарищи, — как всегда спокойно заговорил Азад, — история с Мишей ясно свидетельствует о том, что царская охранка использует людей и из нашей среды, чтобы ослабить нас, внести раздор и сумятицу. Надо быть зоркими, сплотиться еще теснее. Что касается Миши, то его не надо отпугивать. Через него мы можем узнавать заранее о том, что нам тайно готовит жандармерия, передавать охранке неверные сведения о нашей работе. Чтобы он не смог проникнуть в другие места, мы уже сообщили нашим на всех здешних промыслах. Он пока нам не опасен. Мы сами установим день его разоблачения.

И все нашли решения Азада правильным.

I

Было воскресенье. Араз вышел из дому и зашагал к рабочему поселку — повидаться с товарищами. По дороге кто-то окликнул его. Араз подошел и узнал односельчанина Асада. Он поздоровался с ним и пригласил к себе. Асад отказался.

— Нет, дома делать нечего, присядем и поговорим здесь. — Они присели на песчаном бугорке.

— Что нового в селе? — спросил Араз. — Давно ничего не слышал.

— Знаю, ты очень занят, Правда, прежде за твоей спиной злословили, да и я к тому же. «Взгляни на него, — говорили, — сын Балакиши стал большевиком. Лучше ничего придумать не мог». А теперь крестьяне думают по-другому. Они говорят, что с этим Николаем только рабочие могут справиться. Расскажи, как у вас дела.

— Неплохо, — ответил Араз.

— Ты слышала новость? — спросил Асад.

— Какую?

— Говорят, армяне готовят резню. Ты слышал что-нибудь?

Араз ответил вопросом на вопрос:

— Кто сказал тебе?

— Все селение только об этом и толкует.

— Кто же распространяет эти слухи?

Асад сперва замялся, а потом сказал:

— Если не выдашь, сознаюсь. Я обещал тому человеку не разболтать.

— Не бойся, говори, кто это?

— Тот самый Семен, что работает вместе с вами.

— Не верь всякому встречному, — ответил Араз. — Знаешь ты, кто такой Семен?

— Ближе его не знаю. Но вот уже неделю он навязывает мне свою дружбу.

— Он — шпик. И зовут его не Семеном, а Мишей. Семен — это кличка. Видишь, Николаю плохо приходится на фронте, а тут рабочие и крестьяне поднимают головы. Правительство решилось на провокацию. Те же слова нашептывают и армянам: «Вас хотят истребить, а вы спите!» И среди армян находятся такие молодцы, как ты, им бы только пакости разносить. Понял? Ступай и объ-

ясни сельчанам. Утихомирь их. А насчет Семена — ни слова, мы сами его накроем. Об этом никому не говори. Они разошлись, и Асад заторопился в селение.

II

Рабочие разговаривали, усевшись прямо на мелком песке. К ним подошел Грегор, отирая пот со лба. Он, видно, очень устал.

— Откуда ты, Грегор? — спросил его.

Грегор снял фуражку и тыльной стороной руки продолжал отирать обильно выступивший пот.

— Из города, — ответил он. — Лучше бы и не ездил. Дашнаки убили кочи Агарзу. Это пахнет плохо.

Грегор присел рядом и стал рассказывать, что ему привелось увидеть в городе.

— Дайте расскажу вам все по порядку. Говорят, как будто кочи Агарза повздорил с одним армянином и сгоряча убил его. А тот армянин был одним из главарей дашнаков. Дашнаки дали слово во что бы то ни стало убить Агарзу. И вот сегодня дашнаки, выходя из церкви, увидели проходившего мимо Агарзу. Они тут же набросились и прикончили его.

— Ты сам видел тех, кто убивал? — с тревогой спросил Араз.

— Я сидел на Парапете и разговаривал с одним из моих друзей — армян. Вдруг началась перестрелка. И все смешалось, перепуганные люди бежали куда глаза глядят. А стрельба не утихала. Никто не мог толком понять, что случилось. Вижу, толпа повалила к армянской церкви, подошел и я. Стоявшие у паперти дашнаки подходили к распростертому у фаятона труп и выпускали в него обойму за обоймой, а потом, как ни в чем не бывало, уходили прочь. Труп был весь изрешечен. Я спросил, кого это убили? «Это кочи Агарза», — ответили мне. Зная, что это может плохо кончиться, я постарался разузнать все подробнее. Говорят, братья раздели труп донага, положили его на тележку и, развозя по улицам, кричали: «Мусульмане, вот как армяне расправились с нашим братом».

— А где была полиция?

— А полицейские только усы закручивали. Эта провокация — дело рук правительства. К добру она не

приведет. Там жандармы, а тут наши буржуи и кочи раздуют это дело. И вот сколько может погибнуть людей.

До самого позднего вечера Араз говорил товарищам о том, что его так угнетало. Он долго ждал Ваню, но тот не пришел. Араз вернулся домой усталый и опечаленный.

Гюнеш ласково упрекнула его за позднее возвращение.

— Ты в мои дела не мешайся, — ответил Араз. —

Мужчина должен быть всегда готов к беде.

Поужинав, Араз сразу же лег спать.

Была полночь. Араз, всегда спавший чутко, услышал, тихие шаги во дворе. Он вскочил с постели, подошел к окну и прислушался. Кто-то тихо произнес в ночной тьме:

— В такой поздний час его не добудишься.

— Что ж делать, — ответил другой пришедший. —

Придется разбудить.

— Кто там? — громко спросил Араз.

— Араз, ты не спишь? Выходи скорей.

Араз узнал голос Вани и поспешно вышел во двор. Его ждали Ваня и Грегор.

— Скорей, Араз, — сказал Грегор, — надо обезоружить дашнаков. Подводу мы остановили на улице.

Араз забежал домой и, вернувшись с винтовкой в руках, коротко бросил:

— Идем.

Тут же к калитке подошла Гюнеш, неся ящик с патронами. Араз, Ваня и Грегор наполнили карманы патронами и ушли. Гюнеш застыла на месте. Потом она взяла ящик из-под патронов и закопала его у забора.

Дело было так. Миша поехал на подводе, груженной оружием, в селение Кишлы и там сдал подводу дашнакам. Когда дашнаки свернули в сторону Сабунчей, то рабочие, стоявшие настороже, бросились на них. Между дашнаками и рабочими завязалась перестрелка. Дашнаки побежали за подкреплением.

Рабочие требовали у возницы повернуть к Бюль-Бюли. Но тут их настигло человек десять вооруженных дашнаков. Рабочие легли на землю и для острастки выпустили несколько холостых пуль.

Противники не могли разглядеть друг друга и стреляли вслепую. В это время с тыла дашнаков подошел Араз с группой вооруженных рабочих.

С противоположной стороны послышался голос:

— Погос, беги, зови на помощь!

Грегор сказал Аразу:

— Это дашнаки.

Рабочие легли на землю и разом выстрелили в воздух. Услышав стрельбу с тыла, дашнаки растерялись. Араз предупредил их:

— Если не уйдете, будем стрелять. Даем третий сигнал, если не уйдете, перестреляем.

Дашнаки бросились бежать. Араз подошел к подводе с оружием и крикнул:

— Товарищи, подвода наша, враги разбежались.

Рабочие остановили подводу у селения Бюль-Бюли и разгрузили, а подводу отпустили. Возница даже не обернувшись, помчался вскачь. Посовещавшись, рабочие решили закопать оружие в надежном месте, у сабунчинских холмов.

Когда Араз вернулся домой, уже брезжил рассвет. Гюнеш встретила его на песчаном холме у двора.

Увидев ее, Араз сказал с лаской и укоризной:

— Сумасшедшая, ты еще не ложишься?

— Иди, иди, ложись скорее спать, я тебя сегодня не пущу на работу, — ворчала Гюнеш. — Днем двенадцать часов работает, а ночью перестреливается, того и гляди убьют.

Араз молча разделся и лег, но заснуть не мог. Он встал и начал расхаживать по комнате. Как ни отговаривала его Гюнеш не выходить на работу, Араз настоял на своем:

— Гюнеш-джан, если я не пойду на промысел, то это вызовет подозрение, — сказал Араз и поспешно вышел.

* * *

В десять часов рабочие закусывали, рассеившись возле буровой. Среди них был и Араз. К ним подошел запыхавшийся, взволнованный Азад и сказал:

— Говорят, в городе дела плохи. Палачи распоясались. Вы готовы? Оружие у вас?

— Товарищ Азад, как вы поручили, мы подготовили три отряда, — ответил Араз. — В каждом отряде по двадцать пять человек. Я послал людей за винтовками, сейчас принесут.

Проходивший мимо крестьянин сказал:

— В городе черт знает что творится. От стрельбы оглохнуть можно.

— Брат, от кого ты это слышал? — спросил один из рабочих.

Крестьянин помотал головой и ответил:

— Как от кого? Сам слышал. Только что вернулся с вокзала. На вокзале не протиснешься.

Не успел он досказать свои слова, как в воздухе просвистела пуля. Крестьянин бросился между буровых.

Рабочие повскакивали с мест.

— Этот выстрел, — сказал Азад, — сделан, чтобы вызвать беспорядки. Давайте прислушаемся и определим, откуда стреляют.

В это время с разных сторон прогремело несколько выстрелов. Все тревожно переглянулись. У самых ног Азада ударилась в песок пуля. Азад вздрогнул и отошел. А потом, горько усмехнувшись, сказал Аразу и Ване:

— Это пули вашего друга Миши.

В воздухе просвистело еще несколько пуль. На этот раз они были нацелены на промысла миллионера Манташева. Работа прекратилась. Подошедший рабочий сообщил, что оружие принесено.

— Я ухожу, — сказал Азад Аразу. — Ты назначь водителей отрядов и поддерживай с ними связь. Я пришлю вам еще двадцать винтовок.

Азад ушел. Араз назначил водителей отрядов, сказал, что им нужно делать и раздал оружие. Оборонные отряды разошлись по селению защищать беззащитных людей.

Стрельба все усиливалась. Трудно было приостановить это спровоцированное столкновение.

Вооруженные отряды рабочих в первый день не справились с полученными заданиями. Они только уводили беззащитных людей в безопасные места, спасая их от пеленых пуль. К полуночи отряды захватили удачные позиции.

Армянская и местная мусульманская буржуазия, пользуясь моментом, всячески разжигала вражду, а царские чиновники равнодушно взирали со стороны.

Только через неделю правительство решило вмешаться. Конные казаки стали разгонять засевших в окопах армян и мусульман. Казаки под видом установления мира и спокойствия тоже немало перебили людей.

Азербайджанцы и армяне, испокон веков жившие на одной земле, как братья, делившие куском хлеба, целовались, плакали, посылая проклятия тем, кто затеял эту резню.

В городе сгорело несколько домов. Сотни людей легли

бессмысленными жертвами. За что? Для кого? Для зарвавшегося царизма, для обогачения диких дашнаков и мусульманской буржуазии?

III

Жандармерия знала, что подпольная большевистская организация готовит забастовки и демонстрации, и тоже предпринимала свои меры.

Поэтому решили столкнуть азербайджанцев и армян, чтобы вражда между ними отвлекла их от революционного движения.

Бакинский губернатор Накашидзе вдалбливал эти истины в головы мусаватистов и дашнаков. Убийство кочи Агарзы было уже провокацией.

В ту же ночь губернатор встретился с главарями той и другой стороны и снабдил их оружием.

Большевики распространяли среди населения прокламации, разоблачающие подлюю политику правительства. В ответ вспыхнули забастовки и демонстрации.

Одна из демонстраций произошла на промысле, где работал Араз. Рано утром Араз пошел к рабочему поселку, чтобы принять участие в демонстрации. Ваня разговаривал с двумя товарищами. Араз подошел к ним. Те были чем-то озабочены.

— Что случилось? — не удержался от вопроса Араз.

— Ночью забрали Азада, — ответил Ваня и все рассказал Аразу: — Вчера ночью на квартире у Азада было важное партийное собрание, на нем присутствовали товарищи из Бакинского комитета. Агенты окружили дом. Всем удалось убежать через окно на соседнюю крышу. Хорошо, что никто из них не попался. Когда товарищ Азад открыл дверь, его спросили: «А где остальные?» Азад ничего не ответил. После тщательного обыска в доме и во дворе они увели Азада.

— А как же решение собрания? Может быть...

— Нет, уходя, товарищи захватили с собою все важные бумаги, — ответил Ваня, — хорошо хоть так, а не иначе. Но среди нас есть предатели, они-то и доносят, куда следует. Жандармерия знала даже о собрании, которое мы провели в море. Агенты ждали нас у Черногородской пристани, а мы высадились на Каменной. Только это и спасло от ареста. Наверно, таких, как Миша, среди нас немало хлопочет. Нужно как можно скорее расквитаться с этими предателями.

Помолчав, Ваня добавил:

— Правда, мы даем Мише неправильные сведения, но к этим делам и он причастен.

При имени Миши глаза у Араза сверкнули:

— Мне кажется, уже настало время разоблачить этого негодяя. Надо сорвать с него маску и показать всем его настоящее лицо.

— Ты прав, Араз, — ответил Ваня. — Сегодня перед демонстрацией мы сделаем это.

К ним подошел юноша.

— Кто здесь Ваня? — спросил он.

— Я! — ответил Ваня.

Юноша отвел Ваню в сторону, передал ему какое-то письмо и сказал:

— Это из тюрьмы. Тебе. Прочти и поскорей нацарапай ответ. Я подожду.

— Кто дал тебе это письмо?

— Тюремщик Андрей. Он наказал поскорее вернуться с ответом.

Ваня прочел письмо и написал ответ из нескольких слов. Юноша взял записку и ушел.

Ваня прочел Аразу письмо Азада, в котором он спрашивал о положении их дел.

— А что ты ответил? — спросил Араз.

— Я написал: «Не беспокойся. Все в порядке». Да, повторил Ваня. — Пришло время разоблачить Мишу, а то он может еще больше напакостить.

— Надо, надо, — отозвались все подошедшие.

Рабочие направились на промысел Шамси Асадуллаева, чтобы соединиться с демонстрантами.

* * *

Неверные донесения Миши вызвали подозрения в жандармском управлении. Они сбивали с толку. Особенно повредил Мише захват большевиками оружия, предназначенного дашнакам и кочи.

Миша понимал, что он вызывает подозрения в предательстве, но он не переставал участвовать в демонстрациях и митингах, чтобы собирать нужные сведения.

Рабочие собрались на демонстрацию у промысла Шамси Асадуллаева. Среди них был и Миша. Подошли Ваня, Араз и другие рабочие.

Ваня поднялся на холмик. Все взглянули на него. Он поднял в руке жандармскую фотографию Миши и рассказал, кто он такой.

Все рабочие негодуяюще подхватили слова Вани.

Миша не мог опомниться. Он стоял, как прикованный, озираясь по сторонам.

Араз подошел к нему.

— Подлец, — гневно крикнул он. — Вон из наших рядов!

Миша проворно вынырнул из толпы. Кто-то из рабочих пронзительно свистнул.

* * *

Миша поехал в город к Васе, чтобы узнать, как попала в руки Вани его фотокарточка. Не успели они сесть, как Вася спросил у него:

— Твой дружок что-то не приходит, что с ним стряслось?

— Какой дружок?

— Ваня. Он был у нас. Обещал прийти и сфотографироваться, но до сих пор его нет и нет.

— Откуда ты его знаешь?

— Как откуда? Мы односельчане. Вместе росли. А что это тебе вздумалось прийти ко мне?

— Захотелось фотографии свои еще раз посмотреть. Вася прошел в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся, неся несколько фотокарточек.

Миша взял снимки, внимательно просмотрел их, а потом спросил Васю:

— А где еще одна моя фотография?

— Здесь все, — ответил Вася и сам стал перебирать карточки.

— Может быть, ты отдал ее Ване? — спросил Миша.

— Нет, я не давал ему. Может, он сам потихоньку унес.

— Зачем ты показывал мои фотокарточки человеку, которого мало знаешь? — не скрывая раздражения, спросил Миша.

— Как мало знаю? А кто он?

— Да он же большевик и самый отъявленный.

Вася остолбенел. Миша еще раз окинул его презрительным взглядом и ушел. Вася выбежал на улицу, окликнул Мишу, но тот не вернулся.

Миша пошел прямо в жандармское управление и сказал начальнику, что его накрыли.

— Ты нам нужен был среди рабочих, — сказал начальник. — Раз уж накрылся, ты нам не годишься.

Миша побледнел.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

И до селения дошли слухи о кровавой расправе девятого января. Простодушные сельчане, еще до сих пор надеявшиеся на милость царя, прониклись к нему ненавистью.

Рабочие ответили на царское насилие забастовками и демонстрациями.

Растерявшееся правительство издало манифест, в котором обещало целый ряд уступок. Но все эти обещания были только на словах. Воспользовавшись передышкой, царь стал принимать свои меры.

И все-таки революционное движение ширилось с каждым днем.

В Баку царские чиновники тоже были напуганы все нарастающим революционным движением и проявлением к нему симпатий со стороны прогрессивной интеллигенции.

Царские чиновники и купцы старались проявить свои верноподданнические чувства, собирали с улицы всяких шалопаев и шли на митинги, которые проводились во дворе собора, в центре города. Там они, как могли, издевались над революционерами.

Несмотря на наступление контрреволюции, революционное движение, руководимое большевистской партией, разрасталось. Бакинские большевики вели решительную борьбу против либеральной буржуазии и меньшевиков.

В этой борьбе участвовали и передовые рабочие. На собраниях и митингах они срывали маски с лица меньшевиков и их буржуазных прислужников.

* * *

После работы на промысле собрались рабочие. Узнав об этом, меньшевики направили туда своих сторонников.

Они предлагали ограничиться экономическими требованиями.

Эти выступления получили отпор со стороны рабочих. Ваня, взяв слово после выступления буржуазного наймита Имрана, сказал под конец:

— Пусть мы умрем, но революцию доведем до конца. Пока не будет свергнуто самодержавие, нет нам ни свободы, ни счастья. В войну царь посылает нас под пули, а в мирное время морит голодом.

— Нас не обманет двурушническая политика меньшевиков, — перебил Ваню Араз. — Они точно царский двуглавый орел.

Слова Араза задело Имрана.

— Слушай, что ты из себя выходишь, — сказал он и бросил на Араза злобный взгляд. — Мы еще не можем выставлять неокрепший пролетариат навстречу царским пулям.

Ваня, отстранив рукой Имрана, сказал:

— Имран, ты прельстился сладкими речами меньшевиков. Они, как мелкая рыбешка, боятся большой волны и прячутся у самого берега.

Одни из меньшевиков выкрикнул:

— Вы особенно не задавайтесь! Знаем мы, какие вы.

— Мы за постепенное развитие революции, — подхватил другой. — Мы не хотим сбивать с дерева незрелый плод, как это пытаетесь сделать вы.

— Для вас плоды не созрели! — ответил Ваня. — Вы просто трусы и только путаетесь без всякого толка. Революция, как дерево, прорастает ветвями, а вы из сил вон лезете, чтобы как-нибудь оголить их. Вы распинаетесь, что друзья пролетариата, а на самом деле нож держите за пазухой.

— Дело революции, — крикнул Араз, — дело храбрых! Трусам там места нет.

II

Демонстранты медленно двигались к центру города. На безлюдных улицах не было ни полицейских, ни казаков.

Одинокие прохожие торопливо проходили мимо, в подворотнях о чем-то шептались люди.

Лавочник, не покинувший своего прилавка, сказал соседу:

— На нашей стороне как будто спокойно!

— Не торопись, ни одна лавка не уцелеет.

Не успел он договорить эти слова, как на углу появились погромщики. Схватив подмышку награбленные товары, они шли вверх по улице. Кто-то из прохожих крикнул:

— Вот они, грабители!

Лавочники испугались и тут же закрыли свои лавки. Собралась толпа в ожидании, чем это кончится.

Поднабрав шайку бездельников, царское правительство надеялось утихомирить революционное движение.

Тут подошли еще погромщики. В руках у них были ломы и молотки. Один из лавочников сказал своему соседу:

— Слушай, если они меня тронут, я не удержусь.

— Да что ты можешь сделать? — спросил сосед.

— Буду драться, пока хватит сил.

В это время подошла рабочая демонстрация, и погромщики разбежались.

Демонстранты шли, неся красные знамена и лозунги с надписью: «Долой самодержавие» и пели «Марсельезу».

Вдоль стен проходили вооруженные рабочие, охранявшие демонстрантов. С верхнего конца улицы с пеннем «Боже царя храни» показалась другая колонна, несшая крест и портрет царя. Эту колонну охраняли конные казаки и полицейские.

Колонна рабочих заволновалась, как море в бурю.

Первая пуля продырявила портрет царя. Монархисты тут же разбежались. Казаки и полицейские открыли огонь. С обеих сторон начали палить из винтовок. Перестрелка длилась около двух часов. Потом воцарилась тишина.

В этом столкновении обе стороны понесли большие потери. Несколько человек из партийных руководителей были схвачены и брошены в тюрьму. Араз был тяжело ранен.

* * *

Ваня и Грегор взяли Араза под руки и повели в больницу. Чтобы остановить кровотечение, Араз прижимал рану рукой. Он все жалел, что схватка не привела ни к чему.

Араза привели в больницу. Рана у него была тяжелая, и его тут же уложили.

Врач осмотрел рану и приступил к операции.

Ваня и Грегор ждали у дверей. Операция тянулась полчаса. Врач сказал сестре:

— Очень уж здоров! Даже не пикнул, пока я его резал.

Он распорядился положить Араза во вторую палату. Когда его переложили с носилок, уложили на свободную койку, врач пощупал пульс.

— Не шевелись, — сказал он. — Не ворочайся. Рана у тебя тяжелая.

Потом он попросил сестру следить за состоянием раненого и, если оно ухудшится, сообщить ему.

Когда врач выходил, Ваня и Грегор спросили у него, что с Аразом.

— Серьезное ранение, — сказал врач. — Но он выкарабкается.

Потом врач спросил об Аразе: кто он и где был ранен. Сердечность доктора вызвала в Ване откровенность, и он в коротких словах рассказал о том, что произошло.

Врач улыбнулся, но промолчал.

* * *

Очнувшись после двухдневного забытья, Араз увидел, что кто-то стоит у его кровати. Этот человек протянул сестре Дуся кусок голубой шелковой ткани и сказал:

— Тут тебе выйдет прекрасное платье!

Дуся взяла матерью и спросила:

— А сколько здесь аршин?

— Девять. Тебе хватит, да еще лишнее останется.

Проходящая мимо другая сестра увидела в руках у Дуся шелк и остановилась.

— Знаю, — сказала она, — награду получила. Честный человек не возьмет этого. Верни сейчас же!

Принесший шелк рассердился:

— Чего ты суешься, куда не следует? Иди, занимайся своими делами.

— Не знаю, — ответила сестра, — откуда набежало столько грязных псов.

Сестра отошла. Араз приподнялся на кровати и узнал Мишу. Он отвернулся к стене.

Вошел врач. Миша и Дуся уже ушли. Услышав голос врача, Араз обернулся.

— Как вы себя чувствуете? — спросил врач.

Араз не ответил.

— Кто к вам приходил?

— Приходил тут какой-то. Вот Дусе шелк подарил. Женихается, наверно.

— А разве она не знает, что посторонних пускать в палату нельзя? — строго заметил врач. — Я потом выясню.

Араз протянул врачу термометр. Тот взглянул и сказал:

— Тридцать восемь и пять. Ранен ты тяжело. Постарайся меньше двигаться.

Араз молчал.

— А кто же все-таки был этот человек? — спросил врач.

Араз немного помолчал и ответил:

— Вам это знать не к чему.

— Ты не бойся, говори откровенно. Я тебе вреда не принесу.

Араз рассказал врачу, что Миша шпион.

— А сам ты кто?

— Я простой рабочий.

— Не беспокойся, — сказал врач, уходя. — Больше он здесь не появится.

Рана у Араза была опасная: по ночам температура поднималась до тридцати девяти, а иногда и до сорока. Не доверяя сестрам, врач сам часто приходил к Аразу, сам измерял температуру, клал на сердце компресс.

Через неделю Араз почувствовал себя лучше. Температура упала, рана стала затягиваться.

Доктор сделал Дусе выговор, почему она пускает посторонних людей в палату. И с тех пор Миша больше не показывался.

Араз все время раздумывал, как прошла последняя демонстрация. Он очень хотел знать, кто был ранен во время перестрелки, кто был арестован, и поэтому спешил выписаться из больницы. Он сказал врачу, что уже выздоровел и просит его выписать. Врач отказался наотрез.

— Ты должен лежать еще по крайней мере неделю. Рана еще не совсем зажила. Малейшее неосторожное движение может разбередить ее. Я тебя выписать не могу.

Через два дня после этого разговора Дуся принесла Аразу чай и сказала:

— Больной, ты уже совсем выздоровел, можешь и сам встать, выпить чай.

— Врачи вставать не разрешают, — ответил Араз.

В это время кто-то открыл дверь и окликнул Дусю:

— Поди-ка сюда!

Араз заглянул в коридор. Его глаза встретились с другими, и они сразу узнали друг друга. В дверях стоял Миша.

— Я же тебе говорила, не заходи в палату, подожди в коридоре! — сердито прикрикнула Дуся на пришельца. И потом, повеселев, ушла куда-то вместе с ним.

Вскоре в палату вошел заведующий больницей. Он окинул Араза презрительным взглядом и сказал:

— Больной, покнишь нашу больницу. Тут таким смутьянам как ты, места нет.

— Вас, верно, осведомили. А я всего-навсего рабочий. А что касается вашего требования покинуть больницу, то я рад этому от всей души, — спокойно и с усмешкой произнес Араз и поднялся с постели.

Араз ждал Дусю, чтобы получить свою одежду. Но Дуси все не было. Аразу стало казаться, что он уже не в больнице, а в тюрьме, каждая минута казалась часом.

Араз подошел к окну, стал смотреть на прохожих, но и это не отвлекло его от тягостных раздумий. «Тут поведению тюрьма», — горестно вздохнул он.

В палату вошел врач. Увидев Араза на ногах, он добродушно улыбнулся:

— Ну, как дела, Араз, рана не болит?

— Нет, — ответил Араз. — Рана уже не болит, да к тому же меня выписывают.

— Почему? — недоуменно спросил врач.

— Дусин гость увидел меня сегодня и сообщил заведующему. А тот приказал мне немедленно оставить больницу.

— Я выгоню эту подлую Дусю, — сказал врач. — А ты иди и лежи дома еще с недельку, — протягивая Аразу рецепт, он добавил: — Этим лекарством смазывай рану два раза в день и перевязывай чистой тряпкой.

В это время в палату вошли двое в штатском.

— Кто здесь Араз? — спросил один из них.

— Я, — ответил Араз.

— Вы должны пойти с нами.

— Куда?

— Туда, куда и следует врагам.

— Ваши враги повсюду: на фабриках, заводах, промыслах. Куда же вы меня поведете?

— Ты позабыл о самом главном. Ведем, чтоб сгноить таких, как ты.

— Мне ничего не страшно, пойдёмте. Дуся, подай мне одежду.

Врач был тронут мужеством Араза.

— Двигайся осторожнее, рана может открыться, — сказал врач.

— У меня на сердце раны более глубокие, — ответил Араз и тепло попрощался с врачом.

Обернувшись к пришедшим за ним, он с ненавистью в голосе произнес:

— Идем.

Из больницы Араза повели прямо в тюрьму.

* * *

Как только Араз вошел в ворота, навстречу ему вышел начальник тюрьмы Кох и насмешливо сказал:

— Ага, ты снова появился? А то я соскучился по тебе.

— Как вы любезны, — бросил в ответ Араз. — По вашей милости опять и попал сюда.

Кох окинул Араза ненавидящим взглядом и приказал надзирателю.

— Отведи его куда полагается.

Надзиратель повел Араза. Когда они проходили по коридору, старый Андрей, прислонившись к стене, разговаривал с тюремщицей Таней. Увидев Араза, он прошептал Тане:

— Беднягу опять повели в чулан.

— Мой отец был сельским учителем, — также шепотом ответила Таня. — Социалисты были ему по нраву, они всегда бесстрашные.

Открылась дверь начальника, откуда поспешно вышел Миша и покинул тюрьму. Увидев его, Андрей тихо сказал: «Какой предатель, опять, наверное, кляузничал на этого беднягу».

— Я не пойму, почему ты поступила сюда? — спросил Андрей Таню.

— Голод и нужда, — ответила Таня. — В деревне мы кое-как сводили концы с концами. Мужа послали на японскую войну. Уходя из дому, он как будто знал, что больше не вернется. Он обнял меня и наказал: «Таня береги детей».

На глаза Тани навернулись слезы. Она смахнула их и добавила:

— И он не вернулся. А в деревне мы стали голодать. Я с детьми приехала в Баку. Да и тут не слаще без работы, впроголодь. На что только не толкнет голод. Пошла побираться. Ты спрашиваешь, как я попала в эту тюрьму? Как-то я сидела возле одного дома. Младшая дочь протянула руку прохожему за милостыней. Прохожий остановился, пристально посмотрел на нас и спросил меня: «Работать хочешь?» — «Хочу, — ответила я, — но куда дену своих малышек?» Он еще раз взглянул на нас: «Я тебе дам такую работу, что и дети будут сыты». Я согласилась. Он повел меня в небольшой ресторан. Поговорив с буфетчиком, он сказал мне: «Ты будешь мыть посуду и подметать полы. И ты и твои дети будете питаться здесь». Таким образом он спас меня от попрошайничества. Но я не могла понять, кто был этот человек и почему он сделал мне добро. Только через месяц я увидела его за столиком, — он обедал с каким-то своим приятелем. Он позвал меня, расспросил о детях, а потом поинтересовался, кто я. Узнав о том, что мой отец был сельский учитель, он негодующе стукнул кулаком по столу и обратился к приятелю: «Дочь учителя — и нищая». Он позвал буфетчика, поручил ему дать мне чистую работу и сам дал червонец на детей. На другой же день меня перевели на более легкую работу. Я подавала посетителям еду. Тот человек исчез. Я его больше в ресторане не видела.

— Свет не без добрых людей. Так ты и не узнала, кто он такой?

— Нет, не узнала. Но только я слышала, как его приятель два раза назвал его Азадом.

— Да, знаю. И он побывал тут. А дальше?

— Как-то в ресторан пришел какой-то человек по имени Семен, — продолжала рассказывать Таня. — Когда я ему подавала обед, он спросил кто я и откуда. Я назвала село, откуда я родом, и сказала, что мой отец был учителем. Кисло улыбнувшись, он сказал: «Я тебя хорошо знаю. Ты из нашего села, дочь Ивана Федоровича, жена Сергея. Покойный Сережа был мне близкий приятель. Я не позволю, чтобы ты работала в таком месте, завтра же найду тебе другую работу». Я было обрадовалась, но он меня привел сюда.

— Какой он, этот Семен? — спросил Андрей. — Такой высокий, худощавый, веснушчатый?

— Он, он а откуда ты его знаешь?

— А почему ты ушла из ресторана? — спросил Андрей.

— Последнее время буфетчик держал детей впроголодь. Да и не видела я больше того человека, Азада. Я думала, здесь будет лучше. Через неделю я вернулась в ресторан и попросила буфетчика снова принять меня на работу. Буфетчик отказал.

— Ты сама на себя беду накликала, — сказал Андрей.

* * *

Через неделю Миша пришел к начальнику тюрьмы. После получасовой беседы с Кохом Миша вышел в коридор. Здесь его застала Таня.

— Земляк, мне эта работа не нравится, я хочу уйти отсюда, — сказала она.

Миша положил ей руку на плечо и мягко произнес:

— Потерпи еще немного. Ты женщина грамотная. Скоро я тебе дам другую работу с большим жалованьем.

В ту ночь, по распоряжению Коха, Андрей был арестован. Никто не знал, что с ним: то ли его посадили в тюрьму, то ли отправили в ссылку, то ли просто уволили. Старого Андрея больше никто не видел.

Таня была огорчена больше всех. Темные коридоры тюрьмы не давали ей дышать. Она старалась придумать, как бы ей выбраться из тюрьмы.

Однажды Миша снова пришел к Коху. Потом к нему вызвали и Таню. Кох и Миша встретили ее приветливо.

— По-моему, Таня вполне достойна этой должности, — сказал Миша.

Кох взглянул на Таню. Она покраснела, и сердце ее учащенно забилось. Миша подошел к ней и вкрадчиво сказал:

— Таня, ты дочь учителя, и мы хотим тебе дать хорошую работу.

— Ты будешь помогать нам, — добавил Кох, — накрывать разных смутьянов.

— Нет, это не по мне, — решительно ответила Таня.

— Эта работа уж во всяком случае лучше, чем мыть

посуду и полы в ресторане, — сказал Кох. — Ты женщина грамотная, эта работа тебе по плечу. Постарайся уговорить ее, Миша.

— Нет, это не по мне, — покачала головой Таня. — Я уж лучше найду себе другую работу.

— Дело твое, но мой совет — соглашайся: будешь получать в месяц семьдесят пять рублей.

Таня отказалась наотрез.

На следующий день Таню арестовали и водворили в маленькую камеру. Там она пробыла пятнадцать дней. То и дело ее вызывал следователь, расспрашивал об Андрее и всячески старался пришить ей дело.

Таня сразу поняла, к чему они клонят. И она убедилась, что путь для нее один — стать шпионкой. Бездомная судьба детей неотступно преследовала ее.

На шестнадцатый день Кох снова вызвал ее к себе. В кабинете был и Миша. Задавать вопросы начал Кох:

— Нам известно, что ты проникла к нам в тюрьму, посланная нашими врагами. Ты скажи, кто тебя прислал?

Таня не удержалась и расплакалась навзрыд.

— Я нищая женщина и мать трех сирот, и всего три месяца, как в Баку. Что вы от меня хотите? Погубить? Хотя бы детей моих пожалели.

— Мы об этих сиротах и заботимся, — обернулся к ней Миша. — Мы знаем о тебе столько, что можем тут же наказать. Хочешь избежать беды — решайся.

— На что?

— Принять должность, которую тебе доверяют. Только так ты спасешься сама и спасешь детей от неминуемой голодной смерти.

Таня вспомнила своих раздетых и голодных детей, и ей казалось, что они хватаются за ее подол с мольбой: «Спаси нас!» Таня опять заплакала и сдавленным голосом произнесла:

— Я согласна.

— Что ж ты плачешь? — весело спросил Кох. — Мы же тебя не принуждали. А многие стараются попасть на эту работу.

— Я подумала о своих сиротах, — ответила Таня, утирая слезы. — По ним я плачу.

Миша подошел к ней и поздравил с новой должностью.

Араз был брошен в тесную, как могила, холодную и темную камеру. Допрашивали его пятнадцать дней.

Потом Араза вызвал к себе начальник тюрьмы, подал ему лист бумаги с печатью и сказал:

— Можешь идти.

— Куда? — спросил Араз.

Начальник усмехнулся.

— Домой, к жене.

В тот день из тюрьмы было освобождено 80 человек и среди них Азад. Араз удивился.

Вскоре он узнал, почему это случилось.

Протестуя после последних арестов, бакинский пролетариат, руководимый большевиками, организовал стачки и демонстрации. Были выдвинуты решительные требования освободить заключенных.

Правительство и без того было напугано охватившим всю страну забастовочным движением. Оно было вынуждено пойти на уступки и освободить часть заключенных.

Прошло три дня после освобождения Араза, и кто-то постучал к нему в дверь. Араз вскочил, чтобы отворить, но Гюнеш запротестовала. Сама подошла к двери и спросила:

— Кто там?

— Я, сестра Гюнеш, я, Грегор. Мне надо срочно поговорить с Аразом.

Араз узнал Грегора по голосу и, опередив Гюнеш, сам открыл ему дверь.

Поговорив о промысловых делах, они ушли на партийное собрание, назначенное в полночь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Аслан-бек определил своего старшего сына Вариса в реальное училище. В младших классах Варис учился прилежно. Но переходя из класса в класс, он портился.

Избалованный дома, он все больше и больше распоясывался.

Варис беспрестанно оскорблял бедных учеников, и это доставляло ему удовольствие.

Чуть не каждый день учителя читали ему нотации. В конце концов он был исключен из училища.

Аслан-бек нанял учителя, который занимался с Варисом целый год, и тот все-таки не выдержал экзаменов.

Варис шел по стопам отца, и в его голове никакие из преподаваемых истин не удерживались. Аслан-бек был очень огорчен, что все деньги на учение сына пропали зря.

— Напрасно я на тебя столько тратился. Дети бедняков на пустой желудок учатся и выходят в люди, а я на тебя истратил кучу денег — и толку никакого.

Варис два года не учился и бездельничал. Наконец, Аслан-бек пристроил его работать у себя в конторе. Отец распорядился, чтобы он помогал бухгалтеру и научился счетоводству.

Аслан-бек кутил.

И сын, глядя на отца, рос кутилой и картежником. Все ночи он проводил в разных притонах за азартными играми и вином.

В конторе он забрал все дела в свои руки и совсем зазнался.

В конце концов Аслан-беку это надоело, и он прогнал сына из конторы. Через год по просьбе матери и дяди он дал ему денег на мануфактурный магазин.

Варис арендовал четыре раствора и поехал в Нижний Новгород за товарами. В Астрахани, где он никогда не был, он остался на несколько дней.

Там какой-то офицер подошел к Варису и дружески пожал ему руку.

— Добро пожаловать, Варис-бек, и тебя, оказывается, можно встретить в нашем городе. Я просто счастлив видеть здесь сына своего близкого друга.

Он спросил Вариса о родителях. — Посокрушался, что они больны.

Офицеру легко удалось втереться в доверие Вариса и увлечь его за собой.

— Аслан-бек сделал мне много добра, — сказал офицер. — Я многим ему обязан. И вот теперь могу отплатить ему. До твоего отъезда ты — мой гость.

Как Варис ни старался, но избавиться от офицера Гамбара, представившегося другом его отца, не мог. Они побывали во всех театрах.

Однажды Гамбар повел Вариса в закрытый притон. Там их встретили такие же проходимцы, как он сам.

Усевшись в укромном уголке, они стали играть в карты. Очень быстро втянули в игру и Вариса. Гамбар делал вид, что помогает Варису, а сам за его спиной показывал, какие у него карты. Ставки в игре увеличивались.

Сперва Варис выиграл несколько ставок, а потом деньги в его кармане стали таять. И когда подали ужин, у Вариса не было ни копейки.

Один из картежников протянул Варису пачку денег и дружески сказал:

— Варис-бек! Больше всех выиграл я и могу вернуть, то, что ты проиграл. Вот, возьми.

— Нет, нет, это вы выиграли, — произнес Варис заплетающимся языком.

— Вам эти деньги кажутся большими, — усмехаясь, сказал Гамбар. — Но для Варис-бека это пустяки.

На следующий день Гамбар сказал Варису:

— Сегодня мы пойдем в самый простой ресторанчик и там я тебе покажу чудесную девушку.

Они пошли в ресторан и заказали обед. Гамбар указал на девушку, сидящую в углу.

— Посмотри внимательно. Про эту девушку я и говорил. Она сейчас рассорилась с отцом и живет в какой-то комнатухе. Ты только на нее посмотри. Тут у нас все сходят по ней с ума, но она, злодейка, как джейран, никого близко не подпускает.

Официант подал обед. Хлебая холодный суп, Варис украдкой поглядывал на девушку. Она сидела потупясь.

Сначала она не приглянулась Варису. Гамбар навалился на край стола и сказал, глядя в лицо Вариса:

— Говорят, у этой девушки — заветная мечта. Она откроется тому, кто завладеет ее сердцем.

— А какая у нее мечта?

— Она об этом еще никому не говорила. Видать, в Астрахани нет человека, которому она могла бы открыться. У нас с ней прямо беда, не хочет видеть мужчин. На днях от тоски по ней сошел с ума один богатый

юноша. Кто только не пытался, никому не удалось познакомиться с ней.

Слова Гамбара заинтересовали Вариса, и он бросил украдкой взгляд на девушку. На этот раз и она взглянула на него. Варис преисполнился тайной надежды завоевать в этом городе славу покорителя сердец.

— Я ее приручу! — кичливо сказал он.

— Ну это мы посмотрим.

— Никак не поверю. Таких безумцев было много. Они месяцами как тени шатались за ней и все было напрасно.

Варис не отводил взгляда от девушки. Наконец, она улыбнулась ему ободряюще.

— Что дашь, — спросил Варис Гамбара, — если я познакомлюсь с нею?

— Если так, то я устрою такой обед, — ответил Гамбар, — что на него съедутся все из Астрахани и даже из Баку.

И они пожали руки в знак спора.

Ресторан опустел. Девушка взяла книгу и, делая вид, что читает ее, поглядывала на Вариса. Варис поднялся, чтобы подойти к девушке, но Гамбар остановил его.

— Не будь посмешищем.

Варис вырвал руку и подошел к девушке. Подойдя к ней, он сказал:

— Мадемуазель, я из тех, кто все может принести в жертву сердцу. Позвольте познакомиться с вами.

Девушка промолчала, даже не подняла головы. Варис два раза повторил эту фразу и, отчаявшись, сказал:

— Клянусь честью исполнить любое ваше желание. Девушка подняла голову. Окинув его удивленным взглядом, она спросила:

— Кто вы такой и что вы от меня хотите?

— Я бакинский богач, Варис-бек, сын Аслан-бека. У меня только одно желание — познакомиться с вами.

Продолжая читать, девушка ничего не ответила.

И на следующий день Варису не удалось вырвать у девушки ни одного слова.

Иронические взгляды Гамбара задевали его за живое. На третий день, когда девушка после обеда возвращалась домой, Варис подошел к ней.

— Мадемуазель, — сказал он, — смилуйтесь надо

мною и позвольте познакомиться. Любое ваше желание будет исполнено.

Девушка обернулась и строго сказала:

— Уйди прочь, ты никогда не сможешь исполнить мои желания.

— Исполню, исполню, — сказал Варис, низко кланяясь.

Девушка остановилась и насупилась, потом она доверительно дотронулась до плеча Вариса и сказала таинственным шепотом:

— Я открою вам свою заветную тайну. Только смотрите, никому не рассказывайте. Я дочь генерала. Мать умерла, когда я была совсем маленькой, отец женился на другой. Мы не ужились. Рассорившись с мачехой, я собралась уйти из дому, и отец закричал на меня: «Иди подохни с голоду!» А я ответила: «С голоду не подохну, а буду спать под одеялом из пятисотенных ассигнаций». Это как-то нечаянно сорвалось у меня. И все-таки это мое заветное желание.

Девушка выжидающе взглянула на Вариса.

— Это все? — заносчиво спросил Варис. — Завтра одеяло будет готово. И он расстался с девушкой.

Он тут же послал телеграмму в Нижний Новгород о переводе денег, назначенных на покупку товаров, в Астраханский банк. Встретившись в тот же день с Гамбаром, он рассказал ему все, что случилось.

— Все решают деньги. Никакая девушка от меня не вырвется. Готовь званый обед.

— Это еще как сказать. Если ты возьмешь эту девушку, я закачу такой обед, что на него сбегутся смотреть из двух городов.

В ту ночь Варис не мог заснуть до утра. Только бы ему удалось овладеть этой девушкой, такой недоступной. Рано утром он пошел в банк. У порога сторож остановил его.

— Банк еще не открыт. Пожалуйста через час.

Варис пришел через час. Но деньги пока еще не поступили. Он несколько раз заходил в банк и, наконец, узнал, что деньги поступили. Варис обратился к директору банка:

— У меня к вам просьба. Пусть мои деньги выдадут нераспечатанными пятисотенными ассигнациями.

Был вечер. Девушка сидела при свете лампы у маленького стола, на котором лежала раскрытая книга. Опустив голову, она притворялась, что читает.

В нетерпеливом ожидании она то поглядывала в книгу, то поглядывала на улицу.

Ей не сиделось, она подошла к кровати и погладила складки одеяла. Потом достала карманное зеркальце, посмотрела в него, взбила волосы и напудрилась.

Девушка окинула взглядом свою низкую закопченную комнату и помрачнела: комната никак не подходила к ожидаемой ночи. Девушка задумалась и не сводила глаз с жужжавшей мухи, запутавшейся в паутине.

В это время с улицы донесся стук фаятона. Она тут же уселась на место и снова взялась за книгу. Услышав шаги у двери, она сразу поднялась и опустила шторы, а потом открыла дверь. Варис вошел, неся в руках что-то завернутое в простыню.

— Возьми, дорогая, — горделиво сказал он. — Вот тебе одеяло из пятисотенных, — и он протянул сверток девушке.

Девушка радостно взглянула на него.

— Спасибо, родненький, сердце мое, ты исполнил заветную мою мечту.

И она сразу стала ласковой. Она развернула одеяло из пятисотенных на кровати, а потом приблизила свои губы к его губам. Они долго целовались. Варис взглянул на девушку горящими глазами и спросил:

— Красотка моя, что ты еще хочешь?

Ничего не ответив, девушка погасила лампу... И в ночном мраке раздавалось только назойливое жужжание мухи.

На следующий день Варис долго ждал Гамбара в гостинице, но тот не пришел. Он собрался пойти к нему, чтобы похвастаться одержанной победой. Гамбар как-то указал ему на прекрасный дом и сказал: «Я живу здесь». Варис подошел к этому дому и постучал. Дверь открыла служанка.

— Гамбар дома? — спросил Варис.

Служанка удивленно посмотрела на него.

— Какой Гамбар? Здесь живет председатель Суда Лукьянов.

Варис искал Гамбара до самого вечера, но не мог его найти нигде. Вечером он пошел к своей новой знакомой. Подойдя к открытой двери, он застыл — комната была пуста.

Варис не знал, что и делать. Ему не оставалось ничего другого, как уйти. По дороге он встретил дворника.

— Куда переселилась ваша жилища? — спросил Варис.

Дворник окинул его подозрительным взглядом и потом, высыпая из совка сор в мусорный ящик, равнодушно ответил:

— А кто ее знает? Наверное, туда, где получше.

Варис съежился.

— Куда, где получше? Что ты мелешь вздор?! — раздраженно крикнул Варис.

— Дорогой, уходи отсюда, — ответил дворник. — Откуда мне знать, куда переселилась эта шлюха.

— Замолчи, мужлаи, — бешено заорал Варис. — С чего ты взял, что она шлюха?

— Самая обыкновенная, — обронил дворник, отходя.

Варис ушел в отчаянии. Но он все еще не хотел верить тому, что сказал дворник. Он решил во что бы то ни стало найти Гамбара и рассказать ему обо всем.

Он пришел в ресторан и спросил у хозяина:

— Где живет тот человек, что обедал со мной здесь каждый день?

Хозяин ресторана почувал неладное и с осторожной усмешкой сказал:

— Тот карманщик? Я не знаю, где он живет.

— Что ты говоришь? Разве он карманщик?

Хозяин ресторана на этот раз громко рассмеялся.

— Да, известный вор.

Проматав в Астрахани все деньги, Варис, подавленный и раскаивающийся, вернулся в Баку.

Однажды, на Николаевской улице, он встретил своего школьного товарища Шамиля. Тот готовился поступить в Петербургский университет на медицинский факультет и усердно зубрил латынь. Несмотря на латаный пиджак, ему очень шла студенческая фуражка.

Варис смерил его презрительно-негодующим взглядом.

— Надо же иметь счастье. Вот я, хоть и богат, не смог окончить реальное училище и нацепить такую же вот фуражку. На какие же деньги ты будешь учиться в Петербурге? — он горько усмехнулся и повторил. — Да, каждому надо иметь счастье.

Варис знал, с каким трудом достался Шамилю аттестат. Шамиль разозлился, но, стараясь подавить гнев, сдержанно сказал:

— Судьба каждого человека в его руках. Ты сам оказался в учении неудачником, при чем тут я? А на что я буду учиться в Петербурге — это уже мое дело.

Слова Шамиля задели Вариса. Он хлопнул его по плечу.

— Ты совсем зазнался. Ты лучше вспомни, как выпрашивал у родительского совета деньги на учебники.

Он повернулся и, не сказав больше ни слова и не оглядываясь, быстро ушел.

Шамиль стоял как вкопанный. Ему хотелось остановить Вариса, броситься за ним вслед, но у него не нашлось для этого сил. Он весь кипел от негодования на этого человека, которому никогда не сделал ничего плохого.

После встречи Шамиля и Вариса прошло пять лет. Получив в Петербурге медицинское образование, Шамиль вернулся в Баку и открыл небольшой врачебный кабинет. Однажды во время приема больных вошел совсем иссохший человек. Остановившись в дверях, он спросил:

— А меня примете?

Шамиль внимательно взглянул на этого незнакомого ему человека и попросил войти.

Больной подошел к Шамилю вплотную и приблизил свое лицо к нему.

— Вы или не узнаете меня или не хотите узнать. А я пришел поздравить вас и попросить прощения.

Шамиль не мог никак вспомнить, кто это пришел к нему. Наконец, взглядевшись в него пристальней, он узнал в этом исхудавшем и пожелтевшем посетителе Ва-

риса. Он был поражен переменной происшедшей с Варисом. Этот юноша, проживший всего двадцать пять весен, имел вид старика, узнавшего шестидесятую осень. Шамиль вспомнил, какую обиду нанес ему его школьный товарищ. Но он пожал протянутую ему костлявую руку и усадил Вариса рядом с собою на стул.

Варис оглядел Шамиля и сказал не то с завистью, не то с сожалением:

— Я всегда был здоровее тебя, а теперь ты куда крепче.

— Да, Варис, ты очень изменился, — ответил Шамиль.

Взяв со стола карандаш и смущенно вертя его в руках, Варис задумчиво проговорил:

— Таков уж, должно быть, закон природы; что я тут могу поделывать?

— Но ты изменился слишком уж рано.

— Да, моя телега едет под откос. Никак ее не оставишь.

— Тогда поменьше смазывай колеса, — засмеялся Шамиль.

Варис усмехнулся.

— Колеса эти крутятся уже без масла.

Оба помолчали. Варис заговорил первым.

— Шамиль, я не просто большой, а большой у больших. Целые дни торчу у постели матери и отца. Завтра я поведу тебя к нам домой, и ты осмотришь нас всех.

Шамиль, пуская клубы папиросного дыма, вспомнил школьные годы и последнюю встречу с Варисом. Он старался подавить в себе неприязнь, потому что его школьный товарищ уже не ходил, а едва ползал — ему надо было помочь.

— Доктор, ты знаешь почему меня назвали Варисом? — спросил меня тему разговора, Варис и, не дожидаясь ответа, сказал:

— Отец женился уже пожилым. Несколько лет детей у них не было. Отец все горевал, кому же достанется все его богатство. Рассказывают, что, когда я родился, отец упал на колени, благодаря аллаха: «Слава богу, и у меня появился наследник» — и назвал меня Варис, что, как ты знаешь, означает «наследник».

На следующий день Варис повел Шамиля к себе домой. Семья Аслан-бека жила на широкой улице в четы-

рехэтажном доме, построенном в европейском стиле. Они вошли в просторную комнату с полуоткрытыми окнами. Варис открыл окна настежь и пошел за отцом и матерью. Шамиль внимательно осмотрел комнату. Она была богато обставлена. На стенах висели превосходные картины. Шамиль стал их разглядывать. Больше всего ему понравилось море в бурю. Из тяжелых свинцовых туч лились потоки дождя, огненные стрелы молний рассекали небо, вспененные волны подбрасывали корабль, как щепку. Огромная вздыбившаяся волна подняла судно на свой гребень и, казалось, вот-вот сбросит его в разверзнувшуюся темную бездну.

Открылась дверь и в комнату, волоча левую ногу, вошел, опираясь на руку Вариса, приземистый невзрачный мужчина.

— Познакомьтесь, — сказал тот. — Это мой отец, а это — школьный товарищ.

Аслан-бек пожал Шамилю руку.

— Добро пожаловать!

Они сели.

— Если бы ты учился, — сказал Аслан-бек, — то тоже стал бы человеком.

— Отец, ты же знаешь, что я не мог учиться из-за болезни, и все-таки твердишь одно и то же. Не отнимай у доктора времени зря, — добавил он и вышел, сердито хлопнув дверью.

Обрюзгшие, землистого цвета, щеки Аслан-бека затрясла, и в глазах сверкнули искорки гнева. Он покачал головой и произнес надтреснутым голосом:

— Вот видите, доктор, какой сын. Растит его, а он только и знает огрызаться как собака.

Потом он начал расстегивать короткими отекившим пальцами свой архалук и пожаловался:

— Эх... мне даже этот архалук трудно снимать и надевать по утрам и вечерам. В этой жизни все путается, никак не разберешь.

Он снял архалук, бросил его на стол и, оставшись в одной рубашке, спросил:

— Доктор, что это за место Петербург?

— Прекрасный город.

— И люди там хорошие?

— Да, хороших много.

— Значит, тебе там неплохо жилось?

Шамиль ничего не ответил и приступил к осмотру. Аслан-бек сразу весь как-то обмяк, словно безнадежный больной, уже приговоренный к смерти.

— У меня на теле живого места нет, — пробрюзжал он. — Будто все отнялось, точно не мое.

После внимательного осмотра Шамиль нашел у Аслан-бека несколько запущенных болезней.

Потом пришла мать Вариса — Гамар-ханум. Она жаловалась на боли в животе и ногах. Когда очередь дошла до Вариса, Гамар-ханум попросила:

— Доктор, важнее всего помочь ему.

Помимо других недугов, каждый из них страдал сильнейшим нервным расстройством.

Когда Шамиль принялся писать рецепты, Варис спросил его:

— Когда заболеваем мы, простые смертные, то зовем врача, а куда идете вы, когда заболите?

— На просторное лоно природы, — улыбнулся Шамиль.

— Так этим летом я от тебя ни на шаг не отстану, — сказал Варис.

II

Зима стояла суровая. Араз вышел из дому без пальто.

Он работал, несмотря на пронизывающий до мозга костей холодный ветер. Раздался гудок на обеденный перерыв. Араз расстелил на земле салфетку и принялся за еду.

Все присевшие рядом с ним оживленно разговаривали, но Араз молчал, озабоченный своими мыслями. Порывы ледяного ветра, со свистом проносясь сквозь щели вышки, остудили его разгоряченное тело.

Вернувшись домой, он почувствовал недомогание. Спину словно кололи иглами. Араз не придавал этому значения: Гюнеш сразу догадалась, что Араз заболел.

— Ты, кажется, простудился, давай я поставлю тебе банки.

Араз отказался и, поужинав, сразу лег спать. Утром он, как всегда, пошел на работу. Ветер дул с прежней силой. Араз до вечера проработал, несмотря на жар и

озноб, и едва добрался до дома. Он с трудом держался на ногах и тотчас же растянулся на постели. Гюнеш никогда не видела мужа таким больным. Всякую простуду он переносил на ногах. Еще ни одна болезнь не укладывала его в постель. Гюнеш поставила ему банки, натерла спину козьим салом и напоила горячим чаем.

Жар у Араза все увеличивался. Гюнеш с тревогой смотрела на него и не знала, что делать. Рано утром она помчалась к младшему брату Нурушу, но и тот ничего не мог ей посоветовать. У них в селении не было ни врача, ни больницы, ни аптеки. И везти Араза в город было нельзя. Пригласить из города врача и купить лекарство было тоже невозможно.

Араз, закутавшись в одеяло, сильно пропотел, жар все-таки не проходил. Ему становилось все хуже и хуже, он беспрерывно кашлял, Гюнеш не находила себе места.

В один из дней, когда Аразу было особенно плохо, она положила его на подводу и вместе с братом повезла в город к врачу. Врач осмотрел Араза и, поверившись к Гюнеш и Нурушу, спросил:

— Сколько дней он болеет?

— Уже две недели, — ответила Гюнеш. — Два раза я ставила банки.

Врач укоризненно покачал головой.

— Он, наверное, выкован из стали. У него двустороннее воспаление легких. Его не лечили. А теперь надо приостановить дальнейшее развитие легочного заболевания.

Лекарства, выписанные доктором, хорошо помогли Аразу.

Араза часто навещали товарищи, особенно Ваня и Грегор, но он всей душой рвался на промысел. И поэтому через десять дней Араз поднялся с постели и, не слушая упреков жены, пошел на работу.

Араз осунулся и ослабел. Он все еще принимал лекарства, прописанные городским врачом. Через месяц врач осмотрел его и сказал:

— Состояние немного улучшилось. Но чтобы окрепнуть, поезжайте летом куда-нибудь. А то если простудишься еще раз зимой, то поправиться будет трудно.

Араз только усмехнулся.

— А куда лучше поехать? — вмешалась в разговор Гюнеш.

— Туда, где чистый воздух.

Гюнеш продала свое кольцо и серьги. Нуруш тоже сколотил немного денег, и они решили отправить Араза в одно из карабахских сел.

Араз отказывался ехать, зная, что денег у него нет. Гюнеш сразу все поняла и протянула Аразу приготовленные для поездки деньги.

* * *

В один жаркий июльский день Араз и Гюнеш направлись в Карабах. Провожали их Ваня с Грегором. Пожав друзьям руки на прощанье, Араз сказал:

— Я скоро вернусь.

Потом он крепко обнял Полада. Мальчик оставался у Нуруша.

* * *

Араза и Гюнеш очаровала природа Карабаха. Они любовались высокими горами, зелеными долинами, бурными речками и густыми лесами. Оба часто восхищенно повторяли:

— До чего красивые места есть на земле!

Они сняли комнату в карабахском селении. У самого окна росли две старые чинары, уже давно поднимавшиеся к небу. Араз и Гюнеш целыми днями отдыхали в их прохладной тени.

* * *

Вечная нужда, сдача государственных экзаменов сильно подорвали здоровье Шамиля. Отдых был ему необходим. Он решил поехать туда, где легко дышится, и попал в то село, где отдыхали Араз и Гюнеш.

Он снял комнату по соседству с ними и тут же познакомился.

Скромная жизнь супругов, их юношеская влюбленность друг в друга расположили Шамиля. Вскоре знакомство перешло в привязанность, а потом и в искреннюю дружбу.

Все дни Шамиль проводил у них. Они подолгу сидели под разросшимися чинарами, и беседам их не было конца. Родник, пробивавшийся между деревьями, журча проносился по камешкам к просторным зеленым лугам.

Росшие неподалеку хилые ивы подчеркивали стройность чинар.

Каждое утро у родника, под чинарами, листья которых отливали перламутровым блеском, Шамиль встречался с Гюнеш и Аразом и не мог не сравнивать их со стройными крепкими деревьями. — никакие тяготы жизни не могли сломить их. А их трогательная дружба могла вызвать только восхищение. Больше всего Шамиля привлекала к ним их непосредственность и заботливое отношение друг к другу.

* * *

Одну из обычных бесед Шамиля, Араза и Гюнеш превратило появление Аслан-бека, Гамар-ханум и Вариса.

Шамиль, не вставая с места, спросил:

— И вы приехали сюда? Ну, как здоровье?

— Я поклялся провести это лето с тобой. А о том, что ты здесь, я узнал у Гасана, нашего школьного товарища. Нет ли тут комнаты рядом?

Шамиль указал рукой на соседний дом.

— Есть тут комнатка, да вряд ли вам понравится.

Варис мягко сказал:

— Ты от меня не спасешься. Иди и покажи, что за комната.

— Две комнаты, кухня. Комнаты просторнее моих и лучше обставлены. Окна выходят во двор.

Шамиль повел их в соседний дом. Они осмотрели комнаты. Варис взглянул на родителей. Гамар брезгливо сказала:

— Мне не нравится. Для нас не подходящие, если бы окна выходили в сад, еще ничего, а то...

Сын прервал рассуждения матери:

— Мы сюда не пировать приехали. Выходят окна в сад или не выходят — это ничего не значит, хорошо и то, что мы будем жить рядом с доктором.

Аслан-бек и Гамар, недовольно пожимая плечами, вынуждены были согласиться.

На другое утро Аслан-бек удивился, увидев у родника Араза.

— И ты здесь? На какие деньги ты приехал сюда?

— На заработанные, — ответил пренебрежительно Араз. — А вот вы на какие деньги приехали?

Аслан-бек помолчал, а потом сказал:

— Приехали на деньги, накопленные за счет твоих трудов.

— Если ты сознаешь это, значит, у тебя еще осталась совесть. Хорошо говорится в пословице: «С чужого коня посреди поля вон».

— Будь спокоен, мы сидим крепко, нас не ссадишь.

— Те, что посадили вас на коня, они и ссадят.

— Слушай, — сердито сказал Варис. — И здесь ты, отец, не можешь обойтись без ссор?

Он потянул отца за руку.

— Пойдем.

Аслан-бек раздраженно вырвал руку.

— Виноват ты, зачем ты привез меня сюда? — набросился он на сына и, повернувшись, зашагал к дому.

* * *

Было теплое летнее утро. Шамиль предложил Аразу покататься на лодке. Араз с радостью согласился. Они спустились к озеру, стиснутому с двух сторон горами. Гюнеш тоже была с ними. Вдруг Араз, показывая рукой вдаль, сказал:

— Смотрите, за горами идет дождь, сверкают молнии.

Они остановились. Огненные молнии прорезали небо, раздавались громовые раскаты.

— Араз, — сказал Гюнеш, — как бы дождь не промочил нас.

— Летние дожди недолги, — ответил Араз. — Пока он нас достигнет, мы уже вернемся.

Чем ближе они подходили к озеру, тем сильнее были раскаты.

Наконец, они уселись в лодку. Как ни просил Араз дать ему весла, Шамиль не соглашался. Араз усадил Гюнеш у кормы и шутливо спрашивал у Шамиля:

— Ну, лодочник, куда повезешь нас?

— К той горе, где всегда грохочет гром, — ответил Шамиль.

Он греб изо всех сил. Лодка плыла к противоположному берегу.

Гюнеш укрыла Араза шалью и сказала:

— Уже стало сыровато.

Не успела она договорить, как над горой раздался гром. Надвигались тучи и уже накрапывал редкий, но крупный дождь.

Одна половина горы была освещена солнцем, а другую затемнили тучи.

— Налегай, лодочник, — сказал Араз. — Там нас ждет земляника.

Лодка приблизилась к берегу. Просачиваясь сквозь разодранные клочья туч, теплые лучи солнца рассеивались на лазурной поверхности озера.

Араз, Гюнеш и Шамиль вышли на берег. словно давая им дорогу, редкие облака расступились. Друзья поели землянику и вернулись к лодке, опасаясь наступавшего дождя. Прыгнув в лодку и схватив весла, Араз крикнул с детским озорством:

— Теперь грести буду я!

Под сильными взмахами весел Араза лодка быстро неслась по озеру. Гюнеш все время тревожно поглядывала на мужа.

— Поосторожней, как бы не вспотеть.

— Доктор, — сказал Араз Шамилю, — я из тех, кому ни холод, ни жара не страшны. Гюнеш хорошо знает мой характер. Этот месяц я ни в чем не перечу, и вот она нежит меня, как ребенка.

Они вернулись домой, и Шамиль просидел с ними весь вечер.

* * *

Гюнеш взяла с очага кастрюлю с подогретым супом и пошла домой. Во дворе ее встретила Гамар. Окинув Гюнеш презрительным взглядом, она спросила:

— Что ты сварила для мужа?

— А что сварить при наших недостатках?

— Неужели твой муж, здоровый, как слон, не может заработать побольше?

— Знай, что говоришь, — нахмурилась Гюнеш. — Я не променяю одного ногтя Араза на всего твоего Аслан-бека.

Гамар побоялась ответить и, только войдя в комнату, заворчала:

— Жрут сухой хлеб, а от самих так и пышет здоровьем.

— Такому счастью и здоровью, — сказал Варис.

— Да они ведь и тысячной доли не тратят того, что трачу я на тебя. За что мне такая кара — пичкали, пичкали тебя в детстве, и все не в коня корм. Другой бы уже давно здоровенным быком был.

— Да это уж вы сами постарались, — сказал Варис. — Каков поп, таков и приход. В кого же мне быком-то быть?

— Не говори так, сынок, — вздохнула Гамар. — Это меня уже давно мучает.

Аслан-бек взъерепенился:

— Не всем быть одинаковыми. Кому дает аллах одно, кому другое.

— Почему же у нас такая судьба?

— «Почему же у нас такая судьба?» — злобно подхватил Аслан-бек. — Да ты, дочь злодея, по своей злобе стала такой.

— Не говори мне ничего, — сказал Гамар. Я и так едва дышу.

— Да чтобы тебя холера разобрала, — остервенело топнул ногой Аслан-бек. — Не могу понять, к чему ты клонишь. Чуть слово — так уже попреки прошлым.

— Так, так, молодчики, вцепились бы уж сразу в горло друг другу, — подливал масло в огонь Варис.

— Прошлое... Что я видела в твоём проклятом доме за все эти тридцать лет? Я ни разу не улыбнулась, — сказала Гамар.

Супруги заспорили.

В это время раздался оглушительный грохот, как будто упало дерево. А потом послышался женский крик...

Шамиль выскочил во двор и подбежал к дому Вариса. Отворив дверь он увидел лежавшую на полу Гамар и нахолившегося Вариса, кричавшего на отца:

— Не смей ее трогать. Сколько раз я тебе говорил!

Взбешенный Аслан-бек, заложив руки за спину, расхаживал по комнате.

Шамиль кое-как успокоил его.

В ту ночь Шамилю не спалось. Рано утром он вышел во двор. В куче навоза копошились куры, отгоняемые пестрым ленивым петухом.

Шамиль вернулся в комнату, открыл окно. Занимался рассвет. На небе — ни облачка. Шамиль загляделся на две чинары, так полюбившиеся ему. Ночная гроза не поколебала эти гордые деревья, стоявшие словно высеченные из камня.

Дождевые капли сверкали на листьях чинар. Шамиль жадно вдыхал утренний воздух, напоенный благоуханием цветов.

Шамиль поздоровался с Аразом и Гюнеш, идущими к роднику.

Ответив на приветствие, Араз сказал:

— Ох и страшная, доктор, была вчера буря. Но...

— Зато, — не дал ему досказать Шамиль, — у наших соседей буря была еще покрепче.

В это время у калитки остановился фаэтон.

Донесся визгливый голос Вариса:

— Доктор, мы переезжаем.

— Куда?

— Да здесь же. В самом центре села мы сняли комнату в хорошем доме со всеми удобствами.

На другое утро Шамиль застал Араза и Гюнеш под чинарами у родника. Солнце едва всходило. В листве деревьев щебетали птицы. Легкий ветерок колыхал верхушки чинар.

За месяц Араз выздоровел. Провожая его в Баку, Шамиль пожал ему руку.

— Я всем сердцем привязался к вам и мне очень трудно расставаться с вами.

— Мы всегда будем помнить вас, надеемся и вы нас не забудете, — тепло отозвались Араз и Гюнеш.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

Араз очень любил старшего сына Полада. Мальчик рос шустрым и смышленным. Иногда Араз говорил Гюнеш:

— Ты смотри за ним хорошенько, он мальчик незаурядный.

Полад целые дни проводил с Алмас — дочерью соседа, к которой он привязался чистой детской любовью. Безоблачно протекали их дни. Завидев Полада еще издали, она протягивала к нему руки, как крылья, и звала: «Полад, Полад», Полад поднимал ее на руки и играл с ней в любимые ее игры.

Когда мать Алмас наказывала ее за что-нибудь, Полад огорчался больше нее и старательно вытирал скатывающиеся по щекам слезинки, и не успевали еще просохнуть эти слезинки, как она уже смеялась и просила:

— Полад, Полад, сделай мне куклу!

Годы шли, и крепились чувства этих детей.

Полад вырос, стал стройным сильным юношей и уже никого не обременял. С разрешения отца и при помощи

дяди Нуруша он поступил работать на промысел. Работа давалась ему легко, он даже не чувствовал усталости.

Его огорчало только то, что Алмас стала от него прятаться. Алисафа запретил дочери встречаться с Поладом.

Для Полада самыми тяжелыми были дни, когда он не видел Алмас. Но о своих чувствах к ней он еще не говорил никому. Только Гюнеш материнским сердцем чувствовала, что сын ее любит Алмас.

* * *

Вернувшись из селения, Аслан-бек никак не мог забыть дерзость Араза.

«Если я не рассчитаюсь с ним, — шептал, задыхаясь от злости Аслан-бек, — то не буду сыном Рагим-бека.»

Аслан-бек думал, как бы нанести Аразу удар и подорвать его авторитет среди рабочих. Наконец, он решил прибегнуть к помощи Касум-бека, на промысле которого работал Араз.

Узнав, что Касум-бек только что вернулся с курорта и пребывает в самом благодушном настроении, Аслан-бек приказал кучеру запрячь фаятон. Вскоре экипаж был подан. Аслан-бек уселся в фаятон и приказал везти его к Касум-беку.

Касум-бек совсем не обрадовался приходу своего старого конкурента. Но придерживаясь законов гостеприимства, он встретил Аслан-бека внешне довольно радушно. Они уселись в зале за столом, накрытым бархатной скатертью, и начали делиться летними впечатлениями. Аслан-бек пожаловался, что лето провел плохо и потом постепенно перевел разговор на Араза.

— Касум-бек, — сказал он. — Самые страшные наши враги — рабочие. Хотя мы и даем им хлеб, эти жадные волки хотят отнять у нас все, что мы имеем, как будто им будет легче, если мы вместе с ними голодать будем. Взять хотя бы Араза, что работает у тебя на промысле. Он довел меня до белого каления, но я ничего не могу сделать с ним, потому, что он твой рабочий. Эта скотина ничего не признает: ни старших, ни младших, никакой почтительности. Стоит сказать слово, так он изрыгает десять. Пришел к тебе вот зачем: надо как собаку прогнать с промысла этого негодяя Араза. Дальнейшее — за мной.

Касум-бек внимательно выслушал и усмехнулся.

— Пусть они все будут прокляты, разве среди рабочих есть наши друзья? Но что же делать? Ведь нельзя же остановить работу на промысле? Пусть работают двенадцать часов в пыли и мазуте, а деньги идут нам. Да и время неподходящее. Сейчас рабочие бунтуют по всей России. Сам Николай боится их. Тронешь одного — сотни поднимутся на его защиту. И наши тоже не отстают от них. Как же теперь я могу прогнать Араза, если его так уважают все рабочие? Они перевернут весь промысел.

Мы сейчас должны с ними обходиться как можно мягче. Да и я сам его немного побанваюсь. Так ты уж прости меня, Аслан-бек, но просьбу твою исполнить я не могу.

Аслан-бек понял, что пришел напрасно. Ему понравилось, что Касум-бек боится своих рабочих и особенно Араза. Он и сам испугался. Они еще немного поговорили о торговле нефтью, и Аслан-бек ушел огорченный.

II

По поручению отца Варис приехал на промысла, чтобы навести там порядок. Побывав на промыслах, он уже собрался было в город, как вдруг вспомнил упрек тетушки: «Ты нас совсем забыл» — и повернул к селению.

Подъехав к дому тетки, Варис увидел, как из соседних ворот вышла девушка и быстро пошла прочь. Восхищенный Варис проводил взглядом красивую незнакомку, ее большие глаза под длинными ресницами глубоко западали ему в душу.

«Откуда это, — с изумлением спросил он сам себя, — в этом глухом месте такая красавица?»

Только когда девушка скрылась за углом, он постучал у двери Гумай. Тетка радушно встретила племянника. Сперва, слушая бесконечные жалобы Гумай, Варис забыл о ее красивой соседке, но потом спохватился и спросил о ней.

— Знаю, знаю, — усмехнулась Гумай. — Это дочь Алисафы — Алмас. Красивая, честная девушка. Она с детства суженая Полада. Он по ней с ума сходит.

— Кто? Полад? — вскрикнул Варис. — Так это сын Араза? Тем лучше, я женюсь на этой девушке.

Гумай призадумалась и потом сказала:

— За тебя ее, конечно, с радостью выдадут, но ведь твой отец не согласится.

— При чем тут отец? Я ни за что не уступлю эту девушку сыну какого-то голодранца Араза.

— Ладно, завтра поеду в город и поговорю с отцом.

— На родителей я не посмотрю, я знаю, они хотят невестку с большим приданым. Нет, давай поедem сейчас, — сказал Варис и потянул тетку за руку.

Гумай и Варис поехали в город.

Аслан-бека не было дома. Гумай рассказала обо всем Гамар-ханум.

Та прикрыла рот, ужаснувшись.

— Не будем больше говорить об этом. Пусть все останется шито-крыто.

Но Варис тоннул ногой.

— Я от своего не отступлюсь и отниму эту девушку у Полада.

— Значит, ты просто упрямисься? — спросила мать.

— Не только из упрямства, она мне очень приглянулась. Этому Аразу и его сынку я нанесу такой удар, что они не скоро опомнятся.

Вечером обо всем рассказали Аслан-беку. Тот пришел в ярость.

— Этому не бывать. Что, я ровня всяким грязным псам? Я женю его на девушке, которая будет под стать нам.

Но Варису удалось легко уговорить отца. В ответ на причитания жены Аслан-бек сказал:

— Чтобы отомстить этому голодранцу Аразу и его сыну, я пока что согласен. А то не позволил бы ввести в дом Рагим-бека дочь какого-то паршивого Алисафы. Если уж эта девушка так понравилась Варису, пусть наслаждается, пока не надоест, а там дадим кябин и отпустим на все четыре стороны.

Гамар утешала себя и Аслан-бека:

— Варис обещает, что больше трех месяцев жить с ней не будет.

Через несколько дней Гамар отправила свахами свою золовку и ее соседку Пиусту.

Алисафа был дома. Жена его приняла их почтительно. Гумай рассказала о цели их прихода.

— Мы посоветуемся с Алисафой, и завтра я сообщу ответ.

Когда свахи ушли, жена рассказала все Алисафе. Старый торгош обрадовался.

— Я согласен. Еще наши отцы и деды были соседями. Да и сами они люди знатные.

— А Полад? — негодующе спросила Пакиза. — Ведь с самого детства Алмас — нареченная Полада. Теперь Гюнеш сживет нас со свету.

Алисафа нахмурился и закричал:

— Как? Мне выдать дочь за сына голодранца Араза и сумасбродки Гюнеш? Чтобы я никогда от тебя ничего об этом не слышал, поняла?

На следующий день Пакиза сообщила Гумай:

— Муж согласен.

III

В последнее время Гюнеш и Пакиза почти не виделись. Однажды Пакиза зазвала соседку к себе во двор. Она была не в духе. Гюнеш не придавала этому значения, зная хмурый характер Пакизы.

Гюнеш огляделась.

— А где Алмас? Ее что-то совсем не видно.

По лицу Пакизы пробежала тень.

— Дома! — уныло ответила она. Пакиза понурилась и, глядя в сторону, добавила: — Ты слышала? Вчера приходили сватать Алмас.

— За кого?

— За Вариса, сына Аслан-бека.

— Что же вы ответили? — стараясь говорить спокойно, спросила Гюнеш.

— Алисафа согласился.

Гюнеш не в силах сдержаться схватила Пакизу за руку и крикнула:

— Да разве я отдам девушку Варису? Я уже давно сказала: Алмас — для Полада.

Пакиза замерла в крепких руках Гюнеш.

— Дорогая, я не виновата, — в отчаянии пролепетала она. — Я тут ни при чем.

— Они с детства любят друг друга. А этих распутных отца и сына ты хорошо сама знаешь. Как говорят, яблоко от яблони недалеко падает. Конечно, твой муж польстился на их богатство. И у свиньи сала много, что тут поделаешь? Сто лет днем с огнем искать, а такого парня, как Полад, не найдешь. Если б ты только знала,

как он изменился с тех пор, как Алмас стала от него прятаться. С сердцем не шутят. Это всегда плохо кончается.

Семья Араза правилась Пакизе, и она хотела, чтобы Полад был ее зятем. Бедность не мешала уважать их.

И она знала также, что ее дочь любит Полада. Чутким материнским глазом она заметила на лице дочери отражение сильной внутренней бури, после того как Алмас запретили видеться с Поладом. Ее большие, черные глаза словно заволок туман. Ее лицо, всегда радостное, исполнилось грустной сосредоточенности. Печаль Алмас не давала Пакизе покоя, и она не решалась открыться ни мужу, ни соседке. Ей было не легче, чем Гюнеш.

Упорно лоя взгляд Пакизы, Гюнеш ждала ответа. Отступать Пакизе было некуда. Она не знала, что делать, что сказать и, тяжело вздохнув, беспомощно повторила слова Гюнеш:

— Да, ты права, это кончится плохо.

Обе молча смотрели друг на друга.

В это время из комнаты донеслись звуки грустной песни — пела Алмас:

Ты меня бутончик гвоздики
Бросил в пылающий огонь.
Я не из тех цветков,
Чтобы понюхать и бросить...

— Пакиза, — сказала, наконец, Гюнеш, — ты должна придумать, что нам делать. Полад не перенесет горе.

— Гюнеш, помоги ты Алмас, — отозвалась Пакиза, но спазмы душили ее горло, и она зарыдала. Гюнеш испугалась, усадила Пакизу, расстегнув ей ворот рубахи и крикнула: «Воды, воды!» Через минуту Алмас вся в слезах стояла возле матери, держа в руках пиалу, а Гюнеш обрызгивала соседку водой, приговаривая:

— Пакиза... Пакиза...

Полад из-за стены слышал весь разговор. Наконец, не удержавшись, он перемахнул через стену и очутился рядом с женщинами. Он выхватил пиалу из рук Алмас и приблизил ее к губам Пакизы. Она сделала несколько глотков.

— Не бойтесь, она сейчас очнется, — успокоил он. Полад протянул девушке пиалу, и взгляды их полные затаенной любви и печали, встретились. Полад вспыхнул

от радости, но Алмас все еще была по-прежнему грустна. Она стояла потупившись. «Нас хотят разлучить, — молчаливо взывала она всем своим видом. — Скорее ищи спасения».

Калитка отворилась, и Алисафа сурово произнес:

— Ты уже взрослый. Тебе нельзя бывать среди женщин. Не смей больше приходить сюда.

Полад замер от негодования. Он ничего не ответил и быстро вышел со двора. Слова Алисафы болью отозвались в сердце Гюнеш.

Пакиза уже пришла в себя и открыла глаза. Алисафа взял ее за руку и повел в дом. Гюнеш вернулась к себе, с трудом подавляя гнев и обиду.

IV

Полад сидел под инжирным деревом и пел протяжную, заунывную песню. Гюнеш нарочно оставила его одного. Она позвала сына, только когда вернулся Араз.

— Сынок, иди пить чай.

Но Полад встал и куда-то ушел.

Гюнеш рассказала Аразу обо всем, что произошло. Араз выслушал ее спокойно и сказал:

— Да благословит аллах!

Гюнеш была удивлена равнодушием мужа: она знала, как он сильно любит своего первенца.

— Ты не смейся, — укоризненно отозвалась она. — Знаешь, чем все это может кончиться?

— А что может быть? Покончит с собой? Не беспокойся, мой сын не сделает этого.

— А вдруг сделает? Тогда что?

— Молодым, — усмехнулся Араз, — и я узнал всю боль любви. Полад не любит и не может любить так, как любил в свое время я.

— Кого же ты так любил? — сразу насторожилась Гюнеш.

— Тебя...

— Неправда!

— Я не помню, чтобы когда-нибудь врал.

И действительно, Гюнеш не могла припомнить, чтобы за все годы их совместной жизни Араз когда-нибудь солгал.

— Когда это было? — улыбнулась она.

— Когда ты еще была девушкой.

— Я что-то не замечала этого ни когда была девушкой, ни выйдя за тебя.

— Женскому глазу любви моей не заметить.

Гюнеш умолкла и задумалась. Перед нею мгновенно возник весь жизненный путь, пройденный с этим человеком, и она с новой силой почувствовала кристальную чистоту любви Араза. О Поладе они забыли. И только слова Араза: «Пора спать» вывели Гюнеш из задумчивости. Она тут же вспомнила о Поладе, и лицо ее сразу омрачилось.

— Что бы ты ни говорил, меня пугает эта история, — произнесла дрожащим голосом Гюнеш.

— Не бойся, — уверенно ответил Араз. — Все будет, как надо.

Гюнеш окинула взглядом богатырский стан Араза. Ее радовало, что Полад так похож на отца. Но тут же ее лицо опять заволокло печалью. Она старалась отогнать от себя мысль, что Полад не перенесет женитьбы Вариса на Алмас. Араз угадал, что тревожило жену. Они еще не встали с коврика, на котором пили чай. Араз стукнул ладонью по полу и сказал:

— Вставай! Видать, и у тебя с годами сдает сердце, ты уже не прежняя Гюнеш.

— Еще бы! Я вырастила такого сына, как Полад.

— А почему я не меняюсь?

— То-то и я удивляюсь.

— Больше всего на свете я боюсь слабости и как бы ты не передала ее Поладу.

Гюнеш поднялась с места и, с тревогой подумав о том, где сейчас может быть Полад, хотела что-то сказать Аразу, но не решилась.

— Ты не думай о нем, ему сейчас лучше, чем здесь с нами, — словно ответил на мысли жены Араз.

«Как он проникает в душу другого», — с гордостью подумала Гюнеш.

Ночью она перебирала в памяти слова Араза, но, вспоминая о сыне, беспокойно ворочалась в постели. А Араз уже давно спал.

Вдруг в дверь сильно постучали. Гюнеш быстро вскочила, побежала к окну и увидела приятеля Полада Гамбая.

— Что случилось, Гамбай? — встревоженно спросила она.

— Ничего не случилось, — успокоил ее Гамбай. — Полад просит свой саз.

V

С утра Полад работал с такой неустойчивой силой, что Гамбай загляделся на него.

Один из рабочих хлопнул Гамбая по плечу и кивнул головой в сторону стоявших поодаль людей.

— Что эти волки опять рыщут здесь?

Все оглянулись.

Аслан-бек, указывая на соседний промысел, говорил судебному приставу:

— Вот это его буровая. Он на пятнадцать сажен вклинился в мой участок. Вот план моего участка. Да еще кто-то ворует у меня половину нефти, и уже давно.

Судебный пристав недоуменно пожал плечами.

— Как же воруют, что никто не видит?

— Очень просто, — ответил Аслан-бек. — Этим занимаются крупные фирмы. Они присоединили мои трубы к своим и круглые сутки доят мой промысел, как корову. Раза три-четыре я ловил их на воровстве. Но они никак не унимаются.

— Да, по отношению к вам поступают не порядочно, — поддержал Аслан-бека судебный пристав. — Захваченная у вас земля будет возвращена вам. Сегодня же напишу донесение с указанием всех нарушений. Что касается воровства нефти, то мы вскрыем и это. Вы, наверно, уже встречались по этому поводу с председателем суда.

— Да, с ним я уже говорил.

Судебный пристав положил руку на плечо Аслан-бека и улыбнулся.

— Значит, дело вы выиграли.

И они ушли, сопровождаемые двумя полицейскими. Провожая их ненавидящим взглядом, Полад сказал:

— Когда же мы избавимся от этих жуликов?

— Эти паразиты сосут нашу кровь, — гневно произнес Гамбай.

Все на минуту задумались и потом снова вернулись к работе.

Полад работал все так же ловко и быстро. По предложению инженера, пройдя еще пять сажен, они должны были достигнуть верхнего нефтяного пласта. Рабочие

то и дело брали пригоршни земли, выбрасываемой из скважины, нюхали ее, но никаких признаков нефти пока не было.

— Куда это тебя сегодня так гонит? — спросил Гамбай.

— Наверно, к буре в моей жизни.

— К добру или злу будет буря?

— Не знаю, да и не думаю сейчас об этом.

— Не понимаю, почему предчувствие бури так воодушевляет тебя?

— Сомнения и растерянность — от слабоволия — всегда ведут к поражению.

— Ого, дружок, ты оказывается можешь и философствовать?

Полад вдруг остановился, почувствовав в скважине что-то неладное. Он прислушался к стуку долота и сказал:

— Поломалось.

Рабочие недоуменно уставились на него.

Гамбай подошел, взглянул на скважину и определил:

— Долото не поломалось.

— Долото поломалось, — упорствовал Полад.

— Откуда ты знаешь, — спросил Гамбай. — А может быть, там что-нибудь со штангой?

— Я сейчас докажу вам, что это долото.

Рабочие начали подъем долота. В это время подошел инженер и закричал:

— Лодыри, почему не работаете, баклуши бьете?

— Михаил Андреевич, долото сломалось, хотим поднять его из скважины.

Инженер окинул Полада злобным взглядом.

— Эй ты, лентяй, чего стоишь?

— Мы остановились, долото не бурит.

— Откуда ты знаешь, что не бурит?

— На слух.

— Какой же у тебя чуткий слух, что ты можешь заметить, что делается с долотом на двести-триста сажен.

Отстранив Полада, инженер сам стал опускать шланги в скважину. Он прислушался к стуку долота и раздраженно сказал Поладу:

— Эх ты, детина, разве поломанное долото так стучит? Ты думаешь, твои уши понимают больше моей головы?

— Нет, этого я не измерял.

Чтобы доказать превосходство своего опыта и знаний, инженер приказал поднять долото из скважины. Рабочие с нетерпением ждали, чем кончится этот спор. Когда долото было поднято, Полад отделил его от основания и, подняв, показал:

— Смотрите!

Долото, действительно, было сломано.

— Молодец, Полад, — дружным хором поощрили Полада рабочие.

Гамбай подошел к Поладу и хлопнул его по плечу.

— Молодец, молодец, Полад, — а потом взглянул на инженера. Инженер, едва скрыв свое замешательство, торопливо ушел.

Правота Полада обрадовала всех рабочих.

Через два дня Полада вызвали в контору. Счетовод протянул ему лист бумаги.

— Подпишись.

Потом он выдал Поладу три рубля двадцать одну копейку.

Полад сразу понял, в чем дело. Он решил, что ему нечего объясняться о своем увольнении с мелкими конторщиками. Он спрятал полученные деньги в карман и, не сказав ни слова, вышел.

Этот удар Полад встретил хладнокровно. Он верил в свои силы и надеялся за два-три дня найти другую работу, но все-таки увольнение не могло не огорчить его. Домой он пришел хмурый.

Мать стала жаловаться, что Араз давно не стригся и тянула его за руку:

— Иди, иди к парикмахеру.

Полад выложил деньги и сказал:

— Не спорьте, на стрижку хватит.

— Что это за деньги? — удивленно спросил Араз.

— Жалование.

Араз еще больше удивился.

— Ведь до жалования еще много дней. Тебя, может, уволили?

Полад подсел к отцу и рассказал обо всем, что произошло.

— Ты поставил под сомнение знания человека и даже не извинился, — сказала Гюпеш.

— Полад лучше нас знает свое дело, — недовольно перебил жену Араз. — Лучше умереть с голоду, чем жить без совести.

Он взял два гривенника из лежавших перед ним денег и пошел в парикмахерскую.

* * *

Бакинский комитет установил связь с Астраханью. Астраханская организация являлась связующим узлом между Россией и Баку. А водный путь между двумя городами делал эту связь надежной и безопасной.

Было решено, что марксистская литература будет доставлена из Астрахани в Баку водным путем.

Исполнить это было поручено Азаду.

Он готовился в дорогу. К нему пришли самые испытанные большевики напутствовать его. Среди них был и лоцман Алимардан, служивший на судне известного бакинского купца Гаджи Хади. Он плавал с детства и хорошо знал Каспий, особенно Астраханскую и Бакинскую бухты. Портовые рабочие его очень любили.

За свое медно-красное загорелое лицо он был прозван Кара-лоцманом.

Али Мардан был одним из деятельных членов бакинской большевистской организации. Он постоянно перевозил партийную почту из Астрахани в Баку и обратно.

Азад, откинув со лба густые черные волосы, сказал:

— Реакционеры наступают. Сейчас одна из наших главных задач — распространять большевистскую литературу среди масс. Только так мы можем поднять настоящую революционную армию. Сейчас правдивое слово острее меча.

— Азад прав, слово острее меча. Сколько раз мы это видели, — вступил в разговор Араз.

— Правильно, — поддержал его Ваня.

Кара-лоцман заверил, что безопасно доставить Азада в Астрахань на нефтеналивном судне купца Гаджи Хади.

Все крепко пожали Азаду руку. Араз с особой приветливостью улыбнулся ему.

— Азад, этот старый бакинец провезет тебя так, что и сам не успеешь опомниться.

— Всегда возил черную нефть, а теперь белую печатную бумагу. И то и другое несет свет.

На следующий день рано утром Азад пустился в путь на нефтеналивной барже Гаджи Хади.

Сватовство и обручение состоялось так быстро, что Алмас не успела опомниться.

Она не могла найти человека, с кем посоветоваться, на кого опереться. Даже мать казалась сегодня совсем равнодушной, изменившейся.

Алмас осталась в своем доме одинокой и беспомощной. Ей тяжело было сознавать, что навсегда расстанется с Поладом.

Она с душевной болью вспоминала их детские встречи, игры и оскорбление отца, нанесенное Поладу. Алмас сознавала, какую рану она нанесет Поладу, если выйдет за Вариса. Убитая горем, она поднялась и решила пойти к тете Рахшенде и просить помочь ей.

Она надеялась, что тетя Рахшенда уговорит ее отца, слезами умолит его и тогда все обойдется.

Она вышла и сказала матери с порога:

— Мама, я скоро вернусь.

Мать крикнула ей вслед:

— Доченька, сегодня не время ходить по гостям, возвращайся скорей, а то я приду за тобой.

Алмас, ничего не ответив и не оборачиваясь, выбежала на улицу. Проходя по Песчаной улице, Алмас увидела какого-то человека под мишальным деревом. Она остановилась и присмотрелась. Какой-то человек сидел под деревом и водил пальцем по песку. Это был Полад. «Он, наверное, знает, что сегодня мое обручение. Неужели он смирится с этим?» — думала про себя Алмас.

Полад радостно бросился к Алмас и тут же потупился в смущении. Алмас показала ему еще краше прежнего. Увидев цветастое платье, выглядывавшее из под чадры, он спросил:

— Ты сегодня что-то особенно нарядилась, к добру ли?

— Сегодня у нас похороны.

Полад недоуменно переспросил:

— Похороны? А кто умер?

Этот вопрос потряс Алмас. Она ждала совсем других слов. Она не могла больше удержаться и, закрыв лицо

руками, зарыдала. Слезы потекли из ее глаз, как дождь из весенних туч.

— Не плачь, не плачь, — сказал Полад, не зная о предстоящем обручении. — Никогда бы мне не видеть тебя в слезах.

Эти слова не могли утешить Алмас. Она ждала, что он скажет: «Не плачь, эти похороны будут у нас свадебным пиром, и будем мы жить в радости и счастье».

— Да перестань, — сказал укоризненно Полад. — Ты еще успеешь наплакаться на похоронах. Кто же умер?

— Я, — сказала она и быстро повернувшись ушла. Полад был в недоумении и тоскливо смотрел вслед Алмас.

«Кто же умер? Почему я об этом не знаю», — подумал Полад, а ведь мы живем рядом. И он побежал домой узнать, о чем плачет Алмас. У порога Полада встретила Гюнеш.

— Что случилось у Алмас? — спросил он мать.

Гюнеш подозрительно посмотрела на сына. По его хмурому виду и растерянному выражению лица она подумала, что он узнал об обручении Алмас. Она хотела было сообщить ему обо всем, но не решилась и только сказала:

— Ничего особенного не случилось.

Полад рассказал о своей встрече с Алмас и повторил ее слова: «У нас сегодня похороны».

Гюнеш отложила нож — она готовила обед — испытываясь взглянула на сына и спросила:

— Больше ничего не сказала;

— Больше ничего. Кто же у них умер?

Гюнеш сперва растерялась, а потом сказала:

— Никто не умер, но сегодня обручение Алмас.

Эта весть молнией поразила Полада. Пытаясь скрыть свою растерянность, он спросил:

— Какое обручение? С кем?..

— С Варисом, сыном Аслан-бека, — ответила Гюнеш, боясь посмотреть в глаза сына. — Быть бедной девушке несчастной.

У Полада будто что-то оборвалось в сердце. Он только теперь понял, почему плакала Алмас. Ему стало стыдно, что он сказал ей: «Ты еще успеешь наплакаться на похоронах. Кто же умер?»

Полад поджидал Алмас у миндального дерева. В это время, не заметив его, мимо прошла Пакиза. Полад подумал — «А встретимся ли мы?», но все-таки не терял надежды. Он, как охотник, спрятался в засаду и ждал Алмас, заранее подбирая слова прощения. Зоркий взгляд Полада увидел вдаль Алмас, идущую среди нескольких женщин. Полад отчаялся и спрятался за ствол дерева.

Женщины приближались. Полад не сводил скорбного взгляда с Алмас. Тетяшка Рахшенда говорила:

— Пакиза, я венчиком размету волосы у ног брата и буду просить его. Я не позволю, чтобы Алмас плакала.

— Не хлопочи напрасно, — перебила ее Пакиза. — Ты же хорошо знаешь своего брата. Он не выдаст свою дочь за сына таких бедняков, как Араз и Гюнеш.

Эти слова ужалили Полада в самое сердце. Заплаканная Алмас увидела Полада и замедлила шаг. Пакиза, следящая за каждым движением дочери, стала озираться по сторонам. Увидев Полада за деревом, она схватила дочь за локоть и втолкнула в калитку. Калитка захлопнулась. Полад замер.

И вдруг его взгляд упал на зыбкую надпись, которую он начертил перед встречей с Алмас и которая уже совсем осыпалась.

II

Стояла сильная жара. Под знойными лучами солнца ветки деревьев поникли. Листья не шелхнутся.

Алмас и Дильгюша, сидя на балконе, делились своими печальми.

— Только смерть разлучит меня с Поладом, — говорила Алмас.

— А он тебя даже и не замечает. Если бы он тебя любил, то нашел бы уж тысячи путей. Ты помнишь его последние слова: «Ты еще успеешь наплакаться?»

Выгораживая Полада, Алмас сказала:

— Он тогда ничего не знал об обручении.

— Как это ничего не знал? Ведь он живет у вас под боком. Уже десять дней ходят сваты. Обручение будет вот-вот. Как же он может ничего не знать?

Алмас опустила голову.

В доме готовились к предстоящей свадьбе. Пакиза, оглядевшись, сказала:

— Хотя бы комод купить, было бы куда сложить вещи.

— Ты дура, — усмехнулся Алисафа. — Я выдаю ее замуж за такого человека, у которого в доме куры золота не клюют.

Поднялся сильный ветер. Дильгюша первая заметила порыв налетающего ветра и громко вскрикнула:

— Алмас, Алмас, взгляни туда.

Алмас рассеянно посмотрела на огород, куда ей указывала сестра.

— Смотри, как ветер срывает маки! Даже колючки летят в воздух.

Алмас следила за колючками, крутящимися на ветру.

Неожиданно налетевший ветер всклубил пыль.

Услышав вскрик Дильгюши, Алисафа и Пакиза вышли на балкон. Увидев колючки, уносимые ветром, Алисафа удивился:

— Ва, что это такое?

— Ветер вырвал колючки из ограды.

Колючки исчезли с глаз, унесенные ветром.

Дильгюша взяла за руку Алмас.

— Алмас, и ты сегодня улетишь так же.

* * *

У Полада беда была за бедой. Как он ушел с промысла, ему больше нигде не посчастливилось. Его больше всего огорчало, что он опять ест отцовский хлеб, хотя уже овладел мастерством нефтяника. А когда он вспоминал об Алмас, жизнь меркла перед ним. Он с болью вспоминал те бессмысленные слова, которые сказал ей под миндальным деревом.

Уже три дня Полад не находил себе места. И теперь думал: «Что делать? Неужели я навсегда потеряю свою Алмас? Мы должны быть вместе», и казалось какое-то решение осенило его.

Горе исчезло, и Полад стоял под ласковыми лучами солнца, счастливая улыбка играла на его лице. Да, он соединится с Алмас и будет с ней жить радостно и счастливо.

Но тут же Полад опомнился: женитьба на Алмас приведет к кровавым распрям. Сперва Полад равнодушно

отнесся к этому, готовый пожертвовать всем ради своей любви. Но еще минута трезвого размышления — и все его надежды пошли прахом. Теперь он взглянул на жизнь не как влюбленный юноша, а как взрослый мужчина, умудренный горьким опытом. «Что ж, — подумал он, — если столько препятствий, то может, лучше отказаться от Алмас и жить только воспоминаниями?» Полад не знал, на что решиться.

В это время кто-то положил ему руку на плечо, и твердый голос произнес:

— Вставай!..

Полад поднял голову и увидел отца.

— Вставай, что сидишь тут скрючившись, как старая карга?

Полад поднялся. Араз потрепал сына по плечу.

— На промысле Арутюнова нужен механик. Иди скорей туда.

Полад ушел. Араз крикнул ему вслед.

— Только не задерживайся!

— Ты опоздал, — ответили Поладу на промысле Арутюнова. — Уже взяли человека.

Полад пошел к Гамбаю. Он силился притвориться веселым, шутил, смеялся, но все-таки он не мог скрыть своих страданий.

— Гамбай, а кто самый страшный враг бедняков? — спросил Полад.

Гамбай растерялся, не зная, что ответить на этот неожиданный вопрос.

— Как кто? — переспросил он.

— Я говорю, кто наш враг? — снова задал свой вопрос Полад.

Гамбай молчал, и Полад сам ответил на свой вопрос: — Кто прогнал меня с работы? Кто отнял у меня Алмас? Богачи. Они нас и за людей не считают.

Гамбай вместо ответа протянул другу саз.

— Пусть хоть весь свет ополчится против нас, что с нами сделают? Лишь бы у друга оставался этот саз. Сыграй, Полад!

Полад взял саз и заиграл. У него стало легче на душе.

Полад допел песню и сказал другу:

— Сегодня я не могу быть с тобой. Мне надо в Ахмедлы.

— Зачем?

— Да так, погулять, поудить рыб.

— Как это так? Разве ночью рыбу удят?

— Возьму фонарь. Рыба идет на свет.

— Я не оставляю тебя одного, — поднялся Гамбай.

Гюнеш не спалось. Сидя на балконе, она ждала Полада. Ее мучили мрачные предчувствия.

Араз вернулся поздно и спросил жену:

— Почему ты до сих пор не спишь?

Гюнеш солгала первый раз в жизни:

— Соседка приходила, судачили.

По лицу и по голосу Гюнеш Араз понял, как тяжело у нее на сердце.

— Что ты опять хмуришься? Стели-ка скорее постель.

— Не знаю, чего ты хочешь? Плясать мне, что ли?

Араз ничего не ответил и лег спать. Гюнеш тоже легла, но никак не могла уснуть. Убедившись, что Араз спит, она потихоньку вылезла из постели и пошла к Гамбаю.

В его доме горел свет. Гюнеш подошла и заглянула в окно. Гамбай на балконе жарил шашлык из рыбы, а Полад, тихо проводя по струнам саза, напевал грустную песню.

Гюнеш вернулась домой в слезах. Войдя, она прибавила свет в лампе и взглянула на лицо мужа. Оно показалось ей каким-то необычным, совсем не таким как всегда.

Утром вернулся Полад, неся свежую рыбу. Он протянул ее матери и сказал:

— Возьми, это нам на обед. А эту большую отцу приготовь отдельно.

Полад опять ушел и вернулся домой поздно.

— Где ты был до сих пор? — спросила его мать.

— Искал работу. С завтрашнего дня выхожу.

— Где?

— В Балаханах.

Гюнеш взглянула на радостное лицо сына и подумала: «Да будет мать жертвой твоей. Ты мужчина и сын мужчины».

III

В доме Алисафы шли последние приготовления к свадьбе. Слезы Алмас и непочтение сватов огорчили Пакизу.

— Дочь надо выдавать за ровню, — пожаловалась она золовке. — Что это были за сваты? Бекская жена еще не увезла девушку, а уж не хочет признавать нас. А после свадьбы она и на порог к себе не пустит. Ни на сватовство, ни на обручение не пришла. Я знаю, она сегодня и за невесткой своей не придет. За людей нас не считает. Что, дочь хороша, а мы так уж плохи? Кто знает, может быть, она и Алмас не будет признавать, дочь бедняка. Со слезами я выдаю дочь замуж и не знаю, чем это все кончится. Если ей плохо будет, я загрызу твоего брата-скрягу. Ей-богу, житья ему не дам.

— Гумай говорит, что она больна, — успокаивала ее Рахшанда, — поэтому и не смогла прийти.

— Все это хитрости. Я знаю, Алмас нанесут рану, которая не заживет до смерти.

— Какую рану? Ведь он думает о счастье дочери.

— О ее счастье? Гамар со мной совсем не считается и дочь, конечно, не признает. Я представляю себе, как будет издеваться над ней эта кривоногая ведьма. Совсем обнаглела, никого знать не хочет.

— Зачем злословить? Уже время съезжаться гостям. Иди, принимайся за свое дело.

Алисафа пригласил на свадьбу только близких родственников.

Гости уже собрались. Играл гармонист. Женщины и девушки танцевали.

Только Алмас, забившись в угол, трепетала, как раненая птица. Как ни звали ее покрасить волосы хной и сесть под покрывало, она упорно отказывалась. Приходила за ней мать, тетка, подружки, а она все не шла. Тогда, наконец, мать сердито взяла ее за руку и повела за собой.

— Неужели ты хочешь осрамить нас перед людьми? Идем!

Как Алмас ни плакала, на нее насильно надели свадебный наряд, и женщина, сопровождающая невесту, помазала ей ладони хной, а потом сказала:

— Да благословит аллах, да проживут они до старости вместе.

Алмас накрыли с головой красным тюлевым покрывалом. Вскоре пришли люди жениха. Гумай была впереди. Мать Вариса Гамар не пришла и на этот раз. Паки-

за не знала, куда ей деваться от позора. Она спряталась на кухню и, ударяя себя по коленям, причитала:

— Вай, своими же руками толкнула дитя свое в беду. Да разрушится в прах дом врага.

Рахшанда с трудом успокоила ее и вывела из кухни. Пакиза утирала слезы.

— Ты сама отвезешь девочку и все скажешь этой кривоногой Гамар. Правильно говорит Гюнеш: «И у свиньи много сала, что с того? Пусть они беки, неужели мы хуже?».

Гостям раздали шербет, и они поднялись. Алмас была бледна, как смерть. Отец благословил ее, и девушку тут же повели к фаэтону.

Люди жениха уселись по обеим сторонам. Енга, женщина, сопровождавшая невесту, держала горящую свечу. Рахшанда с другими гостями села во второй фаэтон.

* * *

Варис сидел в ресторане и вдруг увидел Зейнала. Это был парень, с которым они недавно повздорили. Зейнал сидел тогда за соседним столиком с какой-то девицей. Варис подмигнул этой девице. Зейнал заметил и они подрались. Уходя из ресторана, Варис пригрозил: «Подожди, мы еще встретимся». И вот сейчас Зейнал случайно оказался в этом ресторане. Варис два раза пытался встать, но Зейнал преграждал ему дорогу, не давая возможности уйти.

Его отпустили только в три часа ночи.

Когда Варис стал спускаться с лестницы, Зейнал позвал его:

— Эй, не уходи, что ты хотел сказать? — Варис продолжал спускаться с лестницы.

Зейнал еще раз крикнул ему вслед:

— Стой, тебе говорят. А то пристрелю!

Варис, зная, что Зейнал хочет свести с ним счеты, ускорил шаги. И только у самых дверей, думая, что его приятель Заман должен быть рядом, он осмелился и, обернувшись, крикнул:

— Что ты от меня хочешь? Кто ты, кто я? Иди найди себе пару.

Варис плохо знал Зейнала и поэтому не мог предположить, что Зейнал — близкий друг известного кочи Теймура.

Зейнал подошел к Варису и злобно прошептал:

— На таких ослятах, как ты выжигают клеймо, — и дал ему пощечину.

Варис, бранясь, стал звать Замана:

— Заман! Заман!

Услышав имя Замана, Зейнал тут же вытащил маузер. Варис не заметил, что Зейнал вытащил револьвер и, выходя из дверей, выругался:

— Ишак ты, ишачий сын, посмотришь, что я с тобой сделаю!

Зейнал, не помня себя от злости, прицелился в Вариса. Раздался выстрел. Варис упал.

Швейцар в ужасе отпрянул к дверям. Зейнал пустился бежать вверх по улице.

К Варису подошли сперва осмелевший швейцар, а потом и Заман. Варис, распластавшись на тротуаре, стоял. Он едва произнес:

— Отвезите меня домой.

Заман спросил его.

— Кто стрелял в тебя?

— Зейнал, — ответил еле слышно Варис.

Больше ничего узнать у Вариса он не смог — тот был без сознания..

Пока его везли в фаэтоне домой, он умер.

Заслушав стук фаэтона, гости выбежали на улицу: первая к фаэтону подошла Гамар.

И тут же раздался душераздирающий крик:

— Вай, мой бедный мальчик, вай! — вопила Гамар.

Кто-то, перенося труп Вариса, спросил:

— А куда его положить?

Гамар рвала на себе волосы и кричала.

Увидя Алмас, она заорала:

— Чтобы ноги отсохли у такой невесты. Она погасила мой очаг. Скорей уведите ее из моего дома, чтобы я ее больше не видела.

Наутро Рахшанда уехала в селение и увезла с собою Алмас.

В последнее время Вариса всюду сопровождал известный головорез Заман. Но он, хорошо зная Зейнала и его друга Теймур-бека, струсил перед ними и скрыл убийцу.

— Как ни стараюсь, не могу найти убийцу Вариса. —

говорил он Аслан-беку. — Ума не приложу, кто это мог сделать?

Аслан-бек нахмурился.

— Я знаю, кто мой враг. Вариса убил Полад, на невесте которого я хотел женить своего сына.

Заман обрадованно ухватился за предположение Аслан-бека.

— Так и есть. Кто еще, кроме Полада, мог его убить?

Аслан-бек решил расчитаться с Аразом. К тому же, добившись осуждения Полада, он думал отомстить за смерть сына. На следующий день он подал в суд жалобу, обвиняя Полада в убийстве сына.

* * *

Вернувшись в отчий дом, Алмас не могла найти себе места.

Полад радовался, что теперь сможет жениться на Алмас, но его пугал Аслан-бек.

Сгущались сумерки. Гюнеш загоняла кур в курятник. В это время усталый пришел с работы Полад.

Он задержался у калитки, наблюдая, как мать загоняет кур. Гюнеш заметила Полада.

Она хотела что-то сказать, но Полад опередил ее.

— Эх, мамочка, мы, рабочие, напоминаем твоих кур. — С рассветом — на работу, а на закате — в курятник.

Эти слова, полужитливые, полупечальные болью отозвались в сердце Гюнеш. И она подумала, как он чист сердцем, ее трудолюбивый сын и как ему не повезло в личных делах.

— Что ж поделывать, сынок. Проклятие тем, кто устроил нам такую жизнь.

Гюнеш быстро расстелила скатерть и поставила еду. Полад умылся и присел к скатерти. Едва он потянулся за хлебом, как в калитку вдруг постучали. Полад догадался по стуку, что там кто-то чужой, и пошел открыть сам. У калитки трое полицейских.

— Полад Араз-оглы здесь живет? — спросил один из них.

— Да, здесь, это я, — ответил Полад.

— Тогда собирайся и пойдем с нами.

Подбежавшая Гюнеш загородила сына.

— В чем он виноват? Куда вы его ведете?

Тот же полицейский сказал:

— Пусть скорей одевается, а там разберутся, кто в чем виноват.

Гюнеш догадалась чьих рук это дело.

— Он ни в чем не провинился, я вам не отдам его! — кричала Гюнеш. Рыдания Гюнеш слились с плачем Алмас, глядевшей из-за ограды, но ничто не могло помочь Поладу. Он оделся и ушел с полицейскими.

В ушах Гюнеш стояли последние слова Полада.

— Не плачь, мама, рано или поздно правда возьмет верх. А Аслан-бек еще поплатится за свои взятки. Близок день, когда мы схватим за горло этих убийц.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Было пасмурно. Луч маяка таял во мраке ночи. Тишину нарушали только плеск набегавших на берег волн и тихие голоса трех мужчин, сидевших на скале и зорко всматривавшихся в морскую даль.

В стороне от них лежала на боку вытянутая на берег небольшая лодка, а немного поодаль от нее стояла подвода, запряженная двумя лошадьми.

Сидевшие на скале разговаривали.

— Почему его нет до сих пор? Я боюсь, чтобы он не ошибся в темноте и не подплыл к другому месту.

— Я знаком с этим лоцманом. Он старый морской волк и знает море вдоль и поперек.

— Дорогу-то он найдет, конечно. Меня беспокоит не это.

— А что?

— Как мы перевезем его на подводе? Среди сторожей есть шпики. Они могут догадаться, и тогда...

— Об этом я думал и, кажется, нашел выход: накроем его одеялом и, если кто спросит, скажем, что везем в больницу больного.

Один из сидевших встал и, показывая на приближающееся судно, обрадованно сказал:

— Подходят!

Встали и остальные.

— Приготовь лодку.

— Сейчас, а ты иди к подводе, — отозвался второй. Столкнув лодку в море и прыгнув в нее, он весело добавил:

— Я поплыл, товарищи! До свидания! — И он ловко начал грести.

Двое оставшихся на берегу пристально следили за тем, как судно и лодка приближались друг к другу.

Один из них сказал:

— Ты посмотри, как гребет этот богатырь Араз. Лодка у него летит, как птица.

— Они сближаются... Судно замедлило ход. Жаль, что в такой темноте ничего не разберешь.

— И я плохо вижу в темноте. Но, кажется, лодка еще не подошла к судну.

— Как не подошла?.. Почему же тогда судно остановилось?

Оба они напряженно вглядывались в темноту. Лодка стала отплывать.

— Плывут, плывут...

Вскоре лодка подошла к берегу.

Стоявшие на берегу подбежали к тому, кто выпрыгнул из лодки.

— С приездом, Азад.

— Расскажи, что нового. Как дела?

— Тише. Мне слышались какие-то шаги.

Невдалеке показалась тень человека, идущего вдоль берега моря.

— Он что-то не похож на друга.

— Надо быть поосторожнее, это, наверное, сторож с маяка. Он, конечно, заметил, как лодка подплыла к берегу. Азад, укройся за скалой.

— А вы?

— Мы свое дело знаем.

Послышался окрик.

— Эй, кто вы?

— Не бойся, мы рыбаки! — крикнул в ответ Араз.

— А лодка чья?

— Ай киши, отпусти ружье, подойди поближе, посмотрим, кто ты.

— Тут дело нечисто. Эта лодка с нашего маяка. Скажите правду, кого вы сняли с парохода?

— Мы не разбойники. Подойди к нам, чего боишься?

— Мать родила меня не трусом. Как говорится, осторожность красит храбреца. Вы что-то не похожи на здешних людей. Говорите, кто вы? Откуда приехали и куда едете?

— Мы с ближайших садов. К вечеру пришли порыбачить. Думаем здесь и переночевать.

— Врешь. Бросьте на землю оружие, руки вверх, а то стрелять буду.

— Оружия у нас нет, руки мы можем поднять, подойди и посмотри, что ты у нас найдешь? — ответил Араз.

По знаку Араза все подняли руки. Сторож подошел к ним и поочередно заглянул каждому в лицо.

— У кого есть оружие, пусть признается, а то... Араз, высоко подняв руки, шагнул к сторожу.

— Ай киши, вот я весь перед тобой, если хочешь, обыщи, откуда у меня оружие?..

Сторож немного отступил и, окинув взглядом огромную фигуру Араза, крикнул:

— Не подходи, стреляю! — И потом громко позвал кого-то:

— Муслим, Муслим!

Араз мгновенно налетел на него и вырвал ружье из его рук. Сторож не удержался на ногах и упал навзничь, продолжая звать:

— Муслим, Муслим!

Араз отшвырнул винтовку и схватил упавшего за горло:

— Не ори, не то задушу! Теперь скажи, ты кто?

Вдруг схваченный Аразом человек напряг все силы и вырвался.

— Ты хочешь задушить меня, сын свиньи? Еще не родился тот человек, кто смог бы задушить Захраба, — сказал он и, выхватив маузер, прицелился в Араза.

Но револьверная пуля Араза опередила его. Захраб сделал несколько неверных шагов и мешком упал на землю.

Он был сражен насмерть. Повернувшись к товарищам, Араз спросил:

— Вы знаете, что это за Захраб? Это он убил в Шувелянах одного из наших и не переставал угрожать большевикам.

Араз и его товарищи перенесли из лодки в подводку ящики с книгами. Потом Араз бросил труп в лодку и оттолкнул ее от берега.

— Бери свою лодку и плыви, куда хочешь!

Они уложили Азада на подводку, накрыв одеялом. Подводу Араза подводка тронулась. Она медленно двигалась в ночном мраке, глубоко погружаясь колесами в песок.

Много интересного рассказал Азад о своей Астраханской поездке. С особенным удовольствием слушал Араз его рассказы о том, как ему приходилось выступать в рабочих кружках Астрахани, о том, с каким воодушевлением встречали они все, что говорил Азад о революционной борьбе бакинских рабочих. Потом Азад сообщил о своей встрече с революционерами, связанными с Петербургом, о привезенной им литературе, которая должна была во многом помочь в условиях усиливающейся реакции.

Араз рассказал, в свою очередь, о последних событиях, о делах организации. Они так увлеклись беседой, что не заметили, как приблизились к селению Бины.

Возница приостановил лошадей и спросил:

— По какой дороге ехать: по нижней или верхней?

— По верхней, там нас ждет Ваня, — ответил Араз.

Подвода двинулась дальше. Вскоре в условленном месте их встретил Ваня.

Ваня поздоровался с Азадом и вызвался проводить его домой, оставив подводку под присмотром Араза.

Расставаясь с ним, Азад поручил спрятать ящики с книгами где-нибудь в подвале.

— Будь спокоен, все подготовлено, как надо, — ответил Араз. Они распрощались. Араз с остальными двумя товарищами поднялся на подводку, и они поехали дальше.

Изредка со стороны промыслов к ним подходили вооруженные люди и, доложив о безопасности пути, провозжали до следующего сторожевого поста.

Подвода остановилась перед небольшим одноэтажным домиком. Здесь жил рабочий Синицын. Уже начало светать. Пели первые петухи.

После возвращения Азада из Астрахани, деятельность подпольной большевистской организации еще больше оживилась. Расширилась агитационная работа,

ряды партии пополнялись рядовыми испытанными рабочими.

II

Деятельное участие в подпольной организации, в стачках и демонстрациях, речи вождей революционного движения, чтение книг выковали из Араза стойкого большевика. Теперь он и сам по заданию партии выступал в рабочих кружках, к которым был прикреплен, увлекательно рассказывал о ширящейся революционной борьбе.

В эти годы Бакинский комитет стал прочной, надежной крепостью партии. Все растущее влияние большевиков, укрепление рабочих организаций испугали правительственные круги и нефтепромышленников. Опираясь на реакционные силы, они беспощадно расправлялись с революционерами, жестоко подавляли демонстрации и забастовки, не гнушаясь никакими средствами, чтобы подавить рабочее движение.

Карательные меры, преследования и аресты еще больше усиливали гнев среди бакинского пролетариата. С глубоким возмущением была принята весть о предательском убийстве Ханлара Сафаралиева, заслужившего любовь всех честных тружеников. Протестуя против этого кровавого злодеяния, рабочие всех бакинских районов стали проводить забастовки.

Получив известие об убийстве Ханлара, Азад спешно созвал всех большевиков. Для участия в похоронах на собрании были выбраны 30 человек под руководством Азада и Вани.

Было решено провести забастовку и в Сураханах. Руководство этой забастовкой возложили на Араза. Было дано задание прийти на похороны подготовленными, раздать рабочим оружие.

III

Рабочие сураханских промыслов, приостановив работу, рано утром начали собираться в установленном накануне месте.

Пришедший раньше всех Араз побывал всюду, стараясь, чтобы забастовка прошла организованно.

Рабочие несли колыхавшиеся на утреннем ветерке лозунги «Смерть палачам Ханлара!», «Долой самодержавие!».

По знаку Араза, волнуемая, как море, масса людей двинулась вперед. Забастовщики с пением «Интернационала» живым потоком шли по шоссе, покрытой местами глубокой грязью, местами булыжником, к небольшой площадке среди буровых вышек.

Большая часть контор нефтенпромышленников была расположена здесь.

Араз поднялся на табурет, захваченный самими забастовщиками. Рабочие встретили его восторженно. Как только Араз заговорил, сразу установилась глубокая тишина.

Араз объявил открытым митинг сураханских рабочих, проводимый в знак протеста против зверского убийства Ханлара Сафаралиева.

Первым взял слово Синицын.

Рабочие встретили его аплодисментами.

Синицын, отбросив назад упавшие на лоб русые волосы, заговорил. В его голосе звучали гнев и ненависть. В конце своей речи, в которой он посылая проклятие подлым убийцам Ханлара, он призывал рабочих к единению, к борьбе за свержение тирании и гнета.

— Товарищи, — закончил он, — мы должны всегда чтить память наших друзей, павших в борьбе против хищников-капиталистов, еще теснее сплотиться вокруг нашей родной партии. Память о любимом Ханларе всегда будет жить в наших сердцах. Позор убийцам Ханлара!

Последние слова Синицына волнами прокатились по толпе забастовщиков.

После него выступило еще несколько рабочих.

Митинг шел своим чередом. Араз радовался, что все идет так хорошо.

Наступило время произнести заключительное слово, закрыть митинг и продолжать забастовку.

Не успел Араз подняться на табурет, как один из рабочих, дергая его за выцветшие брюки, сказал:

— Араз, с тобой хочет поговорить одна женщина.

Араз оглянулся и увидел женщину, которая запыхавшись, пробиралась сквозь толпу. Он сошел с табурета. Женщина бросилась к нему и спросила:

— Вы руководите забастовкой? Советую немедленно разойтись. О вашей забастовке сообщено заранее. Уже высланы вооруженные отряды.

Женщина, принесшая эту весть, была Таня. Она тяготилась насильно навязанной ей обязанностью осведомительницы, она старалась сблизиться с рабочими, чтобы помогать им, но ей не доверяли. И все-таки, пользуясь своим служебным положением, она не раз предупреждала их о грозящей опасности.

Когда начальник жандармского управления вызвал Танию и дал ей задание вместе с Мишей примкнуть к полицейским отрядам, направленным на подавление забастовки сураханских рабочих, она тут же выехала из города.

Она сообщила Аразу все, что знала о численности посланных частей.

Таня говорила с таким искренним волнением, что ей нельзя было не поверить. Араз от души поблагодарил эту простую, мужественную женщину и снова поднялся на табурет. Настала тишина. Раздался сильный голос Араза:

— Товарищи! Убийство Ханлара не только глубоко опечалило нас, но и усилило нашу ненависть к его убийцам. Наш долг — мужественно продолжать свою борьбу. Нас не должны страшить никакие угрозы, никакие опасности. Вырывая из наших рядов таких борцов, как Ханлар, паризм думает ослабить нашу борьбу. Но это ему не удастся.

— Дорогие друзья, — продолжал он, — только сейчас одна самоотверженная русская женщина принесла весть о том, что правительство выслало сюда отряды для подавления нашей забастовки. Они хотят расправиться с нами. Но мы должны держаться стойко, собрать все свои силы, всю свою мощь.

— Правильно, верно! — раздался голоса, забастовщиков.

— Мы покажем этим извергам, что убийство таких людей, как Ханлар, даром им не пройдет.

Едва Араз кончил говорить, как на шоссе показался отряд полицейских и солдат. Они шли к забастовщикам, которых нужно было ободрить, и тогда опять зазвучал голос Араза:

— Товарищи! Не расходитесь, на огонь ответим огнем. Эти слова, полные уверенности в своих силах привели в движение всех рабочих.

Приблизившиеся полицейские и солдаты открыли стрельбу в воздух. Это была первая попытка устроить рабочих. Забастовщики не шелохнулись. Раздались выстрелы по полицейским и солдатам. Те, расстерявшись от неожиданности, бросились врассыпную. Перестрелка все усиливалась. Араз с оружием в руках давал указания забастовщикам и стрелял сам в противника. Забастовщики держались стойко. Прибывшие для разгона забастовщиков полицейские и солдаты должны были обороняться сами. Увидев, что противник дрогнул, Араз приказал двинуться вперед. В это время к полицейским прибыло подкрепление. Пули градом посыпались на забастовщиков. Нужно было не допустить потерь, и Араз тут же приказал прекратить огонь. Перестали стрелять и нападавшие. В одно мгновение вооруженные полицейские и солдаты ворвавшись в ряды рабочих, начали разгонять забастовщиков. Сопrotивлявшихся рабочих арестовывали. Рабочие старались как можно скорей спасти оружие. Араз сбил с ног полицейского, который отнимал у рабочего ружье, но тут два других полицейских схватили его. Забастовщиков оставалось уже мало. Всякое дальнейшее сопротивление было уже бессмысленно. Араза окружили со всех сторон. Он упорно сопротивлялся и не сдавался. Но удары лишали его сил. Араз был весь в крови. Удар прикладом в спину повалил его на землю. В это время щупленький человек в полицейском мундире подошел к нему и сказал:

— Ага, старый приятель, рад с тобой встретиться. Берегите этого молодца, — сказал он полицейским. — Он расскажет нам много интересного о забастовке и ее главарях.

Араз узнал Мишу. От слов Миши гнев Араза пере-силл боль. Ему хотелось подняться с земли, но он не мог. Он только глядел на Мишу горящим, уничтожающим взглядом. Два полицейских подняли его под руки. И тогда раздался голос Араза, полный гордой силы:

— Этого тебе не видать! Не за горами тот день, когда мы рассчитаемся с тобой и с такими, как ты. Мы уничтожим ваш подлый мир и создадим свой — свободный и счастливый!

Конец первой книги

АБДУЛЛА ШАИК

(Биографическая справка)

Талибзаде Абдулла Шаик Мустафа оглы родился 24 февраля 1881 г. в городе Тифлисе. Начальное образование получил в Тифлисе. Продолжал учебу в хорасанском мектебе (нынешний Мешхед), где изучал фарсидскую и арабскую литературу, поэтику, логику и психологию.

С 1900 года, переехав в Азербайджан, Абдулла Шаик работает учителем азербайджанского языка в бакинских городских училищах и одновременно продолжает литературную работу. Печататься начал с 1906 года. Его перу принадлежат десятки стихов и поэм, рассказы и повести, пьесы и романы, пользующиеся большой популярностью в Азербайджане. Он же является автором ряда учебников для высших и средних учебных заведений по азербайджанской литературе и поэтике.

За заслуги в области искусства и литературы Абдулле Шаику присвоено звание заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени и медалями Советского Союза.

В 1946 и 1954 гг. был избран депутатом Верховного Совета СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо не дошло	3
Жить или не жить?!	8
Кочевье	11
Дурсун	31
Червяк	51
Анабаджи	56
Араз (роман)	62
Биографическая справка	191

Для среднего и старшего возраста

Талыбзаде Абдулла Шанк Мустафа оглы
ПИСЬМО НЕ ДОШЛО
 Рассказы и роман

Редактор *И. Новинская.*
 Художник *И. Кулиев.*
 Художественный редактор *Н. Рагимов.*
 Технический редактор *Х. Сафарова.*
 Корректор *Р. Пашабекова.*
 ИВ № 1559.

3298лет

Сдано в набор 16.03.84. Подписано к печати 12.07.84. Формат бумаги 84×108^{1/2}. Бумага № 1. Гар. литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отг. 10,29. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 30 000. Заказ № 552. Цена 60 коп.

Государственный Комитет Азербайджанской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Гянджлик», Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.
 Типография им. 26-ти бакинских комиссаров, Баку, ул. Али Байрамова, 3.